Виктор Стефанович Кожемяко

Путин и СССР

Превознесение предательства

Беловежское проклятие остается над теми, кто продолжает идеологию и политику душителей социализма, уничтоживших двадцать лет назад нашу великую Советскую Родину.

Лучше всего понять смысл и значение происшедшего под укрытием глухой декабрьской ночи 1991 года в заповедной Беловежской Пуще помогают слова из Обращения И. В. Сталина к народу светлым победным майским днем 1945-го: «Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входят расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: „Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться“. Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах». Разве не заветную гитлеровскую мечту осуществили беловежские заговорщики, подписав документ о ликвидации Советского Союза? В их оправдание сегодня говорят, что Советская держава к тому моменту фактически уже перестала существовать. Тогда зададим еще один вопрос: а кто и как довел державу до этого?

Приведенные выше сталинские слова производят на меня сильнейшее впечатление, потому что вызывают целый ряд исторических сравнений и параллелей, почти мистических, от которых невозможно уйти.

Вот первое: черная дата, когда был подписан акт, положивший конец Советскому Союзу, буквально совпала с днями начала ровно 50 лет назад контрнаступления советских войск под Москвой. Тогда, в 41-м, многим это показалось (да и поныне кажется!) невероятным чудом. Но оно свершилось и при всей вроде бы невероятности имеет абсолютно реальные, сугубо конкретные основания и причины.

Замечу: то, что в Кремле был Сталин, который потом, в мае 45-го, и поздравит соотечественников с Великой Победой, что Сталин в роковой момент истории оставался в столице, не покинул Москву, тоже входит в число тех причин. Но самое основное, конечно, — советский социалистический строй, который он олицетворял, и партия коммунистов, им возглавлявшаяся. Кто бы что ни говорил ныне, а величайшая историческая правда, признанная в конце концов и самими разгромленными врагами нашими, состоит именно в этом.

Так что же получилось? В декабре 41-го, стоя насмерть, не щадя себя и борясь до последнего, повернули вспять мощное войско, снаряженное всей Европой и уже готовившееся ликовать на улицах и площадях столицы Советской страны. А полвека спустя, точно в это время, хотя не было такого огромного вражеского войска на подступах к Москве, состоялось, по существу, подписание акта о капитуляции, разодравшего Советскую страну на части…

Место подписания тоже оказалось символическим. Ведь здесь, совсем рядом, — Брестская крепость, где за полвека до этой тайной предательской операции враг столкнулся с невиданно героическим советским сопротивлением. А теперь — сдача без сопротивления…

Так что же произошло 8 декабря 1991 года? Как это могло произойти?

То была тайная операция предательства. Помню, 10 декабря 1991-го я улетал в командировку в Душанбе. Оттуда уже доносились известия о первых всполохах гражданской войны, в которой потом погибнет мой многолетний коллега по «Правде», наш собственный корреспондент в Таджикистане Отахон Латифи. А тогда прозвучавшее накануне «беловежское заявление» резко усилило тревогу за положение на всей территории Советского Союза, взорванного предателями.

И вот неожиданно рядом со мной в самолете оказался президент Таджикистана, с которым прежде всего хотелось мне встретиться в столице республики. Собственно, президентом Рахмон Набиевич Набиев стал к тому времени совсем недавно, две недели назад, до этого я встречался с ним как с первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана. Но по каким же делам был он в Москве в столь горячий момент? Отвечает:

— Михаил Сергеевич приглашал посоветоваться о будущем Союза.

Я был поражен! Надо же, Ельцин сообщает из Беловежской Пущи о роспуске Советского Союза, а Горбачев в это время проводит в Москве совещание… о будущем этого самого Союза. Невозможно такое принять всерьез. Что же это — мероприятие для прикрытия? Маскировочный туман?

Уверен, именно так и было. До чего мы ошибались (многие, во всяком случае), видя в «противостоянии» Ельцина и Горбачева нечто серьезное! Были-то реально два предателя, действовавшие в одном направлении, соревновавшиеся, кто более угодит «вашингтонскому обкому», кого больше похвалят и восславят.

Эта ревность, трудно скрываемая, и теперь прорывается у Горбачева. По-моему, когда в связи с юбилеем выдающегося предателя президент РФ Д. Медведев вручал ему высшую награду сегодняшней России — орден Андрея Первозванного, — тот думал: «А Ельцину-то вы, Дмитрий Анатольевич, на его юбилей памятник белоснежный открыли! Мне за мои заслуги такой при жизни полагается». Ну а будь жив Ельцин, как бы завидовал он пышному торжеству, устроенному в Лондоне в честь Михаила Сергеевича.

Нынешняя российская власть и провластные СМИ совершенно очевидно каждый раз испытывают затруднения, какой же из двух этих «исторических фигур» отдать в оценках их заслуг пальму первенства. Действительно, преимущественность вклада в

уничтожение социализма, советского строя и Советского Союза нелегко меж них установить. На сей счет в народе говорят: «Два сапога — пара». Или еще: «Хрен редьки не слаще». Это, кстати, стоило бы всем помнить ныне при оценке других возникающих во власти пар…

Итак, тайный характер проведенной Ельциным операции плюс невмешательство Горбачева, по мнению многих, и обеспечили успешный ее результат. Даже некоторые, казалось, компетентные люди все еще считают: прояви тогда президент СССР решительность и твердость, беловежские подельники были бы арестованы и отданы под суд как государственные преступники.

Однако, думается, ныне должно быть уже окончательно ясно: главное — не в отсутствии твердости и решительности у Горбачева или руководства КГБ. Главное в том, что Горбачев не был против. Конечно, он об этой операции заранее знал, она была тайной не для него, а для страны. Он же, давно поддерживавший негласные контакты с Ельциным, стал фактически участником заключительного акта по демонтажу СССР.

Такова логика предательства: руководитель страны не только не противостоит, а способствует ее уничтожению. После Беловежья оставалось только спустить красный флаг над Кремлем…

Все, кто помнит то время, должны бы согласиться со мной: оно стало началом великой апологии предательства. Превозносится Власов — как борец против сталинского режима. Низвергаются советские герои — как защитники сталинизма.

Да будь любой из самых видных теперешних антисталинистов и антикоммунистов у руля страны в тот тяжелейший период, не видать бы нашему народу Победы! А вот план Гитлера по расчленению и уничтожению Советского Союза был бы реализован не через 50 лет, в 1991-м, а уже тогда.

Антисталинистом номер один был, конечно, Гитлер. И Сталин поломал его безумные планы. Аза что же так люто ненавидят Сталина в нынешней российской правящей «элите» и обслуге ее? Не за то ли особенно, что предательства он не позволял ни себе, ни другим?..

Путин при официальном выдвижении его в президенты на третий срок сказал: «Иуда — не самый уважаемый библейский персонаж в нашем народе». Что ж, так и есть. Только кого конкретно имел в виду Владимир Владимирович, подняв вдруг эту острую тему? «Грантополучатели», находящиеся на содержании у иностранных государств и отрабатывающие деньги в российской предвыборной кампании, разумеется, уважения не заслуживают. Однако для нашего народа с тем библейским персонажем ассоциируются прежде всего, если говорить о последних 20–25 годах, Горбачев и Ельцин, Александр Яковлев и Шеварднадзе, Собчак, Чубайс, Гайдар…

У Путина как-то безымянно получилось, когда говорил он про тех, которые уже порулили страной, не достигнув ничего хорошего (развалили, допустили разграбление всего и вся), но теперь опять рвутся во власть. К кому это относится? К Немцову? Согласен. Однако ведь все знают: Немцов был соратником и выдвиженцем Ельцина. Как, кстати, и сам Путин. Обоих Борис Николаевич видел в качестве своих преемников. Значит, заслужили. Верх взял Путин — стало быть, больше заслужил.

И можно ли теперь «отрубить», забыть, оставить где-то в непроглядной дали поведение разных персонажей, связанное с трагедией развала великой страны, которое в сумме сыграло поистине роковую роль?

Человек убежденно заявляет с предвыборной трибуны, что вся его жизнь, без преувеличения, на всех этапах была направлена на служение Отечеству. Но разве не служил он при этом Собчаку и Ельцину, чьи огромные заслуги в развале Отечества невозможно переоценить?

Странная картина получается. Вроде какие-то незримые и неощутимые силы, люди без имен и фамилий учинили то, после чего России 20 лет надо восстанавливаться. Да и очень большой вопрос, восстановилась ли она за эти 20 лет, как в предвыборной эйфории утверждает «партия власти». Далеко не восстановилась!

Нам внушают, что сегодня у власти люди совсем уже другие, не причастные к предательству и разгрому начала 90-х. Однако на том же съезде «единороссов», который выдвинул Путина кандидатом в президенты, можно было видеть массу до боли знакомых лиц. Знакомых именно с тех пор, когда уничтожалась Советская страна.

Вот на трибуне знаменитый адвокат Макаров. Тот самый, который не слезал с телеэкрана в начале 90-х, клеймя Советскую власть и Советский Союз. Один из самых бешеных, самых неистовых обвинителей коммунистов на суде над КПСС! Он прежний, разве что удалось избавиться от нездоровой полноты. И что же он говорит от имени «партии власти»? Нас, дескать, путают с нашими предшественниками: «Это они обманывали людей — мы не обманываем никогда…»

Вот и попробуйте отгадать, кто те таинственные неназванные «предшественники», на голову которых облагородившийся по виду Макаров (да и не только он!) валит теперь всю вину за бедствия родной страны, за обман людей, за предательство их.

Но тень большого предательства витает над нынешней «партией власти», как бы ни старались ее вожди от нее уйти.

Олигархи, «совки» и Путин

Слова «олигархи и совки» лучше всего характеризуют время, наступившее после уничтожения Советской власти. Не было же в нашей стране при социализме долларовых миллиардеров, чье личное состояние сравнимо с бюджетом целых государств. Соответственно, не могло быть, по крайней мере в широком обиходе, презрительного отношения к советскому человеку, ибо народ по определению был советским.

Презрение возникло, несомненно, вместе с фантастическим обогащением одних и на их фоне весьма скромным или даже нищенским положением, в каком оказались другие. «Успешные» сразу отреагировали высокомерной насмешкой: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?»

Безответный вопрос, а по существу, конечно, подлый. Ведь всем, абсолютно всем изначально известно, что обретение богатства на разворовывании общенародной собственности потребовало своеобразного ума — полностью освобожденного от совести. Знаменитый Егор Гайдар про совесть не только не говорил, но, наверное, и не думал, когда бросал несчастным ограбленным: «На печке нечего было лежать!» А его подельник Чубайс и вовсе напрямую выдал новую формулу жизни: «Больше наглости!»

В общем, свершилось. На одном полюсе у нас, на вершине, — заменившие совесть наглостью, а на другом — считающие это несправедливым. И что же будет дальше?

Вся нефть республики — у одного человека.

Тут как раз поводы подоспели, чтобы взглянуть на проблему через сугубо современную конкретику. Во-первых, олигархи сильно активизировались на Украине, и на сей счет даже вырвался некий комментарий у российского президента. Во-вторых, один из олигархов в России оказался под арестом, правда домашним, но все-таки…

За двадцать с лишним капиталистических лет в Отечестве нашем это, пожалуй, всего лишь четвертый столь заметный случай столкновения высшей власти с представителями олигархического клана. Оно и неудивительно: власть и этот клан по существу едины. Так что исключениями из правила стали Березовский, Гусинский, Ходорковский. Теперь вот — Владимир Евтушенков, состояние которого оценивают в 9 миллиардов долларов, хозяин АФК «Система». Три далеко не всем понятные буквы означают: акционерная финансовая корпорация. Главу ее, как можно понять, обвинили в «не совсем честном» присвоении акций компании «Башнефть», до этого незаконно приватизированной сыном экс-президента Башкирии Муртазы Рахимова.

Информация обо всем этом крайне туманная, и, заметим, так в подобных делах бывает всегда. Большинству непосвященных ясно одно: бизнес — дело темное. Хотя, отбросив витиеватые подробности, с точки зрения здравого смысла нельзя не поразиться: как же это сынок башкирского президента мог стать владельцем крупнейшего объединения предприятий топливно-энергетического комплекса, да еще и продать их?!

Нам сообщают: за два с половиной миллиарда долларов. А следствие, дескать, считает, что это на полмиллиарда долларов дешевле договорной цены. Выходит, если бы не продешевили при сделке, то и вопроса не возникло бы, что ли?

На телеэкране ситуацию комментирует нынешний глава Башкирии. Он сетует, что республика в течение многих лет ничего не получала и не получает от «Башнефти». То есть все доходы от нефтяных республиканских богатств текли сперва в карман некоего Урала Рахимова, проживающего ныне в Австрии, а затем — в карман Владимира Евтушенкова. Кто же он такой, тот Урал, и кто же этот Владимир, чтобы распоряжаться башкирской нефтью как своим достоянием?

Вот ведь что больше всего поражает, если взглянуть на происшедшее здравым взглядом. Но об этом-то, главном, никто ничего и не говорит! Потому что само по себе в нынешней России это уже норма. Разве что какие-то закорючки на каких-то бумажках при «оформлении собственности» могут — в случае необходимости где-то на самом верху — вызвать сомнение. Или придирку, как считает Чубайс, немедленно выступивший в защиту Евтушенкова. «Ознакомился с текстом обвинения, и я его не понимаю», — заявляет главный приватизатор страны.

А кто же из «успешных» чист?

Да разве один Чубайс ринулся защищать собрата, которому жестоко предписали безвыездно побыть до ноября в своем подмосковном имении! Как честнейшего из честных характеризовали Евтушенкова и президент Российского союза промышленников и предпринимателей Шохин, и вице-президент того же РСПП (именуемого «профсоюзом олигархов») Юргенс, и целый ряд других известных лиц. Известных главным образом близостью к так называемому крупному бизнесу.

Вон даже журналист Михаил Леонтьев, служащий ныне пресс-секретарем компании «Роснефть», отметился категорическим заявлением: «Петровича (Евтушенкова то бишь. — *В. К.)* уважаю. И злобные шавки нас не поссорят!» А радио «Эхо Москвы» поспешило обратиться к своим слушателям с опросом: «Сочувствуете ли вы Владимиру Евтушенкову?»

Обращусь и я к читателям: а вы сочувствуете?

Вопрос такой, согласитесь, может основываться лишь на сомнениях в справедливости обвинений, которые предъявлены олигарху. На это ведущие либерального «Эха» и напирали, придавая определенную направленность разговору со слушателями.

Интересный тут сразу появился оттенок. Да, наперебой стали рассуждать двое радиоведущих, что-либо «не так» миллиардер,

вполне вероятно, мог и допустить. Но у кого из деятелей его уровня, его масштаба отсутствует подобное «не так»? То есть кто из них чист совершенно? Да этого представить себе невозможно!

А вот тогда слушателей и озадачивают: почему же взяли именно этого, а не кого-либо из других? Значит, имеет место быть «заказное», «избранное» правосудие. Берут, иначе говоря, только того, кто в данный момент или неугоден власти, как Ходорковский, или у кого хотят что-то отнять. Ну, скажем, «Башнефть» в пользу «Роснефти».

Как же не посочувствовать, если «попадается» человек просто потому, что кому-то, более сильному, захотелось кушать? И ты уж поэтому виноват…

Есть какая-то правда, если не истина, в такой логике? Ведущие «Эха» разыгрывали ее вовсю. Причем коллективный образ олигарха создавался как, безусловно, явление выдающееся. Лишь выдающиеся по своим способностям единицы могли достигнуть этакого богатства!

— Я вот тоже хотел бы, — доверительно признавался перед микрофоном радиожурналист Владимир Варфоломеев. — Но вижу, что сравниться с этими яркими личностями не в состоянии. Они энергичнее меня, у них моментальная сообразительность, уникальная хватка…

Это ведущий «Эха Москвы» давал отповедь тем из слушателей, которые не проявили сочувствия к миллиардеру, взятому под домашний арест. Таковые были обвинены в непонимании, а также, конечно, в зависти.

О, до боли знакомый мотив! Ведь начиная с «перестройки» даже и саму Октябрьскую революцию принялись объяснять не чем иным, как завистью. Переводя на современный новояз, завистью «лузеров», то есть неудачников, к самым «креативным», а по-иному — успешным.

Откровенно скажу, меня удивил итог голосования в той передаче на «Эхе». Примерно половина, как выяснилось, не испытывает сочувствия к несчастному богачу. Мне представлялось, что своеобразная аудитория «Эха Москвы» по данному вопросу должна бы более дружно стоять за «обиженного». Что-то у кого-то сдвинулось в мозгах? Или просто случайно оказалось на сей раз среди слушавших и голосовавших слишком много «нетипичных» для обычной аудитории этого радио?

Грабить заработанное стало нормальным.

Реакция на олигархов — это отношение к неправедно нажитому богатству. Вы согласны, что нравственно здоровые люди смириться с воровством, а тем более радоваться ему, приветствовать его не могут? Но речь в данном случае не только об отдельных людях. Речь о том, каково отношение большинства общества. И конечно, власти.

В апреле нынешнего года, во время «прямой линии» с гражданами России, президент В. Путин высказался на эту тему. Высказался он в связи с обострением положения на Украине и отношением киевской власти к недовольству людей на востоке и юго-востоке страны. Вот дословно оценка происходившего президентом России:

«Вместо того чтобы наладить диалог с этими людьми, на места губернаторов, руководителей регионов из Киева прислали своих назначенцев. Это местные олигархи, миллиардеры. Люди и так к олигархам относятся с большим подозрением и считают, что они нажили свои миллиарды, эксплуатируя народ и разворовывая государственное имущество, а тут еще их прислали в качестве администраторов, руководителей целых регионов. Конечно, это вызвало дополнительное недовольство».

Как видим, оценка олигархов вроде бы нелицеприятная. Но Путин при этом имеет в виду только миллиардеров «местных», то есть украинских, или российских тоже? Он говорит: люди «к олигархам относятся с большим подозрением и считают, что они нажили свои миллиарды, эксплуатируя народ и разворовывая государственное имущество». Но так считают, по его мнению, люди только на Украине или также и в России? И еще вопрос: а как считает он сам?

Когда возникает неизбежное сравнение украинских проблем с российскими, при всей объяснимой разнице масштабов не уйти от общности корней. Это они, корни капиталистического жизнеустройства, привели и продолжают вести к вопиющему социальному расслоению, что на Украине, что в России. Та же эксплуатация трудового народа, та же безмерная коррупция, те же олигархи. Или в России они чем-то лучше?

Признавая, что проблемы там и у нас во многом совпадают, Путин уже не раз заявлял: на Украине положение хуже в разы. Да это и очевидно. Сегодня. Однако как будет завтра в нашей стране при сохранении олигархической системы, чудовищная несправедливость которой тоже очевидна для всех?

Вроде бы решено, например, национализировать объекты собственности (65 или даже 90!) украинского олигарха Коломойского в Крыму. Объясняют: чтобы возместить ущерб, нанесенный вкладчикам «Приватбанка», принадлежащего этому самому Коломойскому, который вклады крымских жителей просто похитил.

Что ж, воровство для олигарха, будь он украинец, русский или еврей, нисколько не удивительно. А вот что удивляет, так это всплывшее вдруг слово «национализация». По-моему, впервые после 1991 года всплывшее в связи с практическим действием. Ведь для любого из капиталистов, чье благополучие у нас бережно охраняется, наверное, нет страшнее слова, чем это. Недаром же принцип «Отнять и поделить» много лет подвергался издевательствам как нечто ужасающее для всего общества. Отнять — хорошо, если ты отнял у других и положил себе в карман, а вот поделить… Нет, нет! Зачем же?

И вот после того, как мы изо дня в день слышали одно: приватизация, приватизация, приватизация, сказано про национализацию. Но не возникает ли у вас сомнений, что вслед за компенсацией вкладов собственность одного олигарха окажется в руках других, таких же? Ну, считающихся русскими или российскими, только ведь хрен редьки не слаще. Приватизация у нас продолжается вовсю, а приманка в Крыму уж больно соблазнительна! Вряд ли упустят. Не упущена же возможность создать здесь игровую зону. Будет где порезвиться и понажиться…

А если говорить о благой идее защиты вкладчиков (которая, право, видится здесь лишь удобным прикрытием), то почему бы тогда не вспомнить о тех, чьи сбережения внаглую «увел» Егор Гайдар?

Не вспоминают! Да что там нынешней «элите» думать про «совков». Это, проклиная ту же Октябрьскую революцию, они топчутся на придуманном лозунге «Грабь награбленное!» А грабить заработанное для них нормально.

В национализированных особняках капиталистов и помещичьих усадьбах разместились в свое время дворцы пионеров, школы, детские дома. Однако сегодня новоявленным хозяевам жизни, элитарность которых определяется уровнем дохода, такое ненавистно. Помещичья усадьба — идеал жизни для Никиты Михалкова. «А почему я не могу быть барином? — рассуждает он. — Пушкин же был, и Толстой…»

Забывает «элитарий», что Толстой мучился барским своим положением и в конце концов бежал от него. А этот упивается, наслаждается, хвастает. И Солженицын, проповедовавший в своих статьях принцип самоограничения (вполне социалистический, замечу), охотно принял от власти помещичье имение — огромный участок земли с лесом на берегу Москвы-реки и дом, от самоограничения весьма далекий…

Не могут остановиться в поношении советского времени.

В последние месяцы нет у власти более важной темы, чем консолидация общества перед лицом новых внешних угроз. «Мы должны сплотиться, должны быть едины!» — твердят нам, добиваясь, чтобы все — олигархи и «совки», миллиардеры и нищие, «работодатели» и рабочие — обнялись в общем порыве. Трудно это, прямо скажем, до невозможности. И вдвойне труднее потому, что та же власть никак не может остановиться в поношении всего советского, нанося оскорбления значительной части соотечественников, для которых достигнутое в советскую эпоху по-прежнему дорого и даже свято.

Противно слушать, когда, скажем, знаменитый театральный режиссер Лев Додин на голубом глазу рассказывает небылицы, будто в городе Горно-Алтайске «в брежневские времена» девочка спрашивала его, что такое сыр. То есть на Алтае не только не ели сыра, но даже не представляли себе, что это за диковина!

Больше двух десятилетий беспардонно врать про советское время, издеваться или посмеиваться над ним на все лады, как мы знаем, стало не просто желательным, а обязательным. Как ныне говорят, таков «тренд». Заданный…

Ну ладно Лев Додин или кинорежиссер Андрей Смирнов, который, оказывается, при Советской власти не имел возможности мяса есть. Но остановиться в изъявлении неприязни к чему-нибудь советскому не только они не могут, а и сам президент Путин, который вроде бы хочет объединить всех россиян.

Вот, скажем, принимает он губернаторов. Среди них — единственный (!) коммунист Вадим Потомский, ставший главой Орловской области. И вот едва начинает тот рассказывать о положении в сельском хозяйстве Орловщины, как Путин его перебивает:

— Вы же по линии КПРФ? Продразверстки не будет там у вас?

Шутка, понятное дело. Но к чему она? Неужели не ясно тому, кто шутит, что укол обиды распространяется от одного губернатора на всех «совков» в стране, которым (в какой уже раз!) послан сигнал: вы — второсортные, вы — изгои. А потом снова возглашать про единение?!

Кстати, о продразверстке. Неудачная тема для такой шутки. Видно, не знает президент, что первым продразверстку вынуждено было ввести не советское правительство в жесточайших условиях Гражданской войны и иностранной интервенции, а любезное нынешней российской власти правительство царское — в условиях восславляемой Первой мировой. Или от царя все хорошо?..

Приведу еще факт из того же ряда, по-моему заслуживающий внимания. Президент Литвы Даля Грибаускайте позволила себе сравнить Путина с Гитлером, осудив «аннексию» Крыма. Следовало ответить на такой выпад, и появился комментарий, как было сказано, «от неназванного источника в МИД России». Но какой! Литовскому президенту, которая, как известно, росла и воспитывалась в Советском Союзе, было заявлено, что она, видимо, «не избавилась от советской привычки навешивать ярлыки, не вникая в суть дела».

И тут без вредного советского влияния не обошлось! Чем дальше в лес, тем больше дров. Я, например, впервые услышал, что навешивание ярлыков без проникновения в суть дела — отличительная черта именно советского образа жизни. И ведь кто-то выдумал это, и не где-нибудь, а, как говорят, в российском МИД…

Оказывается, не мошенник, а гений!

Сравнение общества, где заправляют олигархи с чиновниками, и общества «совков» неизбежно. Однако пользы можно ждать

лишь от честного сравнения.

Недавно поразили меня итоги одного исследования. Выяснялось нынешнее отношение к Мавроди, который, как известно, путем мошенничества обобрал множество людей, доверившихся созданной им финансовой пирамиде «МММ». Так вот, исследование показало: число одобряющих действия Мавроди по сравнению с числом осуждающих неуклонно растет! И уже каждый шестой считает мошенника финансовым гением. Было сказано, что еще пять лет назад так считал каждый десятый — тенденция налицо…

С чем же это связано? Как такое объяснить? Пожалуй, исследователи правы в своих выводах: молодежь, которая приходит на смену старшему поколению, выросшему в советское время, имеет уже совсем иные ценности.

Добавлю от себя: так их воспитал уклад нынешней российской жизни. Они же видят, кто сейчас наиболее успешен, и догадываются, чем обеспечен «успех». Но к чему придет общество, строящееся на «ценностях» такого рода?

Понимание катастрофичности дальнейшего следования по этому пути возникает, казалось бы, не только в КПРФ. Даже такой официальный документ, как проект под названием «Основы государственной культурной политики», пытается перечислить некий набор истинных, а не мнимых ценностей, на которые общество якобы хотят ориентировать. Только вопрос: а будут ли они реально действовать в условиях теперешнего жизнеустройства?

Провозгласить — легко. Но никуда не уйдешь от того, что бытие определяет сознание. Ведь именно определенное бытие сформировало ту молодежь, которая мошенничество считает гениальностью, то есть для которой нравственность как таковая, судя по всему, вообще не существует.

При установлении советского строя в Конституции РСФСР было записано: «Кто не работает, тот не ест». Теперь же в центре российской столицы можно прочитать призывную рекламу: «Хватит работать — пора зарабатывать! Освой профессию „трейдер“ на финансовом рынке».

Зарабатывать, не работая… Каково? Между тем приведенный выше постулат из первой Советской Конституции даже не большевиками придуман. Дословное повторение христианской заповеди стало одним из принципов диктатуры пролетариата. Если уж хотите «общечеловеческих» ценностей, следуйте и этой!

Все, что связано с опытом советского времени, продолжают затаптывать. И это при том, что многим все больше и больше видится тупиковость нынешнего жизнеустройства. Вот читаю в «Литературной газете» беседу с академиком В. Л. Макаровым — директором Центрального экономико-математического института РАН и директором Высшей школы государственного администрирования МГУ имени М. В. Ломоносова. Недавно он выпустил книгу, анализирующую социальную структуру современного российского общества. Что же заставило математика заняться социальными проблемами? Тревога, вызванная происходящим в родной стране. Процитирую кое-что для примера:

«Человек существует не для того, чтобы потреблять и обогащаться. Какой-нибудь миллиардер стремится обзавестись самой большой в мире яхтой и купить двадцать пять дворцов… Но разве может быть это смыслом жизни? Человек не должен жить ради денег и ради власти».

Вы согласны с ученым? Думаю, большинство согласится. Тогда послушаем дальше:

«Мое глубокое убеждение заключается в том, что иной, нематериальный смысл жизни найдет и предложит миру Россия. В этом есть потребность для всего человечества. Население Земли стремительно растет, а природные ресурсы сокращаются. Человечество уже сейчас испытывает большие проблемы с водой, энергоносителями и т. д. Эту проблему можно решить, лишь предложив иной тип жизнеустройства — не такой, который предложила западная цивилизация».

Но какой? Академик почему-то избегает слова «социализм». Может быть, потому, что свыше это не поощряется и, более того, находится под негласным запретом? В итоге картину создавшегося положения он рисует верно, а вот выход из этого положения получается невнятный.

Вы наверняка согласитесь, что большие беды наши начались во времена горбачевской «перестройки»: «Советским людям стали внушать, что жить надо, как на Западе. Якобы там живут правильно, а мы живем неправильно… Ориентиры населения были изменены, что вскоре привело к катастрофическим последствиям».

Признаков этого действительно много. Вот один из той же беседы: «В наше время примером для подражания являются не отечественные ученые с мировым именем, а, к примеру, Роман Абрамович и Виктор Вексельберг…»

Снова они, олигархи! А как же? Да, уродливость этого, если опять-таки судить сточки зрения здравого смысла, не подлежит сомнению, но притягательность миллиардов (неважно, каким образом полученных) заслоняет все остальное в обществе, построенном на социальной несправедливости. В капиталистическом обществе России XXI века.

Будущее зависит от тех, кто создает богатства общества. Но если все более очевидна крайняя ненормальность такого устройства жизни, заостряется вопрос о том, как его изменить. И вот здесь рекомендации, которые звучат подчас даже из уст людей уважаемых, поражают нередко своей наивностью.

Тот же Валерий Леонидович Макаров, академик РАН, — на что уповает он, видя всю извращенность олигархически-бюрократического засилья в родной стране? «Сегодня, — считает, — нам очень нужны крупные мыслители, условно говоря гуру, которые способны дать обществу привлекательные идеи».

Крупные мыслители, конечно, всегда нужны. Но что касается общественных идей, вряд ли существует что-то более привлекательное, чем справедливость, под корень уничтоженная в нашей стране вместе с Советской властью. Сам же академик, ссылаясь на опыт прошлого в сравнении с нынешним днем, заявляет: «В советское время было иначе». Однако призвать напрямую к ориентировке во многом на этот опыт словно стесняется или боится.

В самом деле, вдруг обзовут «совком», обвинят, что тянешь назад. Ведь атмосфера нетерпимости по отношению к советской эпохе создавалась четверть века и, давайте признаем, продолжает господствовать сегодня. Вот и завершает академик интересные свои размышления просто-напросто декларацией-увещеванием: «Но деньги не должны быть главным смыслом в жизни человека. Российской элите пора задуматься над тем, что человек живет не для того, чтобы каждый день ходить в ресторан и есть устрицы».

Что пора задуматься — правильно. А вот что подействует на кого-то из «элитариев» такой совет — совсем нереально. Да и элитой без кавычек нельзя их называть. Если буржуазия — элита, то создающие ее богатства — быдло, те же «совки»?

Создающие все богатства общества остаются фактически вне его внимания. И на периферии внимания власти. Вот почему отнюдь не узкопартийное, а поистине всероссийское значение приобретает пленум ЦК КПРФ о положении рабочего класса и усилении влияния в пролетарской среде. А предварительная публикация доклада Г. А. Зюганова на этом пленуме может приобщить к важнейшим проблемам гораздо более широкий круг людей — от рабочих до, скажем, академика В. Л. Макарова.

Уверен, в размышлениях о нашем будущем и пути к нему положения доклада на многое помогут взглянуть точнее и глубже. Марксистско-ленинский подход кому-то очень хотелось бы сдать в архив, но тогда невозможно увидеть в реальности действительно главного, действительно судьбоносного. Например:

«Концентрация капитала обостряет антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Но буржуазия не выступает противником капиталистического жизнеустройства. За изменения отношений собственности, за социалистическое переустройство общества может выступать только класс, противостоящий буржуазии. Имя этого класса — пролетариат».

Что, добавим, не только утверждает теория, но и подтверждает история. Неопровержимо.

Мурло бандита, мошенника и сластолюбца

Недавно президент Путин подписал указ, учреждающий звание Героя Труда. Что это значит? Власть делает некий жест о необходимости как-то менять отношение в обществе к двум этим высоким понятиям — героизм и труд? Они были низвергнуты вместе с властью Советов, социализмом и коммунистами, а теперь вроде бы заявлено намерение вновь поднять их и соединить.

Но реально ли осуществление такого намерения при нынешнем строе нашей жизни? Да и всерьез ли оно или просто имитационно, для отвода глаз, как многое у сегодняшней власти?.. И все-таки тему героизма, подлинного и мнимого, хочется продолжить. Чрезвычайно остро ощущается она почти три последних десятилетия…

Не берусь сказать сейчас точно, кто первым в советской литературной и вообще искусствоведческой критике употребил слово «дегероизация». Однако с абсолютной уверенностью могу утверждать: начало разрушения великой Советской страны включало и то, что подразумевалось под этим словом.

Ведь наша страна была великой не только по территории, а прежде всего по идеям, заложенным в ее основу. Что может быть выше стремления к социальной справедливости и братству народов? Высота этого стремления поднимала людей, рождая невиданный массовый героизм.

Естественно, он отразился в литературе, кино, театре, живописи, музыке — созданием произведений и образов могучей нравственной силы. Вот против них-то — исподволь, постепенно — и стало определяться направление главного критического удара.

А от героев в искусстве перешли к героям в жизни. За многие годы моей журналистской работы не сталкивался я ни с чем более чудовищным, нежели расправа во время «перестройки» над Зоей Космодемьянской. Вторая казнь, которой была подвергнута комсомолка полвека спустя после мученической смерти на фашистской виселице, — это была казнь подлостью и клеветой.

То же самое учинили с пионером Павликом Морозовым, сделав кристально честного мальчика символом предательства. И кто сделал! Самые настоящие предатели, для кого воровство оказалось куда выше честности. Трагедия гибели подростка и его младшего братишки от ножа убийцы не остановила глумливых поносителей.

Глумление обрушилось и на трудовой героизм. Помню, как в разгар «перестройки» беседовал я с одним известным сценаристом. Обронил он по ходу разговора (с усмешкой!) слово «Гертруда», а я не понял. Потом выяснилось: это смеются так изощренно над званием Героя Социалистического Труда и, соответственно, над теми, кто его удостоен.

Не стану доказывать, что все до одного удостоенные были этого достойны. Случались ошибки. Допускались натяжки. Однако я вспоминал прекрасные лица людей, с которыми сводила меня журналистская судьба, — рязанской доярки Прасковьи Ковровой, московского слесаря Виктора Ермилова, легендарного донецкого шахтера Алексея Стаханова, думал об их действительно героических делах, и мне горько было, что теперь героев так принижают.

Да не только их лично! Суть предпринятой «дегероизации» состояла в том, чтобы внедрять в массовое сознание мысль о низменной природе человека, который не для подвига рождается, а сугубо лишь для удовлетворения желаний самых что ни на есть шкурных. Вот кому любой ценой наиболее это удается, тот и герой. Не нужны самоотверженность и бескорыстие — да здравствуют хищничество и наглость! «Больше наглости!» — провозгласил Чубайс.

Но представьте себе такую жизненную страницу. В 1993-м, когда торжествовали захватившие все возможное березовские с железными челюстями и раскидывали свои коварные сети хитроумные Мавроди, я вдруг узнаю, что московский пенсионер Василий Исаевич Молчанов пожертвовал миллион рублей на строительство Музея маршала Жукова в родном селе прославленного полководца в Калужской области.

Что за пенсионер? Откуда у него такие деньги? Разыскал старика в Измайлове. И выяснилось: обменял он после смерти жены свою двухкомнатную квартиру на однокомнатную, а тут как раз прочитал в газете, что строительство музея маршала Жукова испытывает трудности. Решил часть полученных в доплату денег отдать на благое дело.

Меня при более близком знакомстве поразила жизнь этого человека. Начиная с 1927 года, с первого советского нефтепровода Грозный — Туапсе, он участвовал в строительстве всех основных нефте- и газопроводов нашей страны. Был бригадиром, имел не одну трудовую награду, а в 1947-м его рабочей бригаде присудили Сталинскую премию. Умели же, значит, рассмотреть замечательных людей, настоящих героев!

И вот теперь, по прошествии времени, подтвердил человек достоинство Сталинского лауреата поистине благородным поступком. Когда я рассказал о нем в «Правде», он и оставшиеся от доплаты за квартиру пять миллионов отдал — для возведения храма-памятника на Прохоровском поле, месте величайшего танкового сражения Великой Отечественной войны. Замечу, что ни один из олигархов, присвоивших построенные им нефтепроводы и газопроводы, подобной щедрости не проявил.

Есть повод восхититься благородством рабочего человека, воспитанного коммунистической идеологией и советским образом жизни? Однако все это прошло совершенно незамеченным! Ни другими газетами, ни телевидением. Понятное дело: там уже обосновались совсем иные герои. Вернее — антигерои. Со своими антиценностями.

Минуло с тех пор больше двадцати лет, а картина в этом смысле остается фактически неизменной. Пожалуй, в чем-то даже усугубилась. Антиценности и антигерои по-прежнему определяют атмосферу нашего общества. И в жизни, и на телеэкране, который эту жизнь отражает и по-своему формирует. Уродливость не только последовательно утверждается как норма, но и все более выдвигается в центр общественного интереса, а значит, становится примером, образцом, предлагаемым для всех. Молодость к этому особенно восприимчива. Так чем же ее привлекают и увлекают? Вы сами знаете, если хоть иногда смотрите телевизор. Потому напомню лишь некоторые сюжеты последнего времени.

День, когда я начал писать эти заметки, совпал с выходом из камбоджийской тюрьмы до суда бизнесмена Сергея Полонского. И стал этот день настоящим праздником на российском телевидении. Все главные федеральные каналы именно с Полонского начинали свои новостные программы! Будто ничего более важного на всей планете не произошло. Подробно рассказывалось и показывалось про «первые часы на свободе», про здоровье, настроение, ближайшие планы…

Кого? Чем заслужил такое внимание, с каким раньше встречали разве что первопроходцев космоса, этот персонаж? Ну да, это он заявил когда-то на всю страну и весь мир: «У кого нет миллиарда, пусть идет в ж…» Он, миллиарды имеющий, публично подрался потом с другим таким же богачом перед телекамерой. Купивший (или взявший в аренду) остров в Камбодже, построив на нем экзотический дворец, учинил теперь громкую драку в этой стране, за что и угодил в тюрьму.

Собственно, таковы основные поводы для интереса к нему. Есть, правда, еще один повод, но о нем-то как раз говорится либо вскользь, либо вообще умалчивается. В Москве укативший подальше кудрявый богач и лихач оставил грандиозный недострой и тысячи несчастных, которых он ограбил, именуемых равнодушным штампом «обманутые дольщики». Однажды кадр с ними промелькнул на экране: кипящее отчаяние и страстное возмущение…

Но ведь не ради них (отнюдь!) рванул в далекую страну корреспондент НТВ сразу после заключения Полонского под стражу. Не ради этих обездоленных отслеживал он затем чуть ли не каждый его шаг и каждую фразу. А для чего же тогда?

Считается, что будет интересно зрителям.

Хотя почему «считается»? Наверное, рейтинги засвидетельствовали действительно массовое любопытство к такому сюжету. Полонский-то уже «раскручен». Он уже, говоря языком телевизионщиков, «ньюсмейкер», то есть лицо, на экране узнаваемое и популярное.

Правда, мне хочется сказать: не лицо, а мурло. Но для зрительского интереса, как показывает «новорусский» опыт, это значения не имеет. Мурло даже гораздо интереснее. Так людей (они же зрители) за минувшие годы воспитали. Таков у многих вкус, таков спрос. И такие теперь для них «герои».

В самом деле, вы вспомните. Перед Полонским с телеэкрана больше недели не сходил Березовский. В каких только ракурсах его не показывали, какие таланты и пикантные подробности биографии не перебирали! И все это — с придыханием нескрываемого или трудно скрываемого восхищения. Как же, человек сумел за короткий срок фантастически обогатиться да еще стал влиятельнейшей политической фигурой! Это уж герой из героев, а сторона моральная где-то на второстепенном плане. Впрочем, как и криминальная.

Перед Березовским же, напомню, в центр внимания всей страны был поставлен криминальный авторитет Усаян по кличке Дед Хасан, погибший в результате воровской разборки. Будь у нас советское время, заслужил бы такой эпизод разве что короткую заметку в уголовной хронике. Но теперь! Жизнь крупного вора в законе прошла перед телезрителями в ореоле славы, иначе не скажешь. И смерть его, пышные похороны — тоже. Поистине знак времени: похороны бандита как чествование чуть ли не всероссийское.

А до Деда Хасана так же громко и картинно, при огромном стечении участников провожали в последний путь Иванькова-Япончика — бандита еще более прославленного. Я не удивлюсь, если история этого «очень уж интересного персонажа» будет экранизирована. Чего удивляться-то, если самый, пожалуй, знаменитый сериал на российском телеэкране постсоветских лет снят про бандитов и называется «Бригада».

Не все, наверное, обратили внимание, как само название это отразило радикальную перемену понятий со временем. Были в жизни и на экране воинские бригады, были трудовые. И сколько известно таких замечательных трудовых бригад советской эпохи! А вот теперь — бригада бандитская. И главарь ее Саша Белый исполнен обаятельным актером Сергеем Безруковым.

Телеэкран переполнен бандитами и «ментами». Но самое главное — как их изображают, как воспринимаются они зрителями. Один трезвый отзыв стоит здесь воспроизвести:

«Недавно посмотрел очередной сериал — „Игра“ называется. Там бандит, убийца, порешивший десятки людей, вызывает симпатию, и наверняка похожие эмоции возникают у подрастающего поколения. Он интеллектуально превосходит своего противника — следователя, наделенного, казалось бы, одними лишь положительными чертами, но при этом какого-то туповатого и совершенно по-человечески не интересного. А тут у бандита и ум, и ловкость, и умение находить выход из любых ситуаций. И какая-то прямо-таки священная бандитская дружба. Разве этот бандит не герой? Он рьяно уничтожает сотрудников полиции, и, похоже, с учетом продажности и коррумпированности данной структуры его борьба у многих вызывает даже восхищение. Так и получается, что антигерой становится примером. А потом мы не понимаем, почему Россия занимает первое место в мире по умышленным убийствам…»

В самом деле, чего ж тут не понимать?..

Если вернуться к вопросу о звании Героя Труда и к тому, кто сегодня мог бы его получить, своеобразную подсказку имеем от опубликованных на днях деклараций о доходах высших персон российской власти. Кто там, по их собственным данным, за год больше всех «заработал»? В правительстве — первый вице-премьер Шувалов. Вместе с женой у них получилось почти 450 миллионов рублей. Больше чем по миллиону в день. Вот это работа! Обоих сделать героями: судя по «заработкам», труд супругов явно героический. Ведь вдобавок немереные суммы, да какие, в землю и недвижимость вложены. Один только дворец в Сколкове площадью 4500 квадратных метров чего стоит! Особенно если учесть, что земля тут самая дорогая — наверное, сотка обходится не менее 100 тысяч долларов…

А в Совете Федерации трудовым рекордсменом стал некто Дмитрий Ананьев: 700 миллионов рублей за год. Тоже заслуживает быть представленным к почетному званию.

Хороша подсказка и по версии журнала «Форбс». Кто из олигархов на сегодня самый работящий — Усманов или Вексельберг? Берите последний список, самый свежий: все-таки трудовое соревнование долларовых миллиардеров идет каждодневно.

Вот нет никаких данных о доходах «авторитета» Вадика Белого. Засекречены полностью. Однако он работает, может быть, не менее успешно, чем кто-либо из успешных чиновников или бизнесменов. И твердо можно сказать: неизмеримо успешнее любого рабочего! Вас смущает характер его труда? А чем он по сути-то хуже, чем, допустим, у бывшего заместителя министра сельского хозяйства Алексея Бажанова, которого прищучили недавно с его уворованным миллиардом?

Это огромная государственная машина действует так, как она действует, и героев производит таких, каких мы лицезреем. В жизни — и на телеэкране, как в зеркале. Безобразное у этих «героев» лицо? Какое уж есть. Мурло мошенника, бандита, любителя сладкой жизни в окружении соответствующего артистического бомонда, или, попросту говоря, попсы, которая, однако, тоже именует себя элитой.

Производящая всех их машина имеет заданную программу. Вылавливание и отбраковка отдельных экземпляров с присвоением позорного звания коррупционера либо красивая этикетка для кого-то с почетным званием Героя Труда существа не изменят.

Надо менять программу.

Почему Ленин стал символом «москалей»

Украина, Украина, Украина…

В голове это стучит. Отдается в сердце. Наверное, не преувеличу, если скажу, что почти для каждого в нашей стране украинская тема стала главной. Хотя, конечно, далеко не у каждого одинаковое к ней отношение. Витая в Интернете и отсматривая телевизионные репортажи, слушая официальные сообщения, немудрено кому-то оглохнуть и ослепнуть от наваливающихся противоречивых эмоций…

Начнем с того, что в украинских событиях стало для меня и, думаю, для большинства из вас наибольшим потрясением.

Семьдесят лет назад советские войска с тяжелейшими боями освобождали эту дорогую и родную всем народам СССР землю от фашистов. А теперь снова мы видим фашистов в Киеве и других украинских городах. Впрочем, заявили они о себе не сегодня — гораздо раньше, с наступлением горбачевской «перестройки». Но теперь ведут себя уже как хозяева и полны решимости взять реванш.

Вопрос: вы к этому были готовы?

Как известно, собравшиеся на Майдане, по крайней мере изначально многие, пришли сюда не утверждать фашизм, а протестовать против коррупции, достигшей огромного масштаба при действующей власти. Благое вроде бы дело. Но скоро в этом протесте, так называемом народном восстании, проявилось лицо совсем иных движущих сил. Проявилось оскалом лютого антикоммунизма.

Когда начали валить и разбивать киевский памятник Ленину, ни у кого не могло уже оставаться никаких сомнений в реально главной для тех самых движущих сил цели происходящего. А последовавшая «стихия» сноса ленинских монументов подтвердила идеологическую направленность этой «революции».

Да, снесли и памятник советским воинам-освободителям. Прихватили и Кутузова. Однако прихватили и снесли их прежде всего потому, что ассоциируются они с Победой Красной армии, шедшей под знаменем Ленина и вдохновлявшейся в своей борьбе образами великих предков.

Знамя Ленина — коммунистическое. Сражались против фашизма Красная армия и весь советский народ под руководством коммунистов. Значит, по ним основной удар!

Так было и тогда, когда Гитлер приходил к власти в Германии. Первыми уничтожали и бросали в концлагеря коммунистов. А захватывая в 1941-м советские города и села (на Украине в том числе), гитлеровцы обязательно сносили памятники Ленину. То есть перекличка с нынешними украинскими событиями тут абсолютно очевидная.

Но ведь вот какая особенность: не только с украинскими, а и с российскими. В официальном заявлении МИД России был выражен протест против сноса на Украине памятников советского времени. Однако мы-то знаем, что у нас они тоже ликвидируются. И необязательно вспоминать 1991 год, когда это началось. Все последующее время основным направлением необъявленной идеологической войны, развернутой властью, стала борьба с нашим советским прошлым (дабы не обратилось вновь настоящим), и памятники, как символы великой эпохи, тоже были превращены во врагов.

Вот появилось тревожное сообщение о намеченном переносе знаменитого памятника Ильичу в Горках. А вот еще одно — об угрозе, нависшей над ленинским монументом на самарской (российской!) земле…

Выходит, даже просто память о человеке, с которым неразрывно связано создание Союза советских народов, для кого-то страшна и нетерпима. «Для кого-то» опять же не только на Украине, но и в России. Символы — концентрированное выражение идей. А идеи, как мы знаем, обретают подчас колоссальную материальную силу.

Кстати, спрошу вас: обратили внимание, какую иллюстрацию подобрали нынешние украинские фашисты-бандеровцы для наклейки на двери квартир, где живут русские? Эта наклейка воспроизведена была даже в правительственной «Российской Газете», причем на первой странице. С подписью «Так в нацистской Германии поступали с евреями», потому что текст бандеровский гласит: «Тут живуть москалі». А в качестве иллюстрации на листовке-наклейке… Ленин. Крепко же переплелись нынче русофобия с антикоммунизмом!

При сугубо национальной (точнее, нацистской) направленности этой затеи с наклейками избран как обобщенный образ «москалей» не кто-нибудь, а вождь большевиков, коммунистов. Взяли для изображения тот знаменитый ленинский профиль, который воспроизведен был на занавесе Кремлевского Дворца съездов.

Как вы знаете, наверное, теперь этого профиля на занавесе давно уже нет. Хочется добавить: естественно. И естественно, портретов Владимира Ильича правительственная «Российская газета» не печатает. Но в данном случае вынуждена была напечатать, почему я и употребил словечко «даже».

А почему все-таки олицетворенным символом русских теперешние украинские фашисты избрали Ленина, а не Николая Второго или, скажем, Столыпина — признанных любимцев «новороссийской» власти? Не потому ли, что самого большого, неслыханного, небывалого подъема и подлинного расцвета достигла Украина (Советская Украина!) при коммунистах, в

ленинском Союзе Советских Социалистических Республик? И не потому ли, что фашисты — немецкие, украинские, все прочие — побеждены были при ведущей роли русского народа именно этим Союзом?

Только с яростной злобой могут они сегодня об этом вспоминать. И Советский Союз, который Ленин, безусловно, олицетворяет, совсем неслучайно называется ими «русской империей», враждебной якобы всем другим входившим в нее народам.

Одна из самых вопиющих исторических фальсификаций! Но, как ни поразительно, работает и на кого-то влияет. Не потому ли, что в самой России, юридически ставшей вроде бы правопреемницей Советского Союза, горы клеветы возведены на эту мнимую «империю». На ее идеологию и политику, достижения и победы, на ее бессмертных героев — людей самых разных национальностей.

А сегодня мы слышим: «Слава Украине! Героям слава!» Но какой Украине и каким героям?

Да ладно бы раздавалось это лишь с киевского Майдана, фашистская суть которого почти не маскируется. Однако звучит и в Москве. Поразительнее всего, что провозглашают этот бандеровский, фашистский лозунг внуки тех, кого бандеровцы среди первых убивали во Львове и в Бабьем яру, убивали в начале Великой Отечественной и после ее окончания.

А теперь, выходит, потомки убитых славят убийц. Всеми силами поддерживают продолжателей их дела, помогают этим продолжателям утверждаться во власти на Украине. Одним из новых губернаторов, назначенным новой украинской властью в Днепропетровск, был Игорь Коломойский. По кличке Беня. По социальному положению — олигарх, по национальности — еврей, гражданин Израиля.

В губернаторы миллиардер был возведен не просто так. У него заслуги перед Майданом, установившим эту самую власть. Он, в частности, финансировал профашистскую партию «Свобода» и фашистский «Правый сектор», боевики которого сыграли в утверждении теперешней киевской власти решающую роль.

Как понять столь тесное сотрудничество еврея и фашистов? В свое время, в разгар «перестройки», меня потрясла статья на страницах русскоязычного журнала «Страна и мир», выходившего в Мюнхене. Там московский журналист, светило «демократической» прессы, напечатал статью предельной искренности и не менее предельного цинизма. Сегодня, размышляя о «феномене Коломойского» (или, вернее, коломойских), опять не могу не вспомнить ее. Поскольку при всей аномальности что-то существенное она, кажется, проясняет.

Автор впервые напечатал эту свою статью в 1989 году, когда война по уничтожению Советского Союза, возглавляемая Соединенными Штатами, достигла апогея. Так вот, оглядываясь назад и вспоминая другую войну против нашей страны, журналист Минкин ошарашил вдруг следующим заявлением:

«Лучше бы фашистская Германия в 1945 году победила СССР. А еще лучше б — в 1941-м!»

Я написал: «ошарашил». Но это меня и, наверное, кого-то еще из прочитавших «совков». Однако для многих, особенно молодых, к тому времени уже ничего ошарашивающего в таком заявлении не было. Потому что многим уже сумели внушить: Победа наша была не просто никчемной, а даже вредной для нас. И какой-нибудь прыщавый подросток с раздражением мог бросить в лицо ветеранам Великой Отечественной: «Если бы не вы, пили бы мы сейчас баварское пиво!»

Но подростки подростками, они про фашизм и сегодня многого не знают. Однако автор упомянутой статьи в журнале «Страна и мир» неведением не страдал. Прекрасно знал и то, что нес фашизм евреям. Потому, нарисовав идиллическую картину жизни, какая была бы у нас в стране после победы фашистской Германии, на этом обстоятельстве, словно споткнувшись, сам себя прерывает:

«Вот тут — закавыка. Поскольку я еврей и родители мои и прародители — евреи, то меня бы, конечно, сейчас (и никогда) не было бы на свете. Разве что за Урал забежали бы, что почти невероятно: один дед в Москве снаряды для „катюш“ делал, другой дед погиб в ополчении в 1942-м, одна бабка в Москве…»

Помню, я замер, читая это. Как же автор, желающий победы Гитлеру, выйдет из положения, кажется, безвыходного? А он таки вышел! Читайте:

«Евреи сохранились бы в США, а с падением убийственного режима снова постепенно заселили бы интеллектуальную нишу на очищенных (юденфрай) территориях…»

Ах, как ловко! И как легко, оказывается, рассуждать задним-то числом. И проклинать Сталина, который, конечно, хуже Гитлера, и желать Гитлеру победы…

Это все в прошлом, а сегодня есть те же благословенные США. Вот на кого надежды — из прошлого в будущее!

… Вы согласны со мной, мои читатели, что через признания журналиста Минкина пытаюсь понять психологию олигарха Коломойского? Претендент на мировое господство сменился, и теперь перед ним склоняются, ему служат. То есть служат им, господам в Соединенных Штатах…

Но ведь переняв от фашистской Германии стремление стать хозяином мира, США переняли, по сути, и фашистскую идеологию

(«Америка превыше всего!»), и фашистские методы действий. Атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, еще в 1945-м свидетельствовали об этом.

И разве не свидетельствует о том же то, что именно США сразу после разгрома Германии бережно прибрали к себе всю немецко-фашистскую разведывательную агентуру, приютили и облагодетельствовали многих видных фашистов и пособников немецкого фашизма, включая украинских бандеровцев? Если в Советском Союзе их предавали суду и заслуженному наказанию (Солженицын, как известно, об этом сильно печалился), то Америка уже тогда видела в них свой боевой резерв для борьбы против Советского Союза.

Против России, как мы видим, тоже пригодились. И все эти лагеря по подготовке фашистских боевиков, созданные на территории Украины, Польши, стран Прибалтики и т. д., — все они имели, имеют и будут иметь главного куратора в лице основного наследника гитлеровской Германии — Соединенных Штатов.

Сегодня, глядя в украинское зеркало, нам полезно еще и еще раз вспомнить, что и как происходило у нас во время так называемой перестройки, ставшей, по сути, замаскированной агрессией США против Советской страны. У Гитлера задуманное не получилось. Сорвалось. И вот теперь, после многолетней всесторонней подготовки, улучив подходящий момент и опираясь на созданную внутри СССР пятую колонну, наследники дела Гитлера двинулись на восток.

Не так, как было в 1941-м. Уроки из прошлого они извлекли. А время вооружило наших врагов новыми хитроумными средствами и способами. Информационная, психологическая война оказалась для них эффективнее прямого вооруженного нападения. И они добились того, чего не смог добиться Гитлер. Ровно полвека спустя после начала разгрома немецко-фашистских войск под Москвой (почти день в день!) предателями нашей Родины был подписан акт о капитуляции — Беловежское соглашение, по которому уничтожался великий Советский Союз.

Мы знаем: хозяева США вручили награды и поставили у себя памятник в честь победы над коммунизмом. Что ж, у них были основания торжествовать. И разрыв Украины с Россией стал важнейшей составляющей в этом торжестве.

Однако не зря сказано про аппетит, который приходит во время еды. Хорошо для них, конечно, что Россия и Украина теперь не вместе, а порознь. Но еще лучше было бы, если бы они пошли войной друг на друга, если бы украинцы начали убивать русских, а русские — украинцев. То есть чтобы сами себя стали убивать, поскольку сроднились же мы за века и подчас невозможно различить, кто русский, а кто украинец…

Об этой стратегической задаче наших врагов — столкнуть в войне два братских, самых близких от рождения и по истории народа — мне не единожды доводилось писать. Но враги, пользуясь завоеванными преимуществами, продолжают идти к своей цели. И вот, кажется, почти дошли… Или все-таки нет?..

Можно ли сказать, что в нынешних условиях все, кто на Украине живет, — наши братья? Конечно нет. Это по-моему. Вы согласны? Откровенные фашисты, о которых речь шла выше, или фашисты, до поры до времени потаенные, для меня, да и для большинства в России братьями быть не могут. Впрочем, как и доморощенные, «нашенские» фашисты, которые ведь тоже имеются.

А олигархи украинские, которых сейчас вы то и дело видите на телеэкране? Их вы считаете братьями?

Давайте признаем: после контрреволюционного переворота 1991 года, после уничтожения социализма, Советской власти, развода единого советского народа «по национальным квартирам», одно и то же бедствие постигло все части разрубленной страны. Имя этого бедствия — капитализм.

Он и рождает войну между народами, жившими при социализме в братской дружбе. Более того, разделяет антагонистически один народ. На тех, кто трудится и кто богатеет от этого труда. Так стало на Украине. Но так же и в России.

Олигархи — крупнейшие богачи-капиталисты — появились в обеих странах. Одинаковым путем. Грабежом, мошенничеством, наглым присвоением общенародной собственности. И, разбогатев в одночасье, каждый хочет иметь все больше и больше. Из-за этого сталкиваются, порой весьма остро.

Собственно, поначалу в значительной мере из-за этого возникло противостояние на Украине, правомерно названное борьбой кланов. «Долой Януковича!» — потому что за ним свой клан. «Даешь Юлю!» — тут клан другой. И кто же лучше? Вот это вопрос, на который, согласитесь, нет ответа. Потому что хуже — они все.

Вы можете вспомнить 1990-е годы, когда в России дрались между собой Березовский и Гусинский — два олигарха, два медиамагната, каждый из которых завладел федеральным каналом телевидения. Порой даже увлекательно было наблюдать, с какой изощренностью разоблачают они друг друга в телеэфире усилиями своих щедро проплаченных подручных. Только так и можно было узнать кое-что о проделках того и другого. Но разве могли мы при этом стать на сторону кого-то из них, если в полном смысле они два сапога пара?

Нечто подобное происходит сегодня, когда российские телеканалы раскрывают личины украинских олигархов и тамошних новых властителей. Однако не возникает ли у вас при виде этого желание поконкретнее узнать, как живут отечественные олигархи и властители? И как, откуда все это у них взялось? Ведь тема-то для «дорогих россиян» до сих пор почти полностью закрытая.

Лишь иногда краешком узнаем, например, что роскошную виллу одного российского губернатора обокрали во Франции на Лазурном берегу, а другой «наш» губернатор, уже бывший, отбыл туда же, в благословенную Францию, для постоянного жительства. Чтобы, по его собственному признанию, не видеть русских, которые до невозможности ему надоели.

Таков «патриотизм» этих людей на самом деле. Их мыслями и чувствами владеют только деньги. Чего же хорошего ждать от них?

Сегодня российское телевидение рассказывает и показывает нам, какие плохие олигархи на Украине. Мы слышим фамилии: Порошенко, Фирташ, Ахметов и т. д.

Но «наши» — Абрамович, Прохоров, Дерипаска и т. д. — чем-то лучше? Или, как говорится, одним миром мазаны?..

Говорят, на Украине произошла революция. Это говорят те, кто пришел там к власти и кто их поддерживает, в том числе у нас дома.

За последнее время похожих «революций» по миру прокатилось немало. «Оранжевые», «бархатные», «революции роз»… У нас тлеет и чадит «белоленточная». Уверяют, что Навальный или Прохоров лучше Путина.

Можно и на сей счет взглянуть в украинское зеркало. Что-то коренным образом изменится от замены Януковича и стоявших за ним олигархов на «новую» команду? Разве что американцы будут чувствовать себя на этой территории еще более уверенно. Не за то ли боролись?

Нет, революция — это не замена одних олигархов при власти другими. Это отмена их всех.

Вы согласны?

Клевета против вождя Октября

Уже многие годы, начиная с «перестройки», ленинская тема, наряду со сталинской, стала объектом постоянных спекуляций, извращений и клеветы в российских средствах массовой информации. Прискорбно, что активное участие в этой вакханалии принимают и некоторые ученые, как видно вконец потерявшие профессиональную совесть.

Политический заказ приводит к тому, что телеэкран и газеты определенного толка под видом фактов или «версий» тиражируют подчас просто вопиющие нелепости. Но, поскольку массовое невежество за постсоветское время достигло небывалых масштабов и многие привыкли теперь питаться больше жареными сплетнями, нежели серьезными и достоверными источниками, они с готовностью глотают любые выдумки. Ведь чем выдумка нелепее, тем бывает занятнее.

Сегодня мой разговор по этому поводу с доктором исторических наук, профессором Владиленом Логиновым — одним из авторитетнейших знатоков жизни и деятельности В. И. Ленина, автором ряда книг и множества научных работ о нем.

— Владлен Терентьевич, давайте начнем с недавнего факта. Вот телеканал НТВ открыл свой новый проект, как нынче принято выражаться. Следом за «документальными сериалами» под названием «Кремлевские жены» и «Кремлевские дети» теперь пошли «Кремлевские похороны». Замысел очевиден: напрямую вышли к самому что ни на есть политически животрепещущему — к ленинскому Мавзолею, к красному некрополю у Кремлевской стены. Через тех, кто здесь упокоен. Так что не составляет ни малейшей трудности догадаться, какая поставлена цель и какими постараются изобразить персонажей этого очередного телесериала, а также обстоятельства их жизни и кончины. Начали, естественно, с Ленина. И хотя заранее ничего хорошего я не ожидал, все равно увиденное поразило. Не скрою, был удивлен вашим участием в такой передаче…

— Приглашения, подобные этому, всегда озадачивают. Идти или не идти? С одной стороны, надо же сказать с экрана правду, если такая возможность предоставляется. А с другой — каждый раз боишься подвоха. Ведь неизвестно, что потом вырежут и что оставят, как смонтируют, и в каком ты окажешься соотношении с другими участниками. Вот почему в этом случае, как и в других, я перед снимавшими телефильм поставил условие: обязательно показать мне то, что получится.

— А они?

— Обещали. Но обманули. И когда я увидел на экране результат, возмущен был крайне.

— Что особенно возмутило?

— Группа, снимавшая «Похороны Ленина», приезжала ко мне и два часа снимала мой рассказ о болезни Ленина, о его «Завещании», о той политической борьбе, которая развернулась в этот момент в правящей партии. Потом расспрашивали о Куйбышеве, о смерти Кирова. Расставаясь, я пожелал группе: «Ради бога, не надо в ленте о Ленине эксплуатировать тему сифилиса. От этого за версту несет пошлостью».

Дело в том, что история болезни Ленина и причина его смерти изучены достаточно полно. «Загадок» и «сенсаций» тут не осталось. Достаточно указать на книгу академика Академии медицинских наук Юрия Михайловича Лопухина «Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина», в которой собраны все материалы, касающиеся данных сюжетов.

Но разве этого ждут заказчики сериала? Конечно, нет. Атеросклеротическая природа болезни, тот факт, что левая внутренняя сонная артерия, как выяснилось при вскрытии, оказалась полностью облитерированной (закупоренной), их не устраивают. Как не устроил бы, скажем, и диагноз «болезнь Альцгеймера» или «болезнь Паркинсона» — слишком интеллигентно звучит. Вот «сифилис» — это другое дело: просто, понятно и грязно. Ну а то, что срезы мозга, сосудов, почек, печени, реакция Вассермана крови, анализ спинномозговой жидкости дали отрицательный результат — на это можно наплевать, то есть просто умолчать об этом. И всегда найдется услужливый приват-доцент, который с глубокомысленным видом если не объяснит что-то, если и не докажет чего-то, то, во всяком случае, запутает любую проблему.

— Действительно, какой-то кандидат медицинских наук с невероятно туманными, мутными рассуждениями «вокруг да около» на экране появляется. Лишь бы запачкать гигантскую личность Ленина!

— Мы живем во времена воинствующей пошлости и торжествующего мещанства. А для мещанина человечность героя — это прежде всего снижение его до собственного уровня. Еще Горький писал, что в этом проявляется стремление мещан «не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в липкую, ядовитую грязь…»

Не брезгуют, естественно, и фальшивками. Несколько лет назад «Мир путешествий» опубликовал якобы «письма» Ленина Дзержинскому 1923 года. От этих «писем» дурно пахло, и солидные газеты перепечатывать их не стали. А в фильм «Похороны Ленина» одно из них — с матерной бранью — вошло, хотя авторы ленты перед этим толковали, что в 1923 году Владимир Ильич никаких писем не писал.

— Когда на телеэкране показывают нечто документальное — письмо, справку, доверенность и т. п., это производит впечатление особой убедительности. Не все же знают, что демонстрируемое подделано или ловко подтасовано. Впрочем, вовсю пускаются в

ход и обыкновенные сплетни, документально ровным счетом никак не подтвержденные. Вы согласны с этим?

— Да, главная сюжетная опора тех же «Кремлевских похорон» — это, конечно, сплетни. Крутым поворотам истории всегда сопутствует накопление «исторической помойки» — сплетен, слухов, наветов и клеветы. Увы, эта помойка не растворяется во времени. Она тоже является специфической частью человеческой памяти. А когда возникает «заказ», ее содержимое извлекается из небытия. И тогда «помойка» становится для определенных средств массовой информации богатейшим источником «нового прочтения» давних событий.

У всех «Кремлевских» серий, в том числе и в «Кремлевских похоронах», есть сквозной «главный герой». Это две кумушки-сплетницы, которые и раскручивают сюжет каждой ленты.

Сколько лет кормили зрителя байкой о том, как Сталин отравил Горького шоколадными конфетами. Выяснилось, что источник сплетни врет, ибо никогда с доктором Плетневым эта дама в одном лагере не сидела и рассказать ей эту «версию» он никак не мог. Но не беда. Взамен идет другая «версия». И в фильме «Похороны Горького» на авансцену выходит агент ЧК, ГПУ и НКВД баронесса Будберг с иным набором ядов.

Умирает Дзержинский. От сердечного приступа. Нет! В ленте «Похороны Дзержинского» зрителю толкуют о том, что Феликс Эдмундович якобы застрелился. Умирает Менжинский. И тут диагноз известен… Нет! Сначала пускают сплетню о его «голубизне». Потом о тяжелой психической наследственности. А кончается все опять-таки ядом и отравлением. И хотя каждый раз стыдливо оговариваются, что неоспоримых доказательств нет, но «версия» есть. Самое смешное, что главным «источником вдохновения» в данном случае стали для авторов судебные процессы 1937 года. Может быть, поэтому их сюжеты и остались в рамках ежовских фантазий.

— Фальшивкам, изготовленным с определенной целью, и сплетням, распространяемым тоже политически небескорыстно, согласитесь, одна цена. Но я думаю в связи с этим вот о чем.

Установлено и доказано, допустим, что бумага, выдаваемая за документ, сфабрикована. Стало быть, «документ» этот надо перечеркнуть. То есть раз и навсегда он должен быть выведен из обращения, на него недопустимо ссылаться, на нем, пусть и без упоминания, ни в коем случае нельзя строить какие-либо доказательства. Особенно, подчеркну, в публичных выступлениях. Однако не следуют этой логике! И, пытаясь любым способом скомпрометировать Ленина, до сих пор повторяют выдумку его политических врагов о «немецких деньгах», которые большевики якобы получали от германского генерального штаба. А ведь основано это на самых настоящих фальшивках, сфабрикованных в определенных политических условиях и полностью разоблаченных. Не так ли?

— Именно так. Известно, что фальшивые документы о якобы имевших место связях большевиков с германским генеральным штабом изготовил и продал американцам польский авантюрист и писатель Осендовский. Тогда, в начале 1918 года, эти подделки были нужны, чтобы как-то оправдать, легитимизировать интервенцию английских, американских и французских сил в Советскую Россию.

Еще раньше, летом 1917 года, было сфабриковано «дело Гонецкого». С помощью английской и французской разведки. А с целью — опять же дискредитировать большевиков, объявив их, и в первую очередь Ленина, «немецкими шпионами». Небезызвестный Александр Николаевич Яковлев уже сравнительно недавно потрясал на телеэкране денежными переводами, которые большевики якобы получали из Германии и Швеции. Хотя неопровержимо доказано: переводы эти на самом деле — из России в Германию, и представляли они собой плату за проданные товары, конкретно — за медикаменты и детское питание.

— Все эти разоблачения опубликованы ведь неоднократно?

— Да. В том числе не раз опубликованы и в нашей стране за последние годы. Так, в 1994 году вышла книга доктора исторических наук В. И. Старцева «Ненаписанный роман Фердинанда Осендовского». Это как раз об авторе фальшивок, связанных с «немецким золотом». В 2001 году ее переиздали. В 2002 году вышла капитальная монография профессора Г. Л. Соболева «Тайна немецкого золота». Перевели исследование, посвященное данному сюжету, патриарха западной советологии Джорджа Кеннана, а также убедительные работы американского историка С. Ляндерса.

Во всех этих и других исследованиях подробнейшим образом проанализировано, кто, когда, почему и по чьему заказу изготавливал фальшивки о Ленине и «золоте Вильгельма». Точно указано, кому и сколько за это заплатили…

Казалось бы, все… Но как бы не так! «Лениноеды», дабы не отлучили их от кормушки, делают вид, что указанной литературы просто не существует. Как говорится, «плюнь ему в глаза, а он скажет — божья роса». Вот и продолжают писать свои злобно антиленинские книги и статьи, продолжают печь радио- и телепередачи. Я уже убедился, что взывать к совести этих людей — пустое.

— Наряду со старыми, давно пущенными и давно же разоблаченными клеветами на Ленина, современные антисоветчики придумывают и кое-что новое. Фантазия бурно работает! Например, недавно так называемая «Комсомольская правда» попотчевала своих читателей «сенсацией» от писательницы Полины Дашковой. До сих пор Дашкова была известна как автор детективных романов, и, видимо, профессиональные ее особенности сказались в том, что она выдала теперь на-гора. А выдала следующее: оказывается, 30 августа 1918 года никакого покушения на Ленина не было. То есть никто в него не стрелял!

— Так ведь две пули в теле Владимира Ильича были. Одна извлечена во время операции 23 апреля 1922 года хирургами

Борхардтом и Розановым в Солдатенковской (ныне Боткинской) больнице. А еще одной пулей из револьвера Фанни Каплан, как известно, была ранена работница завода Михельсона, которая находилась в тот момент рядом с Лениным.

— Известно, разумеется, и про это, и про пулю, извлеченную из тела Владимира Ильича. Но детективщица все отрицает.

— А что утверждает?

— «Я думаю, — говорит, — никаких пуль там вообще не было».

— Что же тогда произошло с Лениным вечером 30 августа 1918 года?

— О, вы ни за что не догадаетесь! Это был просто «спектакль», по выражению детективщицы. Далее цитирую: «Возможно, во время спектакля во дворе завода Михельсона он (то есть Ленин) упал неудачно и сломал руку — она у него действительно была загипсована, а дальше замечательно разыгрывал из себя больного». Разыгрывал! Ну каково?

— Поистине безграничная фантазия. Раньше, когда решили взяться за этот сюжет, чтобы напустить тумана и оправдать Каплан (дескать, стрелял кто-то другой, а не она), упор делали на плохое ее зрение. Не могла, мол, она попасть в цель.

— Это есть и у Дашковой! Про плохое зрение Каплан много толкуется.

— Хотя в момент покушения снайперский глаз ей вовсе и не нужен был — от Ленина ее отделяли каких-то два-три шага.

Но я хочу сделать еще одно важное дополнение, которое все эти фантазеры упорно игнорируют. А надо бы учитывать, что к августу 1918-го зрение у Каплан значительно улучшилось. Во время пребывания на каторге она действительно стала его терять. Однако после Октябрьской революции ее как политкаторжанку послали на лечение в санаторий, в Крым. Наркомом здравоохранения там был в это время Дмитрий Ильич Ульянов. Он дал ей направление на операцию в Харьков. Операция прошла успешно. И сохранилось письмо Каплан ее близкому другу, в котором она — с изрядной долей экзальтации — пишет, что мир с его светом и красками вновь вернулся к ней.

Вся суть именно в том, что авторы подобных «сенсаций» всегда прут против очевидного или твердо доказанного. Против фактов. И против совести…

— Вот насчет совести у той же Дашковой, судя по всему, огромный дефицит. Давая общую характеристику Ленину (а он, оказывается, должен стать действующим лицом очередного ее романа), она представляет его как «абсолютно серую, очень неприятную личность», не имевшую «полноценного образования». Мало того, я цитирую: «И за всю свою жизнь не заработал собственным трудом ни копейки! Он ничего не умел. Он мог только интриговать, призывать и клянчить деньги». Сильно сказано?

— Когда г-жа Дашкова говорит о том, что Ленин за всю жизнь ни копейки не заработал, а все время клянчил деньги у матери, то это, простите, заведомая ложь. Он получал заработную плату, когда после университета работал помощником присяжного поверенного в Самарском, а затем в Петербургском окружных судах. Будучи в ссылке, он трижды обращался к матери с просьбой о небольших «внутренних займах». И она присылала. Но он всегда отдавал долги из тех гонораров, которые получал за свои труды.

За «Развитие капитализма…» ему выплатили около 1500 рублей. За перевод двухтомника Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма» — около 1000 рублей. И на все эти гонорары — включая сборник «Экономические этюды…» и статьи в столичных журналах «Научное обозрение», «Жизнь», «Мир Божий», «Начало» — он выписал доверенность Анне Ильиничне, которая возвращала долги матери и пополняла «семейный фонд». Кстати, и она сама неплохо зарабатывала переводами.

Да о чем мы толкуем! Достаточно посмотреть на 55 томов ленинского Собрания сочинений, достаточно вспомнить всю его многолетнюю сверхнапряженную работу по созданию партии и руководству ею, а затем и по руководству Советским государством, чтобы каждому стало ясно: изображать Ленина каким-то патологическим бездельником, захребетником и сибаритом может только человек, лишенный элементарного стыда.

Что касается того, что Ленин любил отдыхать «на каких-то замечательных заграничных курортах», как утверждает мадам Дашкова, то она имеет в виду, наверное, письмо Владимира Ильича матери от 6 июля 1895 года. Но ведь это письмо писалось специально для цензоров, перлюстрировавших всю его переписку. На самом же деле он находился в эти дни в швейцарской деревушке Ормоны, где состоялась его встреча с Плехановым.

— Мне хотелось бы, Владлен Терентьевич, разобраться все-таки в понятии «версия», которое очень широко используется нынче во всякого рода сочинениях на исторические сюжеты, в том числе связанные с Лениным. Что же такое версия? Должны быть хоть какая-то фактическая основа, хоть какое-то документальное подтверждение тому или иному предположению, выдаваемому за историческую версию, или можно выдумывать все что угодно «с потолка»?

Я, например, с уважением относился к передаче «Постскриптум» на телеканале ТВЦ, которую ведет Алексей Пушков. Но, после того как он стал выдавать одну за другой «версии» о Ленине и его родных, мнение мое о передаче и ее ведущем резко изменилось. Чего стоит хотя бы такая «сенсация» этого профессора МГИМО: Александр Ильич Ульянов, старший брат Ленина,

был внебрачным сыном Марии Александровны от известного террориста Каракозова, покушавшегося на Александра II! Таким оригинальным образом было объяснено, почему Александр Ульянов стал революционером: дескать, мстил за казненного отца. Как будто, кроме личной мести, не могло быть у него и у других шедших в революцию более масштабных причин и поводов…

— Это уж сенсация так сенсация. Конечно, под удобной оберткой «версии». Семья Ульяновых снимала, мол, в Пензе жилье у учителя словесности В. И. Захарова, у которого квартировал и гимназист Каракозов. Но вот неувязка: следствие по его делу выявило весь круг связей и личных знакомств Каракозова. Ульяновы там не упоминаются. И уехал Каракозов из Пензы в Петербург в 1860 году, а Александр Ульянов родился в марте 1866-го.

Кстати, это не единственная причудливая «версия», объясняющая судьбу брата Ленина стремлением к личной мести. Нынешняя большая и свободная пресса писала, например, о том, что Мария Александровна Ульянова в юности была любовницей то ли самого царя, то ли кого-то из великих князей. Не зря, мол, семья их жила в Петербурге в особняке лейб-медика императора Якова Виллие, а соседом был Иван Дмитриевич Чертков — адъютант великого князя Михаила Павловича, а затем — шталмейстер императорского двора. Так что, готовя покушение на Александра III, Александр Ульянов лишь мстил за честь матери.

Но вот беда — не лезет и вся эта пошлость в реальную хронологию! Мария Александровна вместе с семьей покинула столицу в 1841 году, когда ей исполнилось всего лишь 6 лет.

— В общем, под видом «версии» снова клевета, снова сплетня. Будет ли когда-нибудь этому конец?

— Презрение к клеветникам и сплетникам являлось одной из характерных черт Ленина. «Болтать и сплетничать, — писал он, — подогревать темные слухи, ловить и передавать дальше намеки, — о, интеллигентские кумушки такие мастера на это!.. Каждому свое. У каждого общественного слоя свои „манеры жизни“, свои привычки, свои склонности. У каждого насекомого свое оружие борьбы: есть насекомые, борющиеся выделением вонючей жидкости». И Владимир Ильич заключает: «Кто видел хоть раз в жизни эту среду сплетничающих интеллигентных кумушек, тот наверное (если он сам не кумушка) сохранит на всю жизнь отвращение к этим мерзостным существам». Словно про нынешнее время говорилось! Теперь этим мерзостным существам — широчайший простор и в книжных издательствах, и в прессе, и на телевидении.

Я полагаю, очень важно не оставлять без должной реакции публикуемые гнусности о Владимире Ильиче Ленине и по возможности сохранить всю эту телепродукцию. Пройдут годы, и по ней наши потомки будут судить не только о создателях подобных фильмов, но и о времени, когда производство такого рода продукции было не только возможно, но и всячески поощряемо.

Почему они ненавидят Мавзолей

Когда в 1991 году объединенным силам врагов социализма внутри нашей страны и за рубежом удалось завершить холодную войну уничтожением Советской власти и Советского Союза, лапы хищников-разрушителей тут же потянулись к сердцу Москвы — ее Красной площади. Величественный Мавзолей В. И. Ленина и Почетный некрополь у Кремлевской стены давно уже стали святынями трудового народа, боровшегося за социальную справедливость, а потому вызывали ненависть тех, кто ставил своей задачей покончить со справедливостью раз и навсегда.

Но и сейчас главные советские символы в центре нашей столицы остаются незыблемыми. Произошло это, прямо скажем, не само по себе. Множеству людей, честных и верных, мы обязаны сегодняшним результатом нелегкой, упорной борьбы. И один из первых среди них, чей вклад в защиту опор нашей священной памяти особенно значителен, — Алексей Сергеевич Абрамов.

Хорошо помню день, ставший в определенном смысле историческим. Шел «черный» 1993 год. Ельцинская власть, успевшая за короткое время сполна показать свою гнусную суть, рвала и метала, наверстывая то, что еще надо было поскорее добить. Судя по всему, ленинский Мавзолей и Почетный красный некрополь вошли в первоочередной список на ликвидацию. Ведь уже прекратилось финансирование основных и профилактических работ в Мавзолее, и ученые мавзолейной группы, оставаясь верными своему долгу, больше года работали бесплатно. А перспектива виделась еще более мрачной.

И вот тогда Алексей Сергеевич Абрамов выступил с предложением создать независимый благотворительный фонд «Мавзолей В. И. Ленина», который возьмет на себя многообразные функции защиты и поддержки работающего здесь уникального научного коллектива.

На собрании учредителей председателем правления фонда был избран Алексей Абрамов.

Почему именно он? Безусловно, сказалось то, что тема ленинского Мавзолея и Почетного некрополя еще много лет назад стала, можно сказать, родной для него, ученого-историка и журналиста. Знает он эту тему досконально, и ряд существенных открытий, связанных с ней, принадлежат ему.

А с каким интересом у нас в стране и за ее пределами читались и читаются книги А. С. Абрамова, родившиеся по итогам проведенных им исследований! Назову лишь некоторые: «Мавзолей Ленина» (пять изданий), «Часовые поста № 1. Из истории почетного караула у Мавзолея Ленина» (восемь изданий), «У Кремлевской стены» (семь изданий).

Но теперь к задачам исследования и пропаганды этих выдающихся памятников отечественной истории для него прибавилось гораздо более актуальное и важное — в буквальном смысле слова спасение их. И он отнесся к этому как к высочайшему долгу коммуниста, как к продолжению своей миссии воина Великой Отечественной.

Когда началась та война, он был четырнадцатилетним подростком. Но, подобно тысячам своих сверстников, которых по возрасту не брали на фронт, Алексей идет работать на оборону. А потом рабочий авиационного завода становится бойцом Красной армии, удостоенным ордена Отечественной войны и медали «За взятие Кенигсберга».

Кем был для него Ленин в те грозные годы? Как и для абсолютного большинства советских людей, он олицетворял великую идею справедливости, воплощавшуюся в Советской стране. Самые темные и бесчеловечные силы планеты обрушились тогда на первую в мире страну социализма. Их надо было отбить, разгромить, победить.

«Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» — сказал Сталин с трибуны его Мавзолея, напутствуя бойцов в день судьбоносного парада 7 ноября 1941-го, который был посвящен 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Ныне, даже отмечая годовщины того парада, про Октябрь и Ленина стараются не упоминать. Но он-то, Алексей Абрамов, твердо знает: правду истории забывать нельзя. И разве может он забыть, например, что ленинский образ был на знаменах гвардейских частей и соединений? Преклонив колено, гвардейцы целовали край этого знамени, давая присягу перед строем.

Знамена, увы, теперь поменяли. Однако никому не дано изменить тот факт, что Великая Победа одержана была под Красным знаменем Великого Октября. Под ленинским знаменем!

А говоря об истории Мавзолея, фронтовик Абрамов напоминает своим слушателям и другой неслучайный факт. Когда немецко-фашистские войска рвались к Москве, Гитлером была создана специальная команда саперов, чтобы как можно скорее взорвать этот священный памятник советскому вождю.

По плану захватчиков такой ритуальный варварский взрыв они собирались учинить к 7 ноября. Но для этого сперва надо было взять Москву, что, как мы знаем, у них сорвалось.

Так чей же замысел вознамерились осуществить новоявленные варвары, захватившие власть в нашей стране полвека спустя — в 1991-м?

Для Алексея Сергеевича Абрамова ответ был ясен. И все его действия на доверенном посту руководителя общественной организации в защиту Мавзолея и Почетного некрополя были направлены на то, чтобы этого варварства (в любой форме!) не допустить.

Отмечу самое первое. Уже сказано, что государство тогда отказалось от финансирования необходимых работ в Мавзолее. Расчет понятный: удушить. Не будут, дескать, авторитетные ученые, занятые повседневным уникальным трудом, работать бесплатно.

Но они, представьте себе, работали! Наверное, понимая важность того, чему они служат. А с началом деятельности организации, которую возглавил коммунист А. С. Абрамов, первоочередной ее заботой стало обеспечение нормального функционирования мавзолейной научной группы.

Буржуазное государство ельцинского типа от какой-либо поддержки ленинского Мавзолея демонстративно отказалось, а взял на себя такую поддержку народ.

Да, это не просто громкая фраза — это реальность. Другое дело, что людей, представляющих народ, требовалось на неотложную задачу настроить и объединить, чему и посвятил себя вместе со своими товарищами Алексей Сергеевич. Результаты не замедлили сказаться. Вот как отвечал руководитель фонда на вопрос газеты о тех, кто присылает средства для Мавзолея:

«Большинство людей, помогающих ученым мавзолейной группы, — это простые граждане: рабочие и пахари, учителя и врачи, инженеры и пенсионеры, присылающие деньги из своих скудных зарплаты и пенсий… Значительный вклад в сохранение Мавзолея вносят члены коммунистических партий и общественных организаций России и стран СНГ. Должен сказать, что взносы делают и состоятельные бизнесмены, которые не изменили убеждениям молодости в угоду политической конъюнктуре. Пожертвования приходят даже от некоторых священников Русской православной церкви».

Однажды Алексей Сергеевич показывал мне корешки почтовых переводов, на обратной стороне которых люди оставляли краткие приписки с выражением своих чувств. И сколько же здесь волнующих слов! Приведу хотя бы одну запись — от жительницы поселка Гидроторф Мартыновой, сделанную в виде четверостишия:

Имя Ленина — светоч в ночи.Бесятся адовых сил палачи.Не погасить никакому врагуЛенинский свет, что в душе берегу.

«Бесятся адовых сил палачи» — это она точно выразила. Наверное, и вы заметили, что в антиленинской вакханалии, начатой еще во время «перестройки» и продолжающейся, по существу, непрерывно, бывали свои пики, когда бешенство вандалов достигало некоего апогея. Так было, например, летом 1999 года. После попытки импичмента Б. Ельцину, предпринятой по инициативе коммунистов, в ответ разозленный самодур дал команду на очередную яростную кампанию с целью ликвидации Мавзолея и некрополя. Вы помните? Пресса, радио, телеэфир буквально вскипели истерическими воплями: снести, разрушить, уничтожить, закопать!..

Именно тогда, 5 августа 1999 года, страна и весь мир услышали, прочитали пронзительное заявление «Оставьте в покое наших родных». О многом говорили фамилии подписавших — Валентина Гагарина и Наталья Королева, Ольга Ульянова и Евгений Джугашвили, Маргарита Жукова и Игорь Чкалов, а также ряд других известных людей, чьи родственники покоятся в Кремлевском некрополе.

Сердце каждого из тех, кто страстно поднял свой голос против гробокопателей, было переполнено болью и негодованием, но в объединении всех их на общий благородный протест опять-таки велика роль Алексея Абрамова. А потом этот исключительно важный коллективный шаг привел к созданию в следующем, 2000, году общественной организации «Объединение родственников лиц, похороненных в Почетном некрополе у Кремлевской стены».

И с тех пор сам Алексей Сергеевич уже более 15 лет неизменно входит в состав правления этой авторитетной организации — вместе с И. С. Баграмяном, В. И. Гагариной, Н. С. Королевой, Е. В. Калининой, В. М. Захаровым и другими наследниками прославленных имен. Неслучайна такая честь, которую все они ему оказывают.

Как чудовищный парадокс нынешнего времени в нашей стране оценивает происходящее вокруг Мавзолея и некрополя Алексей Сергеевич Абрамов. Не устает повторять: это же было главное государственное захоронение на протяжении всей советской эпохи! Самые выдающиеся люди Отечества, чьи заслуги перед страной и народом особенно велики, удостаивались высокого права упокоиться в Почетном некрополе у Кремлевской стены. При этом им отдавались высочайшие государственные почести по военному или гражданскому ритуалу.

Так что же означает теперешнее беснование антисоветчиков и антикоммунистов, которым не дают покоя лавры Гитлера и которые стремятся перечеркнуть целую эпоху в стране своего пребывания? Вместе с ее героями и подвижниками, мировой значимости первопроходцами и творцами… Позорно с лицемерным осуждением кивать в сторону так называемой декоммунизации на Украине, а у себя держать под прицелом святые могилы лучших сынов и дочерей Родины, норовя перетащить их куда-нибудь подальше и понезаметнее, дабы дать простор на главной сакральной площади страны, овеянной великой историей, разгулу всяческой непотребщины. Как будто нет в столице другого места для паршивой попсы, торговых палаток или хотя бы катка…

Это я кратко пересказываю возмущение Алексея Абрамова, которое не единожды слышал и полностью разделяю. Он всем напоминает каждый раз, когда есть у него возможность: в исторически сложившемся мемориальном комплексе покоятся 12 глав правительства и государства (РСФСР и СССР), 22 маршала, 18 Героев, 14 дважды Героев и единственный четырежды Герой Советского Союза, Герои Социалистического Труда, великие ученые и деятели культуры, наркомы и министры, прославленные летчики и космонавты — более 400 человек, достойнейше представляющих грандиозные свершения советского периода нашей истории.

И ведь неотъемлемая часть этого периода — Великая Отечественная война с ее лучезарной Советской Победой. Так, выходит, самые славные из полководцев этой Победы теперь уже недостойны находиться на Красной площади? Но тогда как совместить это, спрашивает ветеран-фронтовик А. С. Абрамов, с маршем памяти — «Бессмертным полком»?

Рассказывая о делах и заботах этого человека, я должен отметить еще вот что. Контрреволюционный августовский переворот 1991 года застал Алексея Сергеевича в должности помощника председателя Всесоюзного совета ветеранов войны и труда (с конца 1991-го — Координационный совет Международного союза «Содружество общественных организаций ветеранов (пенсионеров) независимых государств»). И до 2011 года оставался он на этом посту, делая очень многое для связи с ветеранскими движениями в бывших советских республиках и для объединения их на важные общие дела. Поистине выдающимся таким делом стало, например, издание фундаментального коллективного труда «Победа — одна на всех», где с выверенной полнотой и точностью раскрывается вклад союзных республик СССР в завоевание Великой Победы.

Многолетнюю работу в организации ветеранов из-за нездоровья ему пришлось недавно оставить. Нездоровье и возраст заставили сложить с себя и полномочия председателя правления Региональной общественной организации «За сохранение Мавзолея В. И. Ленина и Почетного некрополя у Кремлевской стены», которую под разными названиями возглавлял он более 20 лет. Однако членом правления здесь остается и по-прежнему представляет эту организацию в «Объединении родственников лиц, похороненных в Почетном некрополе у Кремлевской стены».

Абрамов не просто представительствует — он работает. Результатом огромного его труда стала новая книга «Правда и вымыслы о Кремлевском некрополе и Мавзолее», выдержавшая за короткий срок уже два издания. Экземпляр последнего из них он решил послать президенту В. Путину.

Чем это вызвано? Финансирование государством мавзолейной группы ученых в какой-то мере недавно все-таки восстановлено, и тут, конечно, нельзя не порадоваться.

— Но бдительности терять ни в коем случае мы не должны! — говорит Алексей Сергеевич.

Таков его призыв ко всем нам. А президенту страны в письме, сопровождающем книгу, он написал о том, что остро волнует сегодня и его, и вас, наверное. Приведу выдержку:

«Можно по-разному оценивать роль личности В. И. Ленина в истории человечества. Но никто не может отрицать, что именно под его руководством Россия отстояла свою свободу, независимость и территориальную целостность. Известны слова Н. Бердяева: „Ленин предотвратил хаотический распад России“.

Неудивительно, что в Российской Федерации ширятся протесты общественности против маскировки Мавзолея Ленина — создателя победоносной армии — фанерным забором при праздновании особо почитаемого, причем почитаемого официально, Дня Победы 9 мая.

Ведь это выглядит полным абсурдом. В России принята Программа патриотического воспитания и в то же время прячем за фанерным баннером всемирно известный памятник героической борьбы против фашизма — Мавзолей Ленина и находящиеся рядом с ним могилы прославленных маршалов. Однажды Мавзолей Ленина уже маскировали — летом 1941-го, чтобы дезориентировать фашистских летчиков и спасти от авиабомб. А от кого маскируем сегодня?»

Вот посмотрим, как прореагирует президент Путин на эти вырвавшиеся из глубины души строки ветерана.

Назовем ли Сталина великим государственником?

Людям моего поколения, родившимся в середине 30-х (да и более старшим, конечно, а отчасти и младшим), довелось пережить диаметрально противоположное отношение к этому имени. От невероятного, почти божественного возвышения до полного низвержения. Можно сказать так: культ личности сменился уничтожением этой исторической личности.

Уничтожение продолжается. В России до сих пор издается книга известного драматурга Эдварда Радзинского «Сталин», широко разрекламированная и прессой, и телевидением.

Однако есть и другая книга под тем же названием — «Сталин». И вот ее составитель, известный литературовед Михаил Лобанов, ничего даже близкого к такой массовой аудитории не получил. Почему? Да понятно: его взгляд на фигуру Сталина не совпадает с тем, который считается ныне как бы окончательно узаконенным.

Между тем точка зрения Лобанова представляет безусловный интерес, особенно если учесть, что сегодня к ней склоняется далеко не он один. Об этом я и беседую с ним.

— Михаил Петрович, скажу откровенно: когда я раскрыл на прилавке этот сборник, вышедший в издательстве «Новая книга», и прочитал, что его составитель — вы, очень удивился. Ведь читатели знают вас как литературоведа и литературного критика с определенным кругом интересов, далеких от этой темы, знают ваши замечательные книги об Аксакове и Александре Николаевиче Островском, вышедшие в серии «Жизнь замечательных людей». И вдруг — Сталин. Как и почему возник у вас замысел такой книги?

— Действительно, я не историк, тем более не политолог, и мне никогда ранее не приходила в голову мысль писать книгу о Сталине. Не писал я о нем ни панегириков, ни обличений — видимо, не пришло еще тогда время для понимания самого существенного в Сталине, для меня по крайней мере. Пришло оно теперь, увы, так поздно. Пришло с разгромом нашего великого государства, строителем которого был Сталин.

С началом так называемой перестройки неслучайно начался новый, невиданно ожесточенный штурм Сталина и «сталинщины». Кстати, это выражение Троцкого. А по сути то был штурм нашего государства. Логика простая: если Сталин — скопище зла, стало быть, такое же скопище зла и созданное им государство. «Империя зла», — как повторял Рейган. В те годы мне было не до книги. Тогда я боролся с разрушителями государства, «демократами», в своих статьях. За книгу же принялся, когда уже не стало нашего великого государства под именем СССР, да и целостность самой России оказалась под угрозой.

— И в чем, вы считаете, актуальность книги сегодня?

— Дело не только и не столько в самом Сталине. Ведь если до сих пор такая живая ненависть к человеку, умершему почти полвека назад, — значит, ненависть уже не к одной этой личности. Если до сих пор клеймят «сталинский тоталитаризм» — значит, не вытравлена еще до конца из нашего национального сознания идея сильного, централизованного Российского государства. Вытравить эту идею, добить Россию — вот, по существу, главная цель «перманентной революции» против «сталинщины».

— Сборник о Сталине составлен из воспоминаний современников и документов эпохи. Скажите, по какому принципу вы отбирали материал, какими источниками пользовались?

— Моей задачей было собрать документальный материал, который давал бы читателю живое и по возможности объективное представление о Сталине — о его жизненном, революционном пути, политической деятельности, о той роли, которую отвела ему история в XX веке. Ознакомился я в какой-то мере и с литературой на эту тему, вышедшей на Западе.

Надо сказать, иногда это просто «голливудские ужасы» — с невиданным злодейством героя, с выстрелами, сюжетными интригами и т. д. Один из авторов таких фантазий — Ю. Кротков, из бывших наших соотечественников, состряпавший в Нью-Йорке книжку под заголовком «Красный монарх». Познание им сталинской эпохи сводится ко всякого рода сплетням, байкам, анекдотическим свидетельствам «знакомых». Сообщает тетя Клава: «Маршал Конев был на стороне Маленкова». Показания соседа Ефима: «Солдаты маршала Конева оккупировали все железнодорожные станции столицы. Я поверил Ефиму, он никогда не лгал». Свидетельства Соломона: «Никита Хрущев подошел прямо к Берии на заседании Политбюро и выстрелил ему шесть пуль в шею».

И все в таком роде. И все это в США экранизируется. Я думал, что такими пошлыми анекдотами потчуют только американцев, которые «все съедят». Но вот просто ахнул, когда на днях эту ахинею около двух часов крутили по первому каналу российского телевидения, продолжая одурачивать десятки миллионов наших зрителей, представляя молодежи нашу историю с гаденькой ухмылкой. Замечу, что сама книга разрекламирована в Америке небезызвестным историком Робертом Конквестом, который рекомендует данное сочинение как написанное «в лучших русских традициях». Подчеркивает: «То, что западному читателю может показаться невероятным, на самом деле аутентично». Конквест расхвален у нас «демократами» как специалист по сталинскому «большому террору». Но, читая его оду собирателю сплетен, можно невольно усомниться: а так ли уж «аутентично» то, о чем говорится в «Большом терроре» самого Конквеста, и то, что происходило на самом деле?

Есть, конечно, более серьезные работы. Вот книга профессора Массачусетского университета Роберта Х. Макнила «Сталин. Человек и правитель». Здесь, в частности, говорится, что, не отрицая жестокости правления Сталина, «вместе с тем нельзя понять этого чрезвычайно одаренного политика, приписывая ему все преступления и страдания эпохи, просто считая его чудовищем и психически ненормальным человеком». Любопытна попытка автора психологизировать характер Сталина, объяснить «культ личности» ответной реакцией Сталина на противоречие, которое существовало между его скептическим взглядом на человеческую природу и марксистским представлением о том, каким должен стать человек будущего.

Впрочем, во многих из этих книг нет подлинно исторического подхода. Их тематика и анализ ограничены довольно узкими политизированными проблемами, а публицистическая мысль весьма прямолинейна. Для многих авторов ориентир в оценке Сталина один — книги и статьи Троцкого. Но ведь Троцкий не мог не быть крайне предвзятым и пристрастным по отношению к своему заклятому политическому врагу!

— В составленной вами книге много других свидетельств современников о Сталине как о государственном деятеле.

— Как о великом и мудром государственном деятеле. Это его усилиями были возвращены России ранее отторгнутые у нее земли: бывшая исконно русская Ливония на Балтике, Западные Украина и Белоруссия, Молдавия, Южный Сахалин. Почитайте стенографические записи его переговоров с руководителями США и Англии на Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференциях. Какая глубина понимания обсуждаемых вопросов, какая сила логики и непреклонность в защите интересов своего государства!

Один из иностранных генералов сказал о нем: «Весь его облик был таков, что вызывал уважение к государству». А югославский политик Джилас, впоследствии антисталинист, в своих воспоминаниях о встречах со Сталиным приводит такой эпизод. Сталин остановился перед картой мира, на которой Советский Союз обозначен красным цветом, провел по нему рукой и воскликнул в адрес американцев и англичан: «Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным, — никогда, никогда!» Ныне, к удовлетворению американцев и англичан, карта мира уже иная.

— Что ж, книга ваша, наверное, многих убедит в том, что Сталин был действительно великий государственник, что забота о силе государства была для него превыше всего. Однако остается вопрос, какой ценой это достигалось. «Лес рубят — щепки летят» — подлинно ли употребление Сталиным этой пословицы в определенном смысле?

— Таких слов я у него не встречал. Но известны, и они вошли в мою книгу, другие жутковатые слова Сталина: всякий, кто намеревается разрушить наше государство, будь он и старым большевиком, будет истребляться вместе со своей семьей и всем родом. Это в записи Георгия Димитрова, из высказываний Сталина на ужине у Ворошилова в день двадцатилетия Октябрьской революции — 7 ноября 1937 года. Да, беспощадные слова. И связаны они были с проходившими в тот период судебными процессами над троцкистами-зиновьевцами. Но еще до этого, в 1935 году, в беседе с Роменом Ролланом Сталин говорил, что когда человек решает заниматься политикой, то он все делает уже не для себя, а для государства, которое требует безжалостности.

Сталин принимал суровые меры в интересах государства, но считал их временными, пока в них есть необходимость. Например, кто из старшего поколения не помнит довоенный закон о прогулах? Все помнят. Чей закон? Сталинский. А как он возник? Бывший нарком вооружений Ванников пишет в своих воспоминаниях: «Наркомы неоднократно обращались к И. В. Сталину и другим руководителям партии и правительства с предложением издать закон, направленный на борьбу с прогулами и текучестью рабочей силы. Сталин отвечал, что для этого нужны не особые законы, а повышение качества технического и хозяйственного руководства. Он потребовал от всех наркомов и директоров предприятий улучшения их работы». Но положение не менялось, и только тогда, в середине 1940 года, были приняты «более решительные меры».

Прочитаем дальше: «Был подготовлен проект закона о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с работы. При обсуждении его на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) присутствовали и наркомы, члены ЦК. Обращаясь к ним, И. В. Сталин сказал, что такой закон — вынужденная мера, вызванная прежде всего неспособностью руководителей наркоматов и заводов добиться стабильности и укрепления производственной дисциплины. Этот упрек был в значительной мере заслуженным». Такова история закона о прогулах, который обычно отождествляется с жестокостью Сталина.

Впрочем, для «демократов» высшее злодейство Сталина — это 1937–1938 годы, известные процессы, расстрелы старых революционеров, как их называли. Но не раз уже говорилось, что репрессии против этих лиц в большинстве своем — настигшее возмездие за прошлые их кровавые дела. Когда Зиновьев заливал кровью Петроград, организуя массовые расстрелы офицеров и всех «не своих»; когда Тухачевский на Тамбовщине травил газом мирное население, уничтожая в качестве заложников деревни с детьми и стариками; когда многие из этих «старых революционеров» бесчинствовали в чрезвычайках…

Выходит, это было возмездие — с нравственной точки зрения. А с политической, государственной точки зрения — пресечение пятой колонны в стране. То, что это была пятая колонна, внутренний враг, не было сомнений даже у такого стороннего наблюдателя, как писатель Фейхтвангер. Он был на судебном процессе и выпустил книгу «Москва 1937», где поддержал Сталина и прямо говорил, как опасны заговорщики в такое время, когда Гитлер угрожает войной. Действительно, нетрудно понять, что ожидало бы нашу страну при «колонне» внутренних врагов. Да мы можем судить об этом и но действиям их внуков — нынешних «демократов». Они взяли реванш, расчленили страну…

Сейчас тех заговорщиков (всех сразу!) выдают за невинные жертвы сталинизма. Видите ли, их реабилитировали комиссией под главенством Александра Яковлева. И долго ли изучали? И что-то конкретно доказали? Наивно ждать каких-то доказательств со

стороны Яковлева — для него эти люди невиновны уже только потому, что троцкисты…

— Ваш взгляд на роль Сталина в истории России, можно сказать, кардинально противостоит официальной точке зрения, утвердившейся за последние годы. Откровением для многих будет и сталинская личность, вырисовывающаяся, скажем, из приводимых писем его к родным или некоторых воспоминаний о нем, документов. Тут в самом деле видишь, как личное всецело подчиняется государственному. В его понимании, естественно. И неуемная сталинская жажда власти, о которой столько написано, воспринимается уже не просто как некая слепая маниакальная страсть, как самоцель. Наверное, ближе к истине Чарльз Сноу: «Сталин, совершенно очевидно, верил, что, обладая властью, он в силах спасти свою страну». Именно за то, что Сталин спас, сохранил Россию, воздают ему хвалу в книге даже некоторые пострадавшие от него — к примеру, священник отец Дмитрий Дудко.

Однако в целом книгу вашу апологетической не назовешь. В ней немало страниц, рисующих героя и результаты его деятельности отнюдь не светлыми красками. Да вы и сами в послесловии написали: «В глубоко противоречивой личности Сталина выразился дух самой эпохи с ее социально-историческими конфликтами, потрясениями внутри России, мировой войной, противостоянием разрушительных и созидательных сил. Жестокое время выразилось в нем…» Знаете, меня, когда я думаю обо всем этом, мучает вопрос: искупаются ли величием и мощью созданного им государства страдания людей, ни в чем не повинных? Это, по существу, тот же вопрос, которым задавался Пушкин в «Медном всаднике» и на который, по-моему, не дал однозначного ответа. Восхищается великим Петром, но сочувствует маленькому Евгению. Вы тоже пишете о многомерности времени Сталина, «которая не оставляет окончательного решения».

— Гнусно, когда идет спекуляция на массовых страданиях, извлекаются из этого политические дивиденды. Знаменитый «архитектор перестройки» А. Яковлев писал в свое время: «В результате преступных действий большевистской власти погублено более 60 миллионов человек»… Но ведь созданная под председательством того же А. Яковлева в 1988 году при ЦК КПСС специальная комиссия по реабилитации установила, что в 30-50-е годы (до 1953 года) было репрессировано 3 миллиона 778 тысяч 234 человека, из них к высшей мере наказания, расстрелу, было приговорено 786 тысяч 98 человек. А цифру 60–70 миллионов первым, кажется, запустил «художественный исследователь» Солженицын, внедривший в мировое общественное сознание «имидж» России, русского народа как сплошного ГУЛАГа.

Что же касается механики репрессий как порождения ли системы, личной ли вины Сталина, его окружения, то вполне вероятно, что в недрах архивов еще таятся факты, которые могут опрокинуть многие наши привычные представления о прошлом. Поэтому-то архивы и «чистятся». Известно, что при Хрущеве было уничтожено одиннадцать мешков досье Берии на всех членов тогдашнего Президиума ЦК. Кстати, при том же Хрущеве было переписано архивное дело его сына-летчика, компрометирующие данные заменены лестной характеристикой военного начальства…

Я рассчитываю на дальнейшие переиздания книги «Сталин». И если мне будет открыт доступ в соответствующие архивы, тогда, Виктор Стефанович, мы могли бы продолжить наш разговор.

«Был культ, но была и личность»

Когда в 2007 году я впервые побывал в Иркутске, мне подарили там книгу «Сталин против врагов народа», автор Василий Туев.

Книжку я с большим интересом прочитал сразу же, а вот с автором лично познакомился только недавно. И оказалось, что он весьма неординарный человек, Василий Афанасьевич Туев! Доктор философских наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права, именно он организовал в 2000 году Иркутское городское историко-культурное общество «Наш Сталин», которое сам возглавил и которое со временем стало областным. Затем появился в Иркутске Музей И. В. Сталина — тоже результат его инициативы. А книжечка, заочно меня с ним познакомившая, как выяснилось, представляет собой раздел большого труда на сталинскую тему, над которым В. А. Туев работает уже много лет.

Я решил, что читателям такой человек и дела его будут интересны. Потому и подготовил на основе нашей продолжительной беседы этот материал.

— Василий Афанасьевич, как вы пришли к сталинской теме? Или, точнее, как вошла она в круг ваших научных и общественных интересов? Судя по книжке, которую я прочитал, произошло это уже в постсоветское время, но ведь в государственном вузе, где вы работаете, интерес к Сталину за последнее двадцатилетие вряд ли поощряется…

— Если иметь в виду круг моих интересов как ученого, то да, это относится уже к постсоветскому времени. А если говорить о предпосылках более глубоких, то я всей жизнью был подготовлен к этому.

— Хорошо бы пояснить.

— Я ведь захватил часть сталинской эпохи.

— А когда вы родились?

— В январе 1941-го.

— Значит, когда Сталин умер, вам было 12 лет.

— Да. И у меня существует некое мое впечатление, некий образ той эпохи. Я долго думал, какое же слово наиболее адекватно выражает этот образ, и пришел к такому выводу: лучезарная. Именно в ореоле лучезарном до сих пор представляется мне все, что было в те первые послевоенные годы.

— Замечательно. У меня — то же самое. Хотя годы были очень тяжелые, я-то помню, и тем не менее…

— Победа! Только что одержана Великая Победа! Патриотические чувства буквально перехлестывают. Это касается и отдельного человека, и всего общества. Конечно, я был этим захвачен.

— А где вы жили тогда? Где родились?

— В Кировской области. Маленькая деревушка под названием Бобыльщина. А район — Советский. Любопытная подробность: райцентр назывался раньше слобода Кукарка, так вот, эта слобода дала двух глав советского правительства.

— Кто же это?

— Сначала Алексей Иванович Рыков, а затем Вячеслав Михайлович Молотов. Оба родились в этой Кукарке, через улицу.

— Ваши родители были колхозники?

— Да, честные труженики, которые не видели себя вне общего, колхозного труда. Кстати, это тоже повлияло на мое восприятие той эпохи. Я и сам каждое лето с удовольствием занимался колхозными делами. А еще, пожалуй, определило характер моего интереса к этому времени и к Сталину то, что я очень рано научился читать. Не умеющим читать себя не помню, и, наряду с книгами, это были газеты. Представьте, «Правду» начал читать, наверное, с пяти лет.

— Что ж, понятно ваше отношение к Сталину в детстве. Но вот 1956 год, XX съезд КПСС. Здесь уж какое-то колебание, видимо, произошло?

— Абсолютно нет! Это я говорю с полной ответственностью. Ничему не поверил! Аргументов конкретных против у меня, собственно, не было, но вот интуиция так диктовала.

В подтверждение могу привести один факт. Когда при окончании средней школы писали сочинение на аттестат зрелости, а это был 1958 год, я выбрал тему «Чем нам близка поэзия Маяковского». И явно в пику новому официозу эпиграфом взял известные слова Сталина: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

— То есть вы сознавали, на что идете и чем рискуете?

— Сознавал. Замечу, что из двух средних школ в Советске я был тогда единственным кандидатом на золотую медаль.

— И что же?

— В руководстве школы и в районо после долгих дебатов, как мне после рассказывали, все-таки решено было поставить «пятерку» и выдвинуть на золотую медаль. А в области — срезали. Причина одна.

— Пришлось довольствоваться серебряной медалью?

— Что поделаешь…

— Ну и как, на будущее такой урок учли? Исправились?

— Не очень. Когда поступил в политехнический институт, на маркшейдерском отделении горного факультета нас учили картографическим шрифтам. Надо было писать какие-нибудь тексты, и я всегда писал фрагменты из работ Сталина. Потом преподаватель мне сказал, что мой альбом признан лучшим и его решено оставить на кафедре. Но я-то знал: ничем особенным, кроме этих текстов, мой альбом не выделялся — значит, именно их он захотел оставить себе.

Как видите, отношение к «разоблачению Сталина» уже тогда было разным, в чем убеждался я неоднократно. Учась в институте, писал стихи, посвященные Сталину. Читал их товарищам, и никакого отторжения или протеста это не вызывало. Будучи членом общества «Знание», выступал с лекциями, и, когда люди улавливали мое отношение к сталинской теме, обязательно задавали вопросы, то есть им было интересно. При этом — вполне положительное восприятие!

— Как говорится ныне, «упертый» вы оказались, товарищ Туев. Неужели никто вас так и не пресек?

— Помню, выступал с лекцией в одном из районов. И задали мне вопрос, можно ли и надо ли читать сталинские работы. Я сказал, что сочинения Сталина — это великое достижение нашей общественной мысли. Женщина из райкома партии, которая эту встречу вела, потом стала внушать мне: «Да вы что! Вы больше так не говорите, а то вам не позволят выступать». Она о «карьере» моей забеспокоилась, но сама, как я понял, была со мной согласна…

— А как вы, горняк, маркшейдер, пришли к философии?

— Интерес к общественным наукам возобладал. Окончив политехнический, поступил в университет на заочное отделение исторического факультета и еще до его окончания стал работать на кафедре философии. Заведующий предложил мне тему согласно кафедральному плану: человеческие потребности. И она, прямо скажу, меня увлекла. Стала темой кандидатской диссертации, а позднее и докторской.

— Вроде бы не за Сталина взялись.

— Тогда это было невозможно. Но подчеркну: проблему материальных и духовных потребностей я не мог не соотнести со сталинской эпохой, в которой рос, формировался и которая насыщена была высокой духовностью.

— Действительно, тут многое, пожалуй, перекликается и завязывается, поэтому к проблематике ваших диссертаций мы в связи со Сталиным еще вернемся. Однако сперва хотелось бы узнать сторону событийную: каким образом возникло в Иркутске общество «Наш Сталин» во главе с доктором наук, профессором Василием Афанасьевичем Туевым?

— Вы помните, что новая волна антисталинской истерии, начавшаяся при Горбачеве, затем продолжала нарастать, становилась все более и более агрессивной. Я понимал: надо ей противостоять. А для этого требуется основательная научная разработка образа Сталина и его идеологии, требуется широкая массовая пропаганда. Значит, надо и людей вокруг этого объединять.

Работа над докторской диссертацией, отнявшая много времени и сил, несколько оттянула осуществление возникшей у меня идеи. Но к 2000 году я готов был взяться и взялся за создание в Иркутске историко-культурного общества «Наш Сталин», сначала городского, а впоследствии переросшего в областное, то есть имеющее отделения по всему региону.

— Как определены цели и задачи общества?

— Главное — выработка и утверждение в массовом сознании правдивых представлений о личности и деяниях И. В. Сталина. Девиз наш таков: «Правду о Сталине — в массы!» Ну а различные направления этой работы (сбор материала, научные исследования, пропаганда и т. д.) более конкретно сформулированы уставом общества. Процитирую вводную его часть:

«Наш Сталин — это создатель Союза Советских Социалистических Республик — многонационального государства, ставшего одной из величайших держав мира, это гениальный вождь советского народа, инициатор и руководитель грандиозных социалистических преобразований, вдохновитель и режиссер Великой Победы Советского Союза в борьбе против германского фашизма, организатор послевоенного возрождения страны. Наш Сталин — это личность крупнейшего исторического масштаба и любимый отец большой семьи братских народов. Наш Сталин — это вершинный взлет народного духа в его стремлении к священным идеалам свободы, равенства и справедливости».

— Кто в составе общества? Много ли ученых?

— По профессиям люди самые разные — журналисты, вузовские и школьные преподаватели, писатели, художники, библиотечные и музейные работники, студенты. В президиуме общества трое профессоров, докторов философских наук: кроме меня Николай Сергеевич Коноплев — профессор Иркутского государственного университета, Алла Александровна Кузьмичева — профессор Иркутского государственного технического университета, а также двое кандидатов философских наук — Любовь Андреевна Прибыткова и Геннадий Витальевич Сурдин. Среди активных членов общества еще около десяти докторов и кандидатов наук, есть аспиранты, то есть начинающие ученые. Связи с нашими единомышленниками охватывают многие регионы — от Владивостока до Владикавказа.

— Каковы отношения общества с областным отделением КПРФ?

— Это отношения самого тесного сотрудничества. Многое мы делаем совместно с обкомом КПРФ и областным отделением общественной организации РУСО («Российские ученые социалистической ориентации»). Так, например, вместе провели областное торжественное собрание, посвященное 130-летию со дня рождения И. В. Сталина. Прошло оно на большом подъеме. По решению Президиума ЦК КПРФ шестнадцать наиболее активных членов нашего общества были награждены памятной медалью ЦК КПРФ «В ознаменование 130-летия со дня рождения И. В. Сталина». При поддержке обкома партии была издана и моя книга «Сталин против врагов народа».

— Я обратил внимание, что в ней две вводные статьи — Геннадия Андреевича Зюганова и Сергея Георгиевича Левченко. Что само по себе знаменательно.

— Разумеется. Сплав творческих возможностей общества «Наш Сталин» и организационных, финансовых возможностей КПРФ при единстве основных наших целей и задач способствует реализации таких дел, о которых еще недавно можно было лишь мечтать. Ну, скажем, проведение молодежных межвузовских научно-практических конференций с последующим изданием докладов их участников…

— Драгоценное дело! Вот я перелистал сборник таких докладов под названием «Российское общество: состояние и перспективы» — материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной десятилетию общества «Наш Сталин». Здесь радуют и широта тематики, и ее актуальность, и, конечно, то, что авторы этих интересных докладов — молодые люди. Наверное, привлечение мыслящей молодежи к работе над сталинскими темами — в числе самых значительных достижений вашего общества?

— Думаю, да. У нас даже в составе президиума есть студентка — Яна Харьковская. Она опубликовала несколько работ о Сталине и его эпохе в научных изданиях и массовой печати. При этом недавно заняла первое место в факультетском конкурсе на лучшего студента. На каждую конференцию аспиранты и студенты представляют несколько докладов по сталинской тематике. Оргкомитет конференции определяет рейтинг докладов, и «сталинские» доклады чаще всего занимают призовые места. Для примера назову доклад аспирантки Полины Смирновой «Сталин и кибернетика». Нам все уши прожужжали, что Сталин, мол, кибернетику лженаукой считал. Когда она сказала мне, что намерена работать над такой темой, я выразил сомнение: «По этой теме ты ведь ничего стоящего не найдешь». Она ответила: «А я уже нашла». И материал ее доклада камня на камне не оставил от расхожих оценок.

— А как вам удается это? Вообще, меняется ли у молодых отношение к Сталину, к его эпохе, к советскому периоду нашей истории в целом?

— Заметно меняется! Помню, когда-то, едва я начинал высказывать в студенческой аудитории свой позитивный взгляд на эти темы, в ответ — категорическое неприятие. Ногами топали от негодования. Теперь же ничего подобного нет. Как удается привлечь молодых людей к этой работе? Мыслящему человеку достаточно представить масштаб личности и деяний Сталина, и его ум загорается.

— В чем видится причина?

— Сказывается, конечно, объективная ситуация: многие утратили иллюзии относительно того общества, которое у нас создано. Вместе с тем действует и то, что я называю интеллектуальным прорывом последних лет. Выходят правдивые книги о Сталине, о советской эпохе. И пусть тиражи их не столь велики, как хотелось бы, пусть нелегко противостоять массированно оболванивающему телевидению и многотиражной буржуазной прессе, дело свое они все-таки делают. Мы в нашей работе тоже опираемся на них.

Иногда эта работа, можно сказать, сугубо индивидуальная. Сегодня, например, среди членов президиума нашего общества молодой кандидат философских наук Геннадий Витальевич Сурдин. А познакомился я с ним, когда он был студентом юридического факультета: пригласил меня в жюри конкурса молодых ораторов. Мы немало с ним беседовали, и вот в конце концов заинтересовался он сталинской темой. Хотя ему непросто это далось, поскольку один из его родственников был репрессирован и воспитывался парень в резко антисталинской атмосфере.

Но произошел перелом. И когда после окончания факультета встал вопрос об аспирантуре — по юриспруденции ему идти или по философии, он попросил меня стать его научным руководителем. Замечу, кстати, что Геннадий Сурдин стал и ведущим дискуссионного клуба, который мы создали у нас в университете.

— Клуб этот как-то связан с обществом «Наш Сталин»?

— Да, по некоторым проблемам клуб и общество соединяются. Так было, скажем, при обсуждении темы «Кто и почему атакует нашу Победу?» Так будет и с темой «Мифы о Сталине». Причем такие обсуждения мы стараемся проводить не только с участием студентов — привлекаем более широкий круг молодежи. И проходят тогда дискуссии не в университете, а в Музее И. В. Сталина.

— Дискуссия — хороший способ развивать критическое мышление.

— К этому и стремимся. Не «давить» на сознание молодых, а помогать им самостоятельно приходить к тем или иным выводам.

— А бывают ли у членов Сталинского общества прямые диспуты с убежденными антисталинистами?

— Мы очень хотим, чтобы на наши встречи приходили реальные оппоненты. Приглашаем. Зовем. Но — они боятся! Потому что им нечего нам противопоставить. В этом я убеждался не раз.

Однажды газета для пенсионеров «Мои года» попросила меня написать на тему «Победа и Сталин». А когда статья была готова, редактор решила «в противовес» дать рядом и материал с иных позиций. Нашелся такой журналист — Арнольд Харитонов, который попытался это сделать. Однако получился просто жалкий лепет. Кроме повторения замшелых хрущевских выдумок, ничего этот автор высказать не смог.

Так же получилось, когда на встрече в университете путей сообщения мне и моим товарищам противостоял некий писатель Боровский. Разбили его по всем пунктам. И я слышал потом, как он с досадой говорил: «Если бы я знал, что здесь будут коммунисты, ни в коем случае сюда не пошел бы».

То есть интеллектуально они бедны. Это особенно очевидно сегодня, когда появился целый ряд новых интересных и убедительных работ о Сталине и его времени.

— Какие из авторов этих работ вам особенно интересны?

— Пожалуй, в первую очередь Юрий Емельянов с его фундаментальной дилогией «Сталин. Путь к власти» и «Сталин. На вершине власти». Из более молодых — Игорь Пыхалов. Всегда с интересом читаю Юрия Жукова, хотя далеко не во всем с ним согласен, а также Владимира Суходеева. Привлекают своей остротой книги Сергея Кремлева. Здорово бьет антисталинистов блестящий публицист Владимир Бушин. Перед такими авторами наши идеологические и политические оппоненты бледнеют, имеют, я бы сказал, просто жалкий вид…

— Да, я согласен, антисталинисты заметно поблекли. Даже самые известные. Биты публично Сванидзе и Млечин, ничего не осталось от наигранной петушиной яркости Радзинского… Но, судя по всему, готовятся на этом направлении «свежие» кадры, придумываются неожиданные какие-то ходы и приемы. Борьба продолжается. И главная цель наших идеологических противников по-прежнему состоит в том, чтобы всячески дискредитировать советское прошлое, дабы косвенно оправдать несправедливую, неправедную нынешнюю реальность. Как вы считаете, на чем при этом особенно необходимо сосредоточивать внимание в исследовании сталинской темы?

— Во всех аспектах постигать ее глубины. Начиная с того, что именно он, Сталин, отстоял в борьбе с троцкистами необходимость и возможность построения социализма в одной стране. Победил бы Троцкий — и страны нашей уже тогда, скорее всего, не было бы. Сожгли бы ее, как вязанку хвороста, во имя мировой революции.

— Но сегодня приходится слышать иной аргумент. Противоположный. Скажем так: от неотроцкистов — современных поклонников Троцкого. Дескать, вот пошли за Сталиным, взялись строить социализм в одной стране, а чем кончилось? Катастрофа Советского Союза на рубеже 80-90-х годов выдвигается как доказательство неправоты Сталина в 20-30-е.

— Я-то думаю, что этот довод совершенно несостоятелен. Поскольку одной из мощнейших причин, приведших к уничтожению Советского Союза, был как раз отход от сталинского понимания социализма, от сталинских принципов его построения. То есть если бы верность им сохранялась, был бы по сегодняшний день и Советский Союз.

— Что конкретно вы имеете в виду?

— Прежде всего — духовный фактор. При Хрущеве с его вульгарно-материалистическим подходом этот фактор был резко принижен, а духовные ориентиры, по существу, отброшены. Что означал лозунг «Догнать и перегнать Америку!»? Обеспечить высокий уровень потребления. Главный ориентир — потребление! Как в Соединенных Штатах.

А ведь Сталин из другого исходил. Вспомним хотя бы его послевоенную работу «Экономические проблемы социализма в СССР». Он здесь говорит: да, народ должен иметь достойный уровень жизни, и мы обязаны его обеспечить, но есть еще необходимость развития человеческой личности. Вот цель! Поэтому, замечает он, мы пойдем по пути сокращения рабочего дня до шести и даже до пяти часов, чтобы люди имели возможность для культурного развития.

По уровню потребления вещей мы Соединенные Штаты не догнали и, может быть, никогда не догоним, да это и не должно быть нашей целью. Однако людей на это стали ориентировать — сперва при Хрущеве, а потом и при Брежневе. Мы поменяли идеалы, приняли то, что давно является идеалом на Западе. Но оказалось, что у них получается, а у нас — нет. И тогда люди начали думать: а зачем нам нужен социализм такой?

— Все это связано с вашей темой потребностей. Есть потребности материальные, а есть духовные, которые нуждаются в

развитии. Так ведь?

— Конечно. Потребности — это всеобщее основание человеческой активности. И я прихожу к выводу: творческая деятельность человека служит способом образования и развития духовных потребностей. А если человек занят только тем, что потребляет, от этого в нем ничего не меняется. Только те же исходные потребности растут в объеме и модифицируются, а это бесконечный процесс.

— Раньше многие не понимали, почему это западное капиталистическое общество называлось у нас обществом потребления. В отрицательном смысле. Считали, это просто пропаганда, а вот теперь-то смысл совершенно ясен. И когда это стало очевидно, знаменитый наш драматург и великий патриот Виктор Сергеевич Розов сказал: «Нам нужно не богатство, а достаток». Материальный достаток, дающий возможность для духовного, культурного развития, а не бессмысленная и бесконечная погоня за денежным богатством, стимулируемая собственническим инстинктом. Как тут не вспомнить Сталина и весь дух, всю атмосферу сталинского времени…

— Ныне тенденции к развитию потребительства в мире продолжают интенсивно нарастать, и вместе с обострением экологических проблем это ведет человечество в тупик.

— А что происходит в нашей стране на фоне всей этой продолжающейся антисталинской, антисоветской, антикоммунистической вакханалии? Что с людьми происходит? К лучшему они меняются или к худшему?

— По-моему, более чем очевидно: не к лучшему. Хотя, казалось бы, задача общества и государства состоит в том, чтобы делать человека человеком, отрывать его от животного мира. Если общество строится так, что оно продуцирует духовные интересы, духовные потребности и идеалы, вот тогда они и развиваются у людей. А если государство от этого отказывается…

— Даже не провозглашает! Раньше говорилось о светлом будущем, что теперь высмеяно и подвержено остракизму, но ведь как идеал это имело громадное значение.

— Еще бы! Особенно если учесть, насколько государство в нашей культуре значимо, по сути — священно, исторически так сложилось. И как только государство отказывается от духовных ориентиров, это сразу же сказывается на состоянии народа, на мировоззрении, сознании людей. Многие быстро начинают скатываться фактически к животному состоянию, что мы сегодня и наблюдаем.

— Хрущевский удар по Сталину, далее подхваченный и приумноженный, действительно имел роковые последствия для нашей страны. Шоковый характер его создавался на контрасте: вчера вождь был почти обожествляем, а сегодня оказывается, что вождем-то, едва ли не Богом, народ имел ничтожество, преступника, кровавого маньяка… В таком случае получается, что и народ этот — быдло. А как вы, Василий Афанасьевич, трактуете нынче известную формулу о «культе личности»?

— У нее вроде бы однозначно негативный смысл: это нечто вредное и даже страшное. В известном выражении Михаила Александровича Шолохова это чувствуется: «Был культ, но была и личность». То есть признавая значимость личности Сталина, одновременно дает понять, что культ — это все-таки не очень хорошо.

Мое отношение, к которому я пришел после многолетних раздумий и разностороннего научного анализа, совсем иное. То, что названо культом личности Сталина, есть на самом деле народная любовь, и она, в моем представлении, стала могучим фактором развития страны, великим духовным феноменом эпохи.

Известно, что любовь способна творить чудеса, а если это любовь народа — тем более.

— Представляю, какую ярость вызываете вы таким своим утверждением у антисталинистов, сколько возражений они и сейчас на вас обрушат…

— Это понятно. Все их возражения мне известны. Однако убеждения моего нисколько они не колеблют!

Может ли быть любовь по приказу, по принуждению? Нет, конечно. Да и кто, скажем, меня, деревенского подростка, заставлял любить Сталина? Сегодня все и вся пронизывает телевизор, он может что угодно внушить. Но в моем детстве и отрочестве телевизора не было, никакого давления не было, а любовь к Сталину была. Как и у миллионов советских людей — у большинства народа.

Вот это важно подчеркнуть: таких, кто искренне любил Сталина, было большинство! Тех, кто душой воспринимал его идеи, твердо шел за ним, бесконечно верил ему. Были, разумеется, и другие, которые ненавидели. Что ж, когда-то Твардовский, написавший замечательное стихотворение как раз о народной любви к Сталину, выразился так: «Народ — это море, и в нем всякая тварь водится».

— Сам Твардовский, как известно, испытал разное отношение к Сталину: от того, когда в спальне у него (то есть в самом интимном месте — значит, никак не для показухи) висел портрет вождя, до переписанной главы в поэме «За далью — даль»…

— Но этим ведь не меняется искреннее его чувство другой поры, которое, повторяю, было чувством большинства. Вскоре после войны, в 1947 году, в Советском Союзе побывал выдающийся американский писатель Джон Стейнбек. И он более всего был озадачен мотивами необыкновенной народной любви к Сталину, которую при встречах с советскими людьми пытался понять. В

конце концов, стараясь найти какие-то аналогии, параллели во времени, обращаясь то к Цезарю, то к иным из великих, Стейнбек делает вывод, что он не знает в истории другого человека, который обладал бы такой, по его словам, богоподобной властью над людьми.

Но ведь «богоподобная власть» — это власть духовная! Можно привести и массу других свидетельств, на которых я основываю свое отношение к культу личности Сталина, мнение о том, что это был мощный духовный фактор развития. Само имя его многих вдохновляло на подвиг. И в годы войны вера в Сталина, и в послевоенное время убежденность, что мы идем правильным путем, имели огромное мобилизующее значение.

Всегда важно, какими мотивами руководствуется человек в своей жизни и делах. Вот Черномырдин, бывало, любил повторять: «Вкалывать надо, вкалывать!» Я же студентам говорю: «Не вкалывать — трудиться надо». А это совсем другое. Трудиться — предполагает духовный мотив, и вот тогда, при Сталине, именно духовные мотивы первенствовали в трудовой активности людей.

— О многом говорит, конечно, и отношение к смерти Сталина…

— Безусловно. Сейчас даже официально уже не пытаются скрывать, какое сильное впечатление произвела она на людей. Массовое восприятие известно. Однако я могу сослаться и на такую великую фигуру, как Сергей Павлович Королев, который к тому же отбыл несколько лет, как ныне выражаются, в сталинских лагерях. Так вот он не где-нибудь, а в частном письме жене пишет, каким потрясением для него стала смерть Сталина. И потом снова, еще и еще возвращается к той же теме, говоря о том, какая это невосполнимая потеря. Значит, люди такого масштаба и такой судьбы понимали!

А Рокоссовский? Тоже, кстати, в прошлом репрессированный. Помните, как он ответил Хрущеву на предложение написать «чернуху» о Сталине? «Что вы, Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой…»

Так надо же осмысливать подобные факты, давать им объяснение, делать выводы.

— Но вам все равно будут говорить о несправедливости сталинских репрессий и о том, что победили мы в Великой Отечественной войне не благодаря Сталину, а вопреки…

— Да, мол, несмотря на репрессии, все-таки победили. А я утверждаю обратное: победили потому, что были эти репрессии, вовремя ликвидировавшие существенную часть пятой колонны. Разве враги Советской власти — выдумка Сталина? А откуда же тогда миллион или полтора миллиона человек, которые пошли служить гитлеровцам?

— Вот это и выдвигают как аргумент, что Советская власть, коммунисты, Сталин не поддерживались народом.

— Народом? Нет, какой-то частью его. А какой? Давайте вернемся к тому, о чем я уже говорил. Есть же такое понятие: большинство народа. Наверное, никакая власть всем мила не будет. Миллион или полтора миллиона недовольных — немало, конечно. Однако если вспомнить, что это из 190 миллионов, составлявших советский народ, то выходит гораздо меньшая его часть. Почему же она должна всем диктовать? Ведь демократия, если говорить о ней, это не что иное, как воля большинства.

Я не отрицаю, что неправедно репрессированные были. Однако и в этом необходимо как можно глубже разбираться. Ведь после хрущевского доклада на XX съезде стало обычным говорить, что все «сидели ни за что». Собственно, и солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» построен на этом. Но есть другие признания. Например, некто Никифоров, ставший прототипом одного из героев романа Солженицына «В круге первом», напечатал свои воспоминания на страницах журнала «Наш современник». И там он свидетельствует: по-настоящему невинных в лагерях не встречал.

Важнейшим направлением дальнейших моих научных исследований считаю опровержение «необоснованности и незаконности репрессий». Солженицын пишет: следствия относительно обвиняемых по 58-й статье не проводилось. А тот же Никифоров возражает: как же не проводилось, если следствие по моему делу длилось восемь месяцев, хотя вина с самого начала была очевидна.

А насчет незаконности… Нет, в основном все было по закону. Просто в это время законы были чрезвычайные, что диктовалось самой жизнью, международной и внутренней обстановкой в стране.

— Есть у меня в заключение, Василий Афанасьевич, острый вопрос. Не попытается ли нынешняя власть использовать Сталина в собственных целях? По-моему, уже наметилась тенденция подстраивать имидж Путина под сталинский образ: патриот, государственник, «твердая рука» и т. п. Скажем, Проханов вовсю трубит о миссии Путина, изображаемого прямо-таки мессией. Или известная песня: «За нами Путин и Сталинград»… Что скажете на сей счет?

— Думаю, для власти в определенном смысле это опасно. Тогда ведь надо, чтобы и политика сталинской была, то есть не в интересах олигархов, а во имя трудового народа.

Исторические аналогии всегда хромают. Вот сравнивали Сталина с Петром Великим, немецкий писатель Эмиль Людвиг даже в беседе с ним об этом говорил. Во время теперешних наших дискуссий я это воспроизвожу и спрашиваю: можно ли приравнять Сталина и Петра? Точки зрения высказываются разные, и действительно нечто общее вроде бы есть.

Да, говорю я, Петр строил великую державу и во многом преуспел. Но он строил эту великую державу для немногих — прежде

всего для дворянства. А что касается народа, он от этого ничего не получил.

Сталин же создавал великую народную державу. И это был единственный случай в истории, когда такая держава была создана. А Путин готов к этому? Сомневаюсь. Никаких реальных признаков мы не видим. Так что речь может идти лишь о какой-то внешней имитации, но не о сути, которой маскировка не меняет. Авторитаризм может расти. Но во имя чего? Вот главный вопрос!

— От себя добавлю: так называемая державная идея вне классового подхода — это не Сталин. Нельзя забывать, что он был коммунистом и возглавлял партию коммунистов, нельзя отделять сталинское теоретическое наследие от марксизма-ленинизма и даже противопоставлять ему. А как будет называться большая книга, над которой вы продолжаете работу?

— Как и руководимое мною общество — «Наш Сталин». С подзаголовком «Духовный феномен эпохи».

Против вранья о Сталине

На телеканале «Россия» в сериале «Вольф Мессинг. Видевший сквозь время» нам подробно рассказали про жизнь человека, обладавшего, если верить авторам, не просто редкими и удивительными, но прямо-таки фантастическими способностями. По сюжету этот маг и чародей, известный в свое время широкой публике концертными выступлениями с «психологическими опытами», способен на гораздо большее. Да что там, он может практически все! Легко выйти из жестко охраняемой тюремной камеры и с абсолютной точностью предсказать ход Второй мировой войны, за минуту вылечить больного ребенка и в начале футбольного матча безошибочно назвать его конечный счет…

Это — в фильме. А в жизни тоже было так?

Нет, как выясняется, большинство мессинговских чудес, поражающих зрителей с телеэкрана, реальных подтверждений никогда не имело и не имеет. Есть основания сказать, что не было в действительности и тех встреч с историческими деятелями (Сталин, Берия, Хрущев, Эйнштейн, Фрейд, Гитлер и др.), которым в фильме отведено так много места. Откуда же все это взялось?

Ответ прост. Сверхувлекательную биографию Мессинга сочинил журналист «Комсомольской правды» Михаил Хвастунов, взявшийся в 60-х годах прошлого века помочь известному эстрадному артисту создать книгу «О самом себе». Собственно, журналист эту книгу от начала до конца и создал, опираясь не столько на достоверные жизненные факты, сколько на фантазии Вольфа Гершиковича и всяческие легенды вокруг него, приумноженные хвастуновской бурной фантазией. Расчет был беспроигрышный: такой феномен, как Мессинг, все спишет и оправдает, а уж книжка точно станет бестселлером — читательский интерес к ней заранее обеспечен.

Ясно, что на то же самое рассчитывали инициаторы телепроекта о телепате. А выбор автора сценария в лице Э. Володарского, «достойно» зарекомендовавшего себя знаменитым «Штрафбатом», гарантировал: придуманное Хвастуновым будет существенно дополнено и обогащено.

«Свой сценарий Эдуард Володарский не только основал на выдуманной биографии Мессинга, но и приукрасил ее своими домыслами, — комментирует авторитетный психотерапевт и психиатр, президент Московской психотерапевтической академии М. Буянов. — Кроме откровенного вранья, там еще есть и много ляпов».

А заслуженный юрист России Н. Китаев, более 30 лет изучавший жизнь и «чудеса» Вольфа Мессинга, о результате ухищрений авторов сериала отозвался так: «Не фильм, а развесистая клюква. Мессинг не был близко знаком ни со Сталиным, ни с Гитлером. Вообще, все это — порождение фантазии, невежества, доверчивости и коммерческих наклонностей, весьма далекое от истины».

После компетентных отзывов, приведенных выше, можно было бы поставить точку. Мало ли «развлекухи» изо дня в день льется по нынешним телеканалам — всего не отследишь и не прокомментируешь. Да и нужды в том нет.

Однако здесь все-таки случай особый. Потому что сериал — не только о Мессинге, но и… о Сталине.

Да, среди исторических личностей, с которыми экстрасенс якобы встречался, ключевая роль и самое значительное место отведены, безусловно, руководителю Советской страны. Более того, Сталин становится своеобразным центром всего сериала, что превращает фильм из частной истории человека с необыкновенными способностями в историю политическую. Впрочем, если точнее — в политико-фантастическую.

Каков здесь Сталин? После начальных встреч с ним на вопрос о том, каким он представился Мессингу, «прорицатель» изрекает: хитрый и жестокий. Далее это надо как-то подтвердить. И первым аргументом на тему жестокости становится нежелание вождя обменять своего сына Якова, оказавшегося в немецком плену, на фельдмаршала Паулюса. Это решение потрясает Мессинга, с которым почему-то вождь счел нужным посоветоваться, обменивать или не обменивать.

Но еще большее потрясение впереди. Мессингу видится, что самолет, на котором хоккейная команда ВВС вместе с другим сталинским сыном, Василием, полетит в Свердловск, разобьется. Мессинг спешит предупредить Сталина. И что же? Своего сына жестокий и хитрый властитель с рейса снимает, а команда целиком погибает в катастрофе.

Могло ли быть такое? Правдиво здесь лишь то, что трагический случай с хоккейной командой имел место в январе 1950 года. Все остальное — сочинение. И не требуется каких-то особых расследований, чтобы утверждать это. Просто «в предложенных обстоятельствах» поступок Сталина совершенно нелогичен. Если до этого Сталин убедился, что все мессинговские пророчества сбываются, почему не распорядился отправить команду в Свердловск поездом, как тот предлагал и просил?

В действительности Иосиф Виссарионович (как и Мессинг) не знал об этом полете, который генерал авиации Василий Сталин организовал для любимой команды на самолете из авиаполка особого назначения. Но надо продемонстрировать сталинскую жестокость! Она тут абсолютно немотивированная, бессмысленная? Ну и пусть. Так, сточки зрения сценариста Володарского, даже лучше. Главное — есть повод Мессингу закричать в отчаянии: «Он меня обманул!» И как эффектно именно с этого начать сериал — интригует и завлекает…

Итак, прямая ложь о Сталине. На юридическом языке — клевета. Только какой же суд будет нынче выносить соответствующий приговор? О Сталине сегодня допустимо говорить, писать, показывать любое вранье — и чем хуже, тем лучше.

Могут возразить: это ведь художественный фильм, а не документальный. Дескать, художник имеет право домысливать.

Так-то оно так, но, поскольку речь идет о личности исторической, должны быть, наверное, какие-то границы домысла. По крайней мере, он должен быть хотя бы логичным.

Куда там! Незадолго до шестнадцатисерийной версии по Первому каналу прошел двухсерийный телефильм о том же Мессинге. Очевидно, хотели опередить готовившийся на «России» сериал. Была даже заявлена претензия на соединение жанров — документального и художественного. А что мы увидели в связи со Сталиным? Ту же фантазию, в чем-то и похлеще.

Там Сталин, чтобы проверить способности Мессинга, дает ему задание выйти из Кремля через охрану без пропуска. И тот выходит. А Сталин? Закадровым голосом нам было сообщено: он отдал команду расстрелять всех, кто стоял в охране.

Помилуйте, какая же логика в этом! Ведь подтвердились сверхъестественные способности человека, в чем охрана, конечно, не виновата. С какой стати расстреливать?

Абсурдность такого исхода, кажется, все-таки дошла до создателей нового сериала. У них сюжет с выходом и входом Мессинга без пропуска происходит первый раз уже не в Кремле, а на Лубянке: «эксперимент» проводит не Сталин, а Берия. И самое главное: ни о каком расстреле охранников речи уже не идет. Ни в сценах с Берией, ни со Сталиным. Так в конце концов убил проклятый тиран всех их ни за что или нет?

Вопрос мой, конечно, риторический. Со здравым смыслом не считаются, когда надо оклеветать Сталина. Вот и Никита Михалков в своих «Утомленных солнцем 2» придумал сцену, где Сталин бессмысленно обрекает на гибель сотни или даже тысячи людей. И эти кадры как документ (!) крутили в передаче «Имя Россия», посвященной Сталину.

Словом, придумай, изобрази о Сталине какую-нибудь гадость, а люди, глядишь, воспримут твою придумку как нечто реальное. Ну, если не все так воспримут, то многие. А это, собственно, и требуется.

Возвращаясь к сериалу «Вольф Мессинг», скажу, что талантливый Алексей Петренко играет Сталина очень плохо. Насквозь фальшиво. Видимо, фальшивый материал не вдохновляет.

И очень жаль, что в эту скверную историю втравились талантливые режиссеры Владимир Краснопольский и Валерий Усков. Думаю, со временем им будет стыдно. А может быть, стыдно уже сейчас?..

Болезнь грязных рук смертельно опасна

Народная артистка СССР Татьяна Доронина впечатляюще поставила актуальную пьесу Юрия Полякова.

Большое событие в театральной жизни Москвы! Один из талантливейших современных писателей Юрий Поляков написал, пожалуй, лучшую свою пьесу, которую поставила на сцене МХАТ имени М. Горького Татьяна Доронина. Думаю, уже соединение таких имен должно вызвать значительный интерес. Во МХАТ это четвертая работа «по Полякову». Напомню, что здесь поставлены и до сих пор с успехом идут «Контрольный выстрел», «Заложники любви, или Халам-Бунду», «Грибной царь». Последний из этих спектаклей недавно горячо принимали китайские зрители: в Поднебесную на гастроли МХАТ привозил его вместе с горьковским «На дне».

И вот новая премьера — «Как боги…» Ставить на сей раз взялась сама художественный руководитель театра, и это тоже о чем-то говорит.

У меня нет сомнений, что прежде всего привлекают Т. Доронину в творчестве Ю. Полякова его остро социальный взгляд на нынешнюю действительность и чуткий слух, помогающие воспроизводить эту действительность достоверно, выразительно, колоритно. А еще — умение выстроить сюжет так, чтобы захватить зрителя и держать его в напряжении до самого конца. Вот и в новом спектакле, ручаюсь, вы ни за что не угадаете, каков будет финал.

Жанр? Переплетение комедии с трагедией или, точнее, комедия, оборачивающаяся трагедией. Вы будете смеяться от души, а потом заплачете. Как и бывает в жизни. Сегодня же совсем не редкость, когда под смешным, как подо льдом, скрывается ужасное, даже убийственное. Лед треснет где-нибудь, и тогда обнаружится…

Реальность и мнимость сегодняшней жизни — вот о чем думалось мне больше всего, когда проходили передо мной сцены быта в квартире отставного дипломата Гаврюшина (заслуженный артист России Александр Титоренко). Отставным он стал именно потому, что осмелился — не «на трезвянку», нет! — нарушить показную мнимость реальностью: высказал однажды Ельцину все, что думал, «про шоковые реформы, обнищание народа, предательство геополитических интересов». Но… «президентам, как и девушкам, правду лучше не говорить».

В результате преуспевавший дипломат вынужден сидеть дома, посвящая досуг переводу великих китайских поэтов, а его жена — зарабатывать деньги облагораживанием свиного рыла русского капитализма. Это по выражению Гаврюшина. Сама же Вера Николаевна (заслуженная артистка России Ирина Фадина), тонкая, душевная и умная женщина, конечно, тяготится невольной обязанностью обучать этикету, то есть хорошим манерам, «новых русских» — олигархов и кандидатов в олигархи. Превращение гнусной реальности в приличную мнимость! Симулякр, как теперь выражаются. И ведь почти все вокруг, вот что невыносимо, — этот самый симулякр.

Особенно тяжко для человека, сохранившего душу живую, ощущать, что сплошь и рядом видимостью становятся самые драгоценные, самые святые чувства, на которых, казалось бы, должен держаться мир. И на что опереться душой, если уже нет искренней дружбы, если даже просто доброжелательность бескорыстная исчезает, а любовь… Да где же она, любовь?

Дочь Алена (артистка Вера Лаптева) «коллекционирует» партнеров, проводя время в ночных клубах. Бывшая первая жена Гаврюшина, урожденная Чумина, ставшая сегодня леди Мак-Кенди, носится по белу свету в поисках очередных доходных мужей: броский гротесковый образ создан заслуженной артисткой России Лидией Матасовой. А заходящий к Гаврюшиным под видом друга дома «крупный бизнесмен» Непочатый, хоть и очень настойчиво зовет Веру Николаевну в жены или любовницы, суля золотую карточку, чтобы могла тратить «до изнеможения», и квартиру в Ницце на Английской набережной, где «с балкона можно в море плевать», ничего и отдаленно похожего на любовь у нее, понятно, не вызывает.

Когда же у такой женщины, оставшейся вопреки всему человеком в лучшем смысле этого слова, душа осветится вдруг внезапной любовью, не охватит ли вас тревожное предчувствие? Вы, может, и не запомнили сказанное вскользь ею в начале спектакля, что прилетала как-то большая птица с черными крыльями и смотрела на нее так, словно хотела о чем-то предупредить. А суть ведь в том, что подлинная любовь в окружающем климате зачастую оказывается обреченной, как беззащитный экзотический цветок где-нибудь в Заполярье.

Доронина совершенно правомерно делает эту тему центральной в спектакле. Можно ли жить без любви и каково ей, любви, в этом фарсовом и одновременно крайне жестоком мире? Стихия смеха, иронии, сарказма, царившая на сцене, резко сменяется лирической нотой, которую соответственно замыслу режиссера, надо сказать, великолепно ведет — в дуэте с достойным Александром Хатниковым — Ирина Фадина. Пронзительность большого чувства, прорывающегося сквозь свойственную ее героине сдержанность, как будто чудодейственным образом преображает саму атмосферу буднично привычной комнаты, внося в нее трепетную нежность и красоту.

Однако, подобно миражу, это скоро исчезнет, столкнувшись у нее с непреодолимым чувством долга, а также, как можно понять, с чем-то не вполне приемлемым в человеке, которого она полюбила.

С чем же? И кто он, Артем Бударин? В перечне действующих лиц автором обозначено: «30 лет, самородок из Сибири». А его покровитель Непочатый, сперва выдвинувший молодого сменного мастера директором своего сибирского «заводика», а потом и своим заместителем в Москву, комментирует: «О, парень с небом над головой!»

Небо понимается как возможность взлететь высоко. Не всем дано. Желаешь жить, как боги из любимой с детства книги «Мифы Древней Греции»? Тогда действуй так: «Хочешь — сделай. Нужно — возьми. Боишься — преодолей себя или умри. Мешают — отодвинь. Сопротивляются — победи. Любишь — обними и не думай о том, что будет потом. В общем, живи, как душа просит».

Заметим: абсолютно не думая, каково при этом другим людям. Приведенный монолог Артема произносит Александр Хатников убежденно и страстно. Он обаятелен этой своей убежденностью, непосредственностью, ощутимой внутренней силой. Но… женщина, которую позовет бросить мужа и дочь, чтобы жить вместе с ним, как боги («денег хватит!»), неожиданно переводит возвышенную фразу в неприглядную реальность:

«А ты знаешь, мальчик, как жили боги? Ты внимательно читал эту свою книжку? Боги! Они ради власти и похоти убивали, лгали, обманывали, предавали, оскопляли друг друга… Они крали друг у друга коров, жен, наложниц… А несчастные женщины, которые на свою голову приглянулись блудливым небожителям, гибли или превращались в паучих, в змей, в камни… Иногда всего за одну ночь страсти!»

Вседозволенность силы, не признающей никаких нравственных ограничений, гибельна. Спрашивает Вера Николаевна домогающегося ее Непочатого: «Скажите, только честно, смогли бы вы за деньги убить человека?» Ответ: «За деньги? Человека? Нет! Если только из ревности…»

Лжет, конечно. Как древнегреческий бог. А ревность из-за похоти бывает тоже, не только из-за любви. Иногда такая ревность, чувство собственника, соединяется с особенно жгучим денежным вопросом. И он, Эдуард Никитич Непочатый, олигарх, демонстрирует нам, что способен легко убить даже не одного человека…

Интерес прозаика и драматурга Ю. Полякова к этой популяции новоявленных хозяев жизни виден во многих его работах. Что за процессы происходят в хищниках, возомнивших себя богами? Доронина и заслуженный артист России Сергей Галкин, играющий олигарха, внешне делают этого персонажа совсем не импозантным. И голос негромкий, с хрипотцой, и не бросающийся в глаза костюм. Встретишь случайно где-нибудь — разве догадаешься, кто перед тобой? Впрочем, в традиции мировой литературы дьявол чаще всего выглядит вполне заурядно…

Сущность «крупного бизнесмена» вырывается лишь тогда, когда он понимает: опекаемый выдвиженец увел у него два миллиона «зелени». И тогда уж долой любой этикет, «к черту цирлих-манирлих!» Сорвавшись, выдает небожитель потаенное во славу того, что дороже ему всего на свете:

«Да, я люблю деньги. Деньги не изменят, как жена. Не предадут, как друг. Не обворуют, как подлый партнер. Не бросят в старости, как неблагодарные дети. Что такое деньги? Это твои ум, труд, упорство, превращенные в волшебные цифры, исполняющие все желания. Безоткатно!»

«Да вы поэт!» — иронически восклицает, выслушав это, Вера Николаевна.

Но он не поэт. Он убийца. Совсем скоро для нее это станет фактом. Погибнут дочь и тот, кого она любила. Принимавший у себя дома «окультуренного бизнесмена» экс-дипломат и переводчик китайских поэтов Гаврюшин, безусловно, прав был в своем выводе о нечистоплотности его бизнеса. Мягко говоря, разумеется. И о том, если шире, что богатство в нынешней России — как дизентерия: «Болезнь грязных рук». Только еще недопонял тогда или не договорил, что болезнь эта смертельно опасна для окружающих. И даже, может статься, для всей страны.

Недаром же так безутешно горько заплачет в финале мудрый Китаец (артист Олег Цветанович) — дух дома китаиста Гаврюшина, счастливое озарение автора пьесы. Заплачет после убийственного взрыва за окнами, устроенного одним из богачей ради этого самого богатства. Ради его препохабия капитала, как известно, ни перед чем они не остановятся…

Спасибо Юрию Полякову и театру Татьяны Дорониной за впечатляющее напоминание об этом. Очень важное и нужное, по-моему, для сегодняшнего нашего общества.

«Концерт по случаю конца света»

Наверное, только большие чувства рождают большое искусство. Если художник переполнен ими и хочет поделиться с другими людьми. Именно в состоянии такой напряженной эмоциональной переполненности, по моему восприятию, уже давно живет Николай Николаевич Губенко.

Да, с тех пор как Родину, самое дорогое и святое для него, начали огульно шельмовать, унижать, оскорблять, нарастали в нем боль и страдание от происходящей несправедливости. А одновременно — резкое неприятие всех причастных к разрушению великой Советской страны, уничтожению ее идеалов и героической памяти. Нарастало и стремление художественными средствами осмыслить суть постигшей нас трагедии.

Так шел он к этому мощному театральному творению, названному «Концерт по случаю конца света» и ставшему (без преувеличения!) выдающимся событием не только отечественной культуры, но и современной общественно-политической жизни.

Что в первую очередь поражает? Масштаб замаха и невероятная тяжесть груза, который Губенко взвалил на себя и на весь коллектив руководимого им театра. В подзаголовке сценария, авторство которого принадлежит тоже ему, постановщику, значится: «1612-1812-2012». Однако и этими годами, между которыми дистанция огромного размера, панорама спектакля, представьте себе, не ограничивается! Три даты лишь как реперные точки, а исторический охват того, что мы видим и слышим, гораздо шире.

Гудит, колышется океан российской истории, донося до наших дней волны из далекого прошлого, которые подчас удивительным образом отдаются в событиях, по времени совсем близких к нам. От царя Бориса в веке семнадцатом до другого Бориса — на исходе двадцатого столетия. От расстрела рабочих перед Зимним дворцом в Петербурге до танкового расстрела Дома Советов в Москве…

Не последовательное изложение того, что было, а сложная ассоциативная связь выстраивает спектакль, выливающийся в симфонию потрясающей силы, где органически сплавлены поэзия и музыка, кино и песни, мысли философов и признания политиков, телевидение и Интернет. И все это надо было найти, отобрать, смонтировать!

В связи с предыдущим спектаклем Н. Губенко «Арена жизни», явившимся творческой вершиной, с которой он двинулся к этой новой своей высоте, я уже писал, что ему очень помогли талант и опыт кинорежиссера. На сей раз — тоже. Но почти физически ощущаю, каково было справляться с таким поистине безмерным материалом.

Справился. Блестяще. Способствовала этому найденная форма — концерт, а если точнее, репетиция концерта. Как обозначено в названии, «по случаю конца света».

Вы спросите: почему? Напомню, что некоторые ведь всерьез воспринимали прогноз конца света, назначенного на 2012 год. А можно сказать и так: конец этот апокалиптический уже наступает.

У Губенко масса тому свидетельств. Ну хотя бы беспристрастные опросы на улицах — о чем они говорят? В объявленный День народного единства многие не могут ответить, кто такие Минин и Пожарский. Накануне очередной годовщины начала Великой Отечественной выясняется: для кого-то (не для одного, а опять-таки для многих) затруднительно ответить, что такое особенное значит день 22 июня. «Суббота», — говорит один. «Не вспомню, нет», — вторит другой. И так далее.

Или ответы по литературе студентов-филологов, готовящихся стать преподавателями этой самой литературы, и даже одного аспиранта, без пяти минут кандидата филологических наук. Вопрос о том, чья это строка: «Безумству храбрых поем мы славу», вызывает неуверенный ответный полувопрос: «Лермонтова?» Вопрос «Кто убил Лермонтова?» — встречается удивлением: «А разве его убили?» Эрих Мария Ремарк для завтрашних учителей-литераторов женщина, зато Жорж Санд, несомненно, мужчина…

Вот в подобных ситуациях и воскликнешь поневоле: конец света!

А разве не то же самое хочется сказать, когда голос диктора комментирует кадры из Интернета, посвященные некоей «арт-группе» под названием «Война»? Художники, так сказать. «Это они устроили унизительную, безумную акцию в годовщину казни декабристов — публичный сеанс группового секса в Государственном биологическом музее имени Тимирязева. Это они нарисовали гигантский фаллос на Литейном мосту в Санкт-Петербурге, который при разведении мостов поднялся. За эту акцию, кстати, получили награду министерства культуры».

Разве не конец света? Вот во что превращается любовь. Вот во что превращается искусство. Расчеловечивание человека, нравственное уничтожение — вместо того чтобы облагораживать его и возвышать.

Многое в спектакле построено на контрастах, на резких контрапунктах. Скажем, идет дикторский текст — сообщение 12 апреля 1961 года о выводе на орбиту вокруг Земли первого в мире корабля-спутника с человеком на борту.

Мы видим такое родное лицо в скафандре, неповторимую улыбку советского героя. А следом — воплощение лицемерия и предательства: Горбачев перед микрофоном объявляет о сложении полномочий президента СССР. И тут же титр: «Девяностые».

И стихи:

Девяностые годы,Ликованье и страх,Пресловутые кодыНа железных дверях…

1961–1991-й. Подумать только, что же случилось? С космической выси — в бездну…

Девяностые годы,Богачи, голытьба.Засыпали — свобода,А проснулись — стрельба.

Вслед за Горбачевым-«меченым», уже в виде арбатской матрешки с кровавым пятном на лбу, — другой новоявленный вершитель судьбы страны:

Холодна партитураОт войны до войны,И глаза самодураЕле в щелках видны.

Какие выразительные кадры найдены для характеристики этого властительного самодура! И ведь документальные — все как есть, все как было.

Хоть и бражник отпетый,И тяжел, точно слон,Только оперой этойДирижирует он.Дирижирует — о-пп-а!Пьяный взмах у виска —И стремглав из ЕвропыПокатились войска…

Губенко потрясающе решает тему вывода советских войск из Германии. Под лихую плясовую после знаменитого ельцинского «дирижирования» он включает в свой монтаж кадры-напоминания о немецко-фашистских зверствах на нашей земле. И это пронзает насквозь. Как и последующие кадры «черного октября».

«Мама, салют?» —спросил пятилетний мальчик.А это черным по «Белому дому» лупят…«В красных стреляйте!» —кричат в телевизор артистки.Всюду свобода, равенство, братство и…танки.

Вот она, современная история. Музыка и стихи, конечно, усиливают впечатление. Но все-таки самое сильное — от документов. Кадры документальные запечатлели навсегда это варварство конца XX века. Хотя, оказывается, для кого-то оно вовсе не варварство, а повод для морального удовлетворения.

Губенко нашел и процитировал документ по-своему символический. Это статья Новодворской в журнале «Огонек» за январь 1994-го. При всей экстравагантности этой фигуры мы-то знаем: не только от себя говорит она здесь в приступе откровенности. Почти то же самое вырвалось и у Окуджавы, и у некоторых других, как говорится, представителей творческой интеллигенции. Так что же документально звучит в спектакле от их имени?

«Мы будем отмечать, пока живы, этот день… День, когда мы выиграли второй раунд нашей „единственной гражданской“. И „Белый дом“ для нас навеки — боевой трофей.

9 мая — история дедов и отцов, чужая история чужой страны. Я жалела и жалею только о том, что кто-то из „Белого дома“ ушел живым. Нас бы не остановила и гораздо большая кровь… Очень важно научиться стрелять первыми, убивать. Я вполне готова к тому, что придется избавляться от каждого пятого. Сколько бы их ни было, они погибли от нашей руки, от руки интеллигентов… Мы предпочли убить и даже нашли в этом моральное удовлетворение. Оказалось, что я могу убить и при этом спокойно спать и есть. А про наши белые одежды мы всегда сможем сказать, что сдали их в стирку. Свежая кровь хорошо отстирывается».

Ну каково это вам? «Чужая история чужой страны…» Это — для них. Для Губенко — родная история родной страны! Со всем, что в ней было.

Впрочем, мы знаем: любят Родину тоже по-разному. То есть разное в ней любят. И это зависит от позиции человека, от его взгляда на историю. Кому-то, скажем, Октябрь 1917-го видится катастрофой и время после него — «черной дырой», а для кого-то советский период — вершина российской истории. Как у Губенко?

Я — безоговорочно и бесповоротно —Капля в океане моего народа…Говорю — отчетливо, без скороговорки:Мне Земля для жизни более пригоднаПосле Октября семнадцатого года!Я в Державу верую —вечную, эту!Красную по смыслу.По флагу. По цвету.Никогда не спрячусь за кондовой завесой…По национальности я —советский!

На сцене эти строки Роберта Рождественского читает маленький мальчик в матросской форме. Но фактически его устами о себе говорит, по-моему, сам постановщик спектакля. В споре о советском времени, который не стихает, об отношениях народа и власти, искусства и жизни его позиция непреклонна.

И корни у нее глубокие! Они исходят от Пушкина и Блока, Гоголя и Чехова, Маяковского и Ахматовой, Некрасова и Горького, которыми буквально дышит спектакль. Актер, исполняющий роль «буревестника революции», напоминает программное некрасовское:

Пускай нам говорит изменчивая мода,Что тема старая«страдания народа»И что поэзия забыть ее должна,Не верьте, юноши!не стареет она.Толпе напоминать, что бедствует народ,В то время как она ликует и поет,К народу возбуждать вниманье сильных мира —Чему достойнее служить могла бы лира?..

Губенко этим руководствуется в своем взгляде на историю. Например, где сегодня, в каком театре вы можете увидеть трагедию Кровавого воскресенья? Да эта страница — 9 января 1905 года — вообще напрочь вычеркнута из общественного сознания. Будто и не было ее! Спросите любого, и почти никто не ответит, что произошло в тот день.

А в спектакле «Содружества актеров Таганки» возникает колоссальной силы сцена. Этот надрывно молящийся хор с иконами в руках перед портретом Николая Второго: «Спаси, Господи, люди Твоя!» Эта тревожно-драматическая музыка Стравинского и Чайковского, страдающие и гневные строки пушкинской «Деревни» о барстве диком, которые так к месту и так гениально читает народный артист России Николай Губенко. А самое главное — эти рвущие душу слова из петиции петербургских рабочих, обращенной к царю:

«Государь! Мы, рабочие, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе искать правды и защиты. Нет больше сил, Государь!.. Нас здесь больше ста сорока тысяч — и все это люди только по виду, в действительности же за нами не признают ни одного человеческого права. Разве это согласно с божескими законами? Не лучше ли умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русского народа…»

Это 1905-й. Но разве сегодня, после антисоветской контрреволюции 1991-го, к согласию с «божескими законами» приблизились, а не ушли совсем далеко от них?

Рабочие умоляют царя: «Не откажи в помощи твоему народу, взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы…»

А в ответ? Ружейный залп. Толпа на сцене падает. Свидетельство великого художника Валентина Серова, наблюдавшего за происходившим из окон Академии художеств:

«То, что пришлось видеть мне, не забуду никогда — сдержанная, величественная, безоружная толпа, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу, — зрелище ужасное».

Но не менее ужасна реакция царя, провозглашенного ныне святым. Звучат опять документы — выдержки из царского дневника и публичных его выступлений:

«Знаю, что жизнь рабочего нелегка. Многое надо улучшить и упорядочить. Но имейте терпение. Народ любит меня. Не мешайте ему. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливыми и к вашим хозяевам… Но мятежною толпою… заявлять мне о своих нуждах… преступно. Я верю в честные чувства рабочих людей… и их непоколебимую преданность мне. А потому… прощаю им вину их».

Итак, государь прощает. А мы слышим статистику жертв: «Только 9 января в больницы было привезено 1216 убитых и более 5000 раненых». Среди них — дети.

Рабочий хор на сцене — сперва еле слышно, а потом все громче — начинает «Интернационал»…

Почему я останавливаюсь на этом сюжете столь подробно? Не только потому, что речь об одной из сильнейших сцен спектакля. Четверть века назад про начало первой русской революции, да и в целом про нее знал правду каждый школяр. Тем более — про революцию Октябрьскую. А что и как знают об этих величайших событиях нашей истории сегодня?

Пожалуй, тут спектакль Губенко выполняет роль политпросвета. Не назидательно, разумеется, а эмоционально. Художественное потрясение побуждает думать, а это, по признанию Николая Николаевича, и есть основная его цель. Неужто после сцены, о которой я рассказал, не задумается зритель о том, как реально рождается истинная (не «оранжевая» какая-нибудь) революция?

Так же и с Октябрем. Сейчас официально стараются возвеличить Первую мировую войну, придать ей статус Второй Отечественной. А в этом спектакле коренной вопрос ставит и чеканно отвечает на него Маяковский:

Гремит и гремит войны барабан.Зовет железо в живых втыкать.Из каждой страны за рабом раба бросают на сталь штыка.ЗА ЧТО? Во имя чего сапог землю растаптывает скрипящ и груб?Кто над небом боев — свобода?бог?РУБЛЬ!!!

Из этого тоже произрастет Октябрь. Как, впрочем, изо всей предыдущей русской истории с необоримой тягой ее народа к справедливости. Недаром же скажет Александр Блок, и это прозвучит в спектакле, о котором я пишу, что большевизм — состояние русской души, а не фракция в Государственной думе.

Главная цель всей нынешней официальной и либеральной идеологической обработки состоит как раз в том, чтобы переиначить душу народа. Привить ей терпимость к несправедливости. А во имя этого постараться сфальсифицировать, исказить, подделать все, что связано в истории с народной борьбой за справедливость. Еще лучше — вообще всем забыть бы это слово, как и слово «революция». Забыть Ленина. Забыть Сталина. Да возможно ли?

И тогда в ход идет осквернение народных святынь.

Великое спасибо Николаю Губенко за крейсер «Аврора»! За то, что вспомнил и включил в свой идеологически полемический спектакль происшедшее несколько лет назад на борту крейсера революции. Мало какие газеты рассказали об этом, а ведь событие тоже по-своему историческое — с огромным знаком минус, конечно.

Дикторский голос в спектакле с едва уловимой иронией и сдержанным презрением поведал об этом так: «В ночь на 6 июня 2009 года на крейсере „Аврора“ сотни гостей международного форума отметили годовщину журнала, издающегося на деньги олигарха Прохорова. На верхней палубе были установлены динамики, а на нижней вдоль столов с канапе и бокалами вина сновали официанты, наряженные в тельняшки. Словом, „пир во время экономической чумы“. Одним из первых появился Прохоров. Затем к крейсеру подплыла баржа, на которой была установлена сцена. К началу концерта приехала Матвиенко. Глядя на обычно солидных топов, сейчас подпевающих и танцующих, Валентина Ивановна в восхищении развела руками: „Что вообще происходит в моем городе?!“ А потом вместе с Эльвирой Набиуллиной стала подтанцовывать. Песни вызывали явное одобрение на крейсере. Когда восторг гостей достиг предела, несколько солидных мужчин, как по команде, в костюмах сиганули с палубы в Неву. Олигархи порезвились на славу».

Стоило бы еще добавить, что песни, вызвавшие «явное одобрение», были густо насыщены матом, а среди почетных гостей веселился и полномочный представитель президента страны в федеральном округе. Этакое трогательное единение олигархов и власти.

После фантасмагорических кадров кощунственного разгула Губенко дает реплику из Интернета: «Они же в детство мое нагадили!.. Своими пьяными воплями заглушили и прекрасное далеко, и то, что называется памятью целого поколения…» А когда детский хор тут же изумительно запевает «Что тебе снится, крейсер „Аврора“?», сдержать слезы становится невозможно.

Мне интересно, что испытала бы на этом спектакле та самая Валентина Ивановна Матвиенко — кстати, бывший комсомольский работник. Ведь по службе она ничуть не пострадала, когда некоторый общественный шум все-таки поднялся вокруг скандально безобразной истории с пьянкой на «Авроре». Наоборот, двинулась вверх по карьерной лестнице, стала председателем Совета Федерации, то есть иерархически третьим лицом в государстве!

Да и «первому лицу», по-моему, полезно было бы посетить «Содружество актеров Таганки». Мне уже доводилось выражать сожаление, что президент и премьер в этот театр не ходят. Понятно, у них иные предпочтения. На историю нашу тоже смотрят во многом совсем иначе. Но, может быть, «Концерт по случаю конца света» и их заставил бы о чем-то задуматься?..

Возвращаясь к началу этого грандиозного спектакля, приведу стихи, которые, как эпиграф, задают тон ему:

Наш век пройдет.Откроются архивы,И все, что было скрыто до сих пор,Все тайные истории извивыПокажут миру славу и позор.Богов иных тогда померкнут лики,И обнажится всякая беда,Но то, что было истинно великим,Останется великим навсегда.

Чем советское кино отличается от нынешнего

Тема этого разговора подсказана мне читательскими письмами, авторы которых нередко задумываются о судьбе нашего отечественного кино. Почему в те годы, когда оно было советским, выходили на экран фильмы, привлекавшие любовь зрителей в своей стране и становившиеся явлениями мирового значения, а с тех пор, как стало российским, все в этой сфере кардинально изменилось? Не к лучшему, а к худшему!

Попытаемся в этом моем диалоге с известным киноведом и социологом Федором Раззаковым хотя бы частично ответить на некоторые вопросы о кино, волнующие наших читателей.

Беседа первая

— Федор Ибатович, вы существенно моложе меня, однако, я думаю, успели на себе ощутить, что значило наше кино в советское время. Впрочем, когда что-либо из нынешней действительности сравнивается сегодня с той эпохой в ее пользу, тут же видишь скривившиеся физиономии патентованных антисоветчиков. Ну, дескать, это старческая ностальгия, ведь кажется, что в молодости и трава зеленее была…

Между тем, если говорить о кино, по-моему, никак не иллюзия, а совершенно очевидный и сугубо объективный факт, что советский кинематограф отличается от нынешнего российского, как небо от земли. То есть настолько он выше во всех отношениях. Об этом много пишут в редакционной почте и читатели «Правды». А вот недавно, в связи с объявленным официально Годом российского кино, я обратился к целому ряду известнейших деятелей отечественного киноискусства с просьбой высказать свое мнение о его состоянии вчера и сегодня. Так удивительно схожими оказались ответы! Подытожить их можно приблизительно следующим заключением: у нас было великое советское кино, которое, увы, теперь мы потеряли. Скажите, а вы согласны с этим?

— Безусловно. Говоря вашими словами, сугубо объективный факт.

— Но наши читатели, видя и сознавая то же самое, просят помочь им разобраться, что произошло, почему и как. А чтобы разобраться, необходимо провести хотя бы краткий исторический анализ, сравнив становление советского кино и нынешнего. Совсем скоро мы будем отмечать 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции, детищем которой в полном смысле слова стал советский кинематограф. А теперешнее кино, которое мы называем российским, началось после уничтожения Советской власти и развала Советского Союза.

— Значит, в этом году, 2016-м, ему исполняется 24 года. Много это или мало? Давайте сравним и порассуждаем.

— Какой метод сравнения вы предлагаете для начала?

— Советское кино зародилось в 1918 году. Если прибавить те же 24 года, то получится 1942 год. И что мы видим? К тому времени на счету советского кинематографа было множество поистине грандиозных, эпохальных картин! Причем, замечу, в разных жанрах. Перечислять их все у нас не хватит времени, потому ограничимся хотя бы некоторыми. Позволите мне предложить мой список?

— Конечно.

— Итак, в кратком варианте это: «Броненосец „Потемкин“» (1925) С. Эйзенштейна, «Мать» (1926) В. Пудовкина, «Сорок первый» (1927) Я. Протазанова, «Девушка с коробкой» (1928) Б. Барнета, «Арсенал» (1929) А. Довженко, «Новый Вавилон» (1929) Г. Козинцева и Л. Трауберга, «Обломок империи» (1929) Ф. Эрмлера, «Земля» (1930) А. Довженко, «Путевка в жизнь» (1931) Н. Экка, «Встречный» (1932) Ф. Эрмлера, С. Юткевича и Л. Арнштама, «Чапаев» (1934) братьев Васильевых, «Веселые ребята» (1934) Г. Александрова, «Пышка» (1934) М. Ромма, «Депутат Балтики» (1936) И. Хейфица и А. Зархи, «Семеро смелых» (1936) С. Герасимова, «Мы из Кронштадта» (1936) Е. Дзигана, «Цирк» (1936) Г. Александрова, «Петр Первый» (1938) В. Петрова, «Волга-Волга» (1938) Г. Александрова, «Человек с ружьем» (1938) С. Юткевича, П. Арманда и М. Итиной, «Александр Невский» (1939) С. Эйзенштейна, «Трактористы» (1939) И. Пырьева, «Щорс» (1940) А. Довженко и Ю. Солнцевой, «Музыкальная история» (1941) А. Ивановского и Г. Раппапорта, «Свинарка и пастух»(1941) И. Пырьева, «Валерий Чкалов»(1941) М. Калатозова, «Машенька» (1942) Ю. Райзмана, «Парень из нашего города» (1942) А. Столпера, Б. Иванова и А. Птушко, «Секретарь райкома» (1942) И. Пырьева.

— Действительно впечатляет! А ведь хочется еще и еще добавлять…

— Вполне вас понимаю. Потому что это лишь малая частица из того потока киношедевров, которые появились на свет за первые 24 года Советской власти. Согласитесь, все или почти все названные мною фильмы стали классикой не только советского, но и мирового кинематографа. Достаточно сказать, что «Броненосец „Потемкин“» был признан первым в числе 12 лучших фильмов всех времен и народов по результатам международного опроса критиков в Брюсселе в 1958 году (110 голосов из 117). Он же стал первым среди 100 лучших фильмов по опросу киноведов мира в 1978 году. И наконец, занял почетное третье место в списке журнала Empire «100 лучших фильмов мирового кинематографа», составленном совсем недавно — в 2010 году. Может ли чем-нибудь похожим похвастаться нынешнее российское кино?

— Увы, увы…

— Да, реальность состоит в том, что почти за четверть века у нас по большому счету так и не появилось фильмов, которые встали бы вровень с теми советскими лентами. Ведь многие из них были даже больше, чем выдающиеся явления искусства, — они способны были общество объединить, народ поднимать на великие свершения. Как тот же «Броненосец „Потемкин“», или «Чапаев», или «Александр Невский»…

— Так в чем же основная причина? Каков главный секрет столь огромной разницы — тогда и сегодня?

— Главная причина, я думаю, вам-то понятна. Она — в той социально-политической системе, которая восторжествовала в России после Октября и в противовес ей — у нас за последние годы. То есть давайте скажем так: какая атмосфера в обществе, какой в нем витает дух — такие и создаются фильмы, да и все остальное, естественно, тоже.

Революция дала искусству, как и всему обществу, в первую очередь ВЫСОКУЮ ИДЕЮ, способную захватить миллионы, — идею социальной справедливости: кто был ничем, тот станет всем. Многие нынешние деятели — историки, публицисты, политики и т. д. — поют осанну царской России. Говорят, что если бы не Октябрь 1917 года, то наша страна была бы необыкновенно цветущим государством. Все это сказки для несведущих людей. На самом деле Россия при царизме полностью исчерпала себя. Она попросту выдохлась. И если бы каким-то чудом продолжала таковой существовать, то являла бы весьма унылое зрелище. И никогда бы при ней не взошли столь ярко на общественном небосклоне звезды таких выдающихся людей, как Михаил Шолохов, Георгий Жуков, Дмитрий Шостакович, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Игорь Курчатов, Петр Капица, Сергей Королев и многие, многие другие. В том числе не взошли бы и звезды наших прославленных кинематографистов — режиссеров, операторов, сценаристов, актеров.

— Надо бы вспомнить, что представляло собой дореволюционное российское кино.

— Кинематограф в России начался за полтора десятка лет до Октября 1917 года. Но каким он был за редким исключением? В основном калькой с зарубежной «синемы». Чисто развлекательным, прозападным. Неслучайно перед Первой мировой войной только в одной Москве насчитывалось свыше 50 представительств зарубежных кинокомпаний, которые поставляли, как правило, дешевые салонные мелодрамы и боевики. И хотя война сократила количество импортных фильмов, однако отечественные кинопроизводители шли по тому же пути — потчевали людей все теми же мелодрамами и боевиками, не касавшимися острых социальных проблем. Серьезных и по-настоящему значимых фильмов почти не снималось, так как власти предержащие старались говорить с народом языком лубка, чтобы, не дай бог, в его голове не вызрели серьезные мысли (та же ситуация, кстати, и в сегодняшней России, о чем у нас еще будет время поговорить). Однако избежать Октября 1917 года все равно не удалось. Ведь сколько ни зарывай голову в песок, а «пятая точка» торчит на поверхности…

— Становление нового кино, как и нового общественно-политического строя, проходило в труднейших условиях. Разруха Первой мировой войны, сопротивление буржуазии, Гражданская война…

— Ясно, что господа капиталисты сопротивлялись изо всех сил, не приемля рабоче-крестьянскую власть. А в кино они даже пытались полностью замолчать сам факт Октябрьской революции. Поразительно, что за год после нее, к осени 1918 года, частными фирмами в России было снято 150 фильмов — и ни в одном из них даже не упоминалось об этом величайшем, переломном историческом событии в жизни страны!

— Наглядный факт… Но на фронтах Гражданской войны вели свои съемки первые советские кинооператоры-документалисты, о чем позднее расскажет замечательный художественный фильм «Служили два товарища». Помните героя Олега Янковского?

— Да, он и погибает с кинокамерой, стараясь запечатлеть происходящее для будущих поколений. Но я еще на одну сторону дела хочу обратить внимание. Буквально с первых шагов Советской власти начинается у нас детское кино, что о характере этой власти многое говорит. Ведь детский кинематограф в СССР станет величайшим в мире — аналогов ему нигде не было! И это по-настоящему гуманистическое кино, которому наивысшую оценку давал даже папа римский, назвавший его христианским. А знаете, какой был первый наш детский фильм и когда он снят?

— Откровенно говоря, нет.

— Уже в начале 1918 года, то есть спустя несколько месяцев после Октября, при отделе средних учебных заведений Наркомпроса РСФСР создается секция школьного кинематографа. И вот на свет появляется первый отечественный детский фильм — «Сигнал» (режиссер А. Аркатов), снятый Московским комитетом Наркомпроса.

— Очень интересно! Расскажите о нем.

— Прежде всего обратим внимание на сюжет, который прямо вытекал из тогдашней обстановки Гражданской войны. Юный герой (актер Яков Волженин) с целью предотвращения вражеской диверсии, ценой собственной жизни останавливал поезд, перевозивший оружие для красных, использовав… рубаху, окрашенную своей кровью. Таким образом, в основу первого советского детского фильма легла идея самопожертвования, которая владела тогда умами многих — как взрослых, так и детей.

Эта идея не была вбита в мозги посредством большевистской пропаганды, как пытаются нас теперь уверить господа либералы. Суть в ином: те же дети, которые безоглядно жертвовали своими жизнями ради светлого будущего, были уверены, что таковое обязательно наступит. Что с приходом большевиков наконец закончится та беспросветная жизнь их родителей, которую они воочию наблюдали. Это было поколение пассионариев, воспринявшее идею справедливости не для себя лично, а для всех, и ради торжества этой идеи оно готово было жертвовать даже самым дорогим, что есть у человека, — собственной жизнью.

Пожалуй, можно сказать, что основу такого поколения создало само царское время с его вопиющими неравенством и несправедливостью. Рожденные в противовес этому пассионарные чаяния и стали основой сюжета не только для первого советского детского фильма, но и для многих последующих кинолент.

— К детям был обращен и знаменитый фильм «Красные дьяволята», вышедший на экраны в 1923 году, то есть сразу после Гражданской войны…

— Да, лента режиссера Ивана Перестиани собрала в кинотеатрах многомиллионную аудиторию, и нынче ее назвали бы блокбастером. А речь в ней шла все о том же — о самоотверженном участии детей в Гражданской войне на стороне красных. Отметим, что в стане белых молодежь и дети, конечно, тоже присутствовали — в основном это были отпрыски дворянских семей, дети священнослужителей, зажиточных крестьян, однако «красных» детей все равно было больше (о чем говорить, если даже десятки тысяч белых офицеров перешли на сторону Красной армии). Так что сюжет «Красных дьяволят», несмотря на всю свою приключенческую сказочность, в основе был правдив: дети активно помогали красным победить белых. Кроме того, этот фильм явился великолепной адаптацией жанра американского вестерна, который некогда завоевал царскую Россию. Но если при царе в наших кинотеатрах показывали американские вестерны, а свои достойные приключенческие картины не снимали, то теперь родился аналогичный собственный жанр — истерн, или вестерн по-советски. Из его «шинели» потом столько прекрасных фильмов вышло! Кстати, «Красных дьяволят» ценил и В. И. Ленин, который к тогдашнему игровому кино в целом относился скептически.

— Раз уж речь у нас зашла о Владимире Ильиче, то скажем о его влиянии на наш кинематограф.

— Ленин был у истоков советского кино и много сделал для его становления, поскольку прекрасно понимал: за этим искусством будущее. Еще в 1907 году он прозорливо написал, что «пока кино находится в руках пошлых спекулянтов, оно приносит больше зла, чем пользы, нередко развращая массы» (как и сейчас, не правда ли?). Именно Ленин разработал этапный декрет Совнаркома от 27 августа 1919 года «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению». После этого началась национализация кинопредприятий и возникла система государственных органов, ведающих кинематографией в Советской России.

— А лично вождь находил время следить за тем, что происходит в кино?

— Как Председатель Совнаркома, Ленин регулярно знакомился с текущим кинорепертуаром. Это происходило раз в две-три недели в Свердловском зале Кремля, где был устроен кинотеатр. Больше всего Владимир Ильич любил хроникальные фильмы, а вот игровые, как я уже сказал, особенно не жаловал. Но это потому, что художественное советское кино делало тогда свои первые шаги (в 1921–1923 годах вышло всего 23 игровых фильма) и было еще далеким от совершенства. А выхода подлинных шедевров вождь не застал. Однако именно он добился положения, чтобы сеансы в кинотеатрах включали в себя не только увеселительные фильмы, но и серьезные ленты пропагандистского и просветительского содержания. Это требование вошло в историю советского кино под названием «ленинская пропорция».

Такой принцип существовал вплоть до развала СССР, хотя в горбачевскую «перестройку» был уже переориентирован. Ведь Ленин настаивал на необходимости «внести в кино не только науку, не только искусство, не только производство, но и юмор, но и смех, но и животрепещущие сцены комедии и драмы, но все это должно быть направлено к одной-единственной цели: к борьбе за новый быт, за новые нравы, за лучшее будущее…» А с началом «перестройки» этот тезис ловко вывернули: тогда шла борьба уже не за новый советский быт, а за АНТИСОВЕТСКИЙ. Да и будущее в целом виделось уже совсем иным…

— Пора сказать о людях, которые пришли работать в кино после Октября и создавали великий советский кинематограф.

— Именно Октябрь 1917 года дал мощнейший стимул для появления целой плеяды выдающихся творцов, которые при господстве прежнего режима никогда не смогли бы так ярко себя проявить. Большинство будущих советских киноклассиков ранее и не помышляли связывать свою жизнь с кино. Эйзенштейн по основной своей профессии был техником-смотрителем, Вертов и Роом должны были стать психоневрологами, Райзман окончил литературно-художественный факультет МГУ, Рошаль вообще никакого высшего образования не имел, Довженко работал учителем, Пудовкин собирался стать физиком, а Барнет подавал большие надежды как спортсмен — занимался боксом. Но революционные события круто изменили их жизнь, и они пришли в кинематограф.

— Многие, стоит подчеркнуть, пришли с фронтов Гражданской войны. Тот же Эйзенштейн, Ромм, Эрмлер, Пырьев… Пришли с определенными идейными склонностями, а время открыло перед ними широчайшие горизонты в искусстве. Отвратительно, что нынче все это извращается, подается в пародийно-карикатурном виде. Ну, например, как в телесериале «Орлова и Александров».

— Согласен. Меня тоже это возмущает.

— Реальные судьбы и колоссальный творческий взлет таких самобытных советских талантов, как Григорий Александров или Иван Пырьев, просто поражают. Но ведь и немало наиболее одаренных деятелей дореволюционного кино после Октября словно заново родились. Разве и это не говорит об идейной и духовной силе революции? Вспоминаю Владимира Гардина, Якова Протазанова…

— Конечно, это важная грань нашей темы. Скажем, Яков Протазанов пришел в кинематограф за несколько лет до Октября 1917-го и за тот период снял несколько десятков фильмов. Но каких? Серьезных работ там почти не было — названия говорят сами за

себя: «Как хороши, как свежи были розы…» (1913), «Купленный муж» (1913), «Любовь японки» (1913), «О чем рыдала скрипка» (1913), «Один насладился, другой расплатился» (1913), «Женщина захочет — черта обморочит» (1914) и т. д.

— Однако незаурядный талант этого мастера все-таки дал знать о себе в работах по русской классике: сначала это «Пиковая дама», потом «Отец Сергий»… Но пробиваться к такому искусству было нелегко.

— Характерно, что сразу после Февраля 1917 года Протазанов начинает снимать революционно-разоблачительные фильмы («Андрей Кожухов», «Не надо крови»), которые, по мнению критиков, были лучшими фильмами на эту тему. О фильме «Не надо крови» один из рецензентов писал: «Революция оказала благодетельное влияние на кинематографическое искусство. В затхлый, удушливый воздух салонно-любовных сюжетов ворвалась свежая струя… Впервые мы увидели на экране потрясающе просто и безыскусственно рассказанную драму…»

Это, заметим, после Февральской, то есть буржуазно-демократической, революции. А Октябрьскую Протазанов поначалу не принял, и в 1920 году он уезжает в Европу. Но уже в 1923- м возвращается в Советскую Россию, поскольку тоже оказался захвачен ВЫСОКОЙ ИДЕЕЙ.

— Станет понятнее, почему возвращается, если назвать некоторые фильмы, что вынужден он был снимать в Париже и Берлине: «За ночь любви», «Тень греха» и т. п. Тот же знакомый ему удушливый, затхлый воздух буржуазной коммерции…

— Да-да! А в советских условиях он стал одним из выдающихся кинорежиссеров. Снял первый в мире полнометражный фильм о космическом полете — «Аэлита» (1924) — по фантастической повести Алексея Толстого, а далее такие знаменитые ленты, ставшие советской киноклассикой, как «Закройщик из Торжка» (1925), «Процесс о трех миллионах» (1926), «Сорок первый» (1927), «Дон Диего и Пелагея» (1928), «Праздник святого Йоргена» (1930), «Бесприданница» (1936), «Насреддин в Бухаре» (1943) …

И таких, как Яков Протазанов, сначала не принявших Октябрь, а потом в корне изменивших свое мнение о нем, в те годы было действительно много. Жизнь раскрывала людям глаза. Приходило понимание, что события осени 1917 года — это не какой-то «переворот кучки интриганов», а глубинное движение истории, которое именно в России дало человечеству шанс построить самое справедливое общество на земле. И люди, вдохновленные этой ВЫСОКОЙ ИДЕЕЙ, ощутившие мощнейший прилив эмоциональной энергии и разума, стали выдавать на-гора один шедевр за другим, причем не только в кинематографе, но и во всех других сферах деятельности…

— Однако, как говорится, только идеей сыт не будешь. Советская власть должна была предложить творцам и какие-то материальные блага?

— Так и было. Времена пришлось пережить очень трудные, и советские люди жили в основном достаточно скромно, то есть в массе своей не шиковали. Но большие таланты во всех видах деятельности, умственного и физического труда выявлялись и поощрялись. Власть не скупилась, конечно же, на разного рода поощрения и в творческой среде. Это были высокая зарплата, премии и т. д.

Например, в кинематографе ведущий режиссерско-актерский состав был поделен на две категории — первую и вторую. В первую входили такие режиссеры и актеры/актрисы, как Михаил Ромм, Иван Пырьев, Григорий Александров, Сергей Герасимов, их жены — Елена Кузьмина, Марина Ладынина, Любовь Орлова, Тамара Макарова, а также Вера Марецкая, Николай Крючков, Борис Андреев, Павел Кадочников, Сергей Столяров и ряд других. Этим людям в месяц платили 4500 рублей (для сравнения: среднемесячная зарплата рабочих на предприятиях Москвы в мае 1945 года составляла 480–680 рублей). Порядка 3000 рублей получали в кино деятели второй категории — режиссеры Александр Довженко, Сергей Юткевич, Игорь Савченко, Михаил Калатозов, Абрам Роом и соответственно актеры/актрисы Эраст Гарин, Сергей Мартинсон, Сергей Филиппов, Зоя Федорова, Фаина Раневская и т. д.

— Что ж, их в самом деле выделяли. Можно сказать, выделяли и вознаграждали справедливо. Наверное, так и следовало.

— По меркам того времени это были очень немалые деньги, которые стимулировали и остальных подтягиваться к уровню первой и второй категорий. Фактически такая оплата равносильна тому, что получают сегодняшние российские «кинозвезды». Но вот ведь парадокс! Советские звезды при своих достойных гонорарах рождали подлинные шедевры, а нынешние — киношные миллионеры — в основном дают пшик: «плюют в вечность», по образному выражению Фаины Раневской. А все потому, что советские звезды работали в условиях высокоидейного искусства, которое «копало вглубь» — исследовало глубины человеческих взаимоотношений, психологии, затрагивало большие проблемы идеологического и философского характера. А нынешние вынуждены существовать во времена идей из разряда мелкотравчатых.

Впрочем, такова ситуация не только у нас, но, пожалуй, и во всем мире. Тот же Голливуд в наши дни все больше превращается в один сплошной аттракцион, где уже почти совсем не остается места высоким идеям. Да ведь они отвлекали бы попкорновое поколение от просмотра дешевого «развлекалова», в которое зрители сегодня погружены с головой. Поэтому если раньше в американском кинематографе каждое десятилетие появлялись выдающиеся режиссеры вроде Дэвида Гриффита или Сидни Поллака, Артура Пенна или Стэнли Крамера, то сегодня режиссеров такого уровня на просторах Голливуда редко встретишь. Почему? Ушла великая идея, рожденная Октябрем 1917 года, и вместе с ней ушли титаны мысли и таланта. Идеи мельчают, а с ними мельчают и творцы.

— А вы полагаете, что названные вами режиссеры Голливуда тоже творили в русле «октябрьской» идеи?

— А как же иначе, если это было событие мирового значения! Ведь кого, например, изображал на экране великий Чарли Чаплин? «Маленького человека», которого обижают сильные мира сего, а он всячески этому сопротивляется. Это опять отсыл к идее социальной справедливости, которая мощно была заявлена в Октябре 1917 года. Хотя Чаплин шел к этому постепенно. Обратим внимание, что с 1914 по 1918 год он снялся в нескольких десятках фильмов, играя «маленького человека», но везде изображал его без социального подтекста. Он играл просто недотепу, искателя приключений, а не обличителя язв и пороков того мира, в котором вынужден был жить. Однако в конце 1917 года, после того как до Америки долетела весть о событиях в России, Чаплин снимается в фильме с весьма символическим названием (таких у него еще не было) — «Собачья жизнь».

Это была смелая сатира, где проводилась параллель между жизнью собаки и бродяги. В мире капитала лишь одно существо способно понять такого бедного человека — бездомная дворняжка, столь же отвергаемая другими собаками, как герой Чарли отвергнут обществом. Несколько позже кинокритик П. Лепроо напишет: «В одном из эпизодов показывается свора собак, подравшихся из-за кости. Понял ли кто-нибудь, что вложил автор в это смелое сопоставление? Беспощадный реализм выражает всю жестокость жизни, безжалостную борьбу тех, кто вынужден таким образом добывать себе на пропитание: безработные люди и бездомные псы…»

Наша революция с огромной силой прозвучала на весь мир, дала стимул миллионам людей, в том числе и в творческой среде. Другое дело, что и противная сторона тоже не сидела сложа руки. В той же Америке капитализм мощно подавлял любые зачатки социального возмущения, боролся с любыми проявлениями протеста против несправедливости — имущественной, расовой, социальной. Того же Чаплина вынудили уехать из США. В те годы XX века — имеется в виду начало 50-х годов, когда произошел разгул маккартизма, — в Голливуде было поломано много кинематографических судеб.

Беседа вторая

— Итак, Федор Ибатович, мы с вами говорили о том, как после Великого Октября рождалось советское кино, делая самые первые свои шаги. Коренное его отличие от прежнего кино — высокая идея. Справедливая. Социалистическая. А каким образом, на ваш взгляд, можно определить главную задачу, которую призван был решать новый советский кинематограф в революционно обновлявшемся обществе?

— Он был включен в контекст культурной революции, которая начиналась в стране. Целью этой революции было ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА — СОВЕТСКОГО. Чем он должен был отличаться от прежнего — старорежимного, как тогда говорили? В первую очередь должен быть грамотным, широко образованным. Идейно убежденным и сознательным. Не иметь сословных и религиозных предрассудков, поскольку наличие их не позволило бы осуществить грандиозную задачу — создать общество нового типа, построенное на подлинно гуманистических началах. Сейчас, по прошествии стольких десятилетий, идеи того времени многим кажутся утопическими. Но тогда большинству они таковыми не казались. Людьми по-настоящему владела жажда переустройства окружающего их мира на справедливых основах, поскольку на протяжении веков эта жажда загонялась царизмом глубоко внутрь.

Однако Россия всегда была страной революционных идей, то есть, как сегодня говорится, левых настроений. Рано или поздно это должно было вырваться из-под спуда. И мечта о новом, нравственно и духовно красивом человеке тоже давно жила. Теперь, после революции, советский кинематограф на нее опирался.

— Много толкуют сейчас о «вредоносности» цензуры того времени.

— Да, была введена достаточно жесткая цензура, которая следила, чтобы не наносился ущерб делу социализма и самой Советской власти. Но ведь в тех же капиталистических странах мощным средством цензуры были деньги: все крупнейшие кинофирмы защищали интересы господствующей буржуазии — денежных мешков. Ну а в СССР цензура направлялась идеологией, поскольку государство было идеократическим: главным, как мы уже говорили, стала ИДЕЯ. В советском варианте — идея справедливого мироустройства! Идея, может, для кого-то и утопическая, но она всегда владела и будет владеть умами и сердцами миллионов людей.

И, повторюсь, именно наличие этой ИДЕИ, диктовавшей необходимость воспитания нового человека, наполняло особым содержанием советское искусство, в том числе и кинематограф. Он был ориентирован на то, чтобы поднимать самые серьезные общественные проблемы, исследовать глубины человеческой натуры, бичуя ее пороки и воспевая достоинства. Поскольку нельзя было строить самое справедливое общество на земле и быть плохим человеком! Ведь именно этим — воспитанием человека — занималась и классическая русская литература, преемником которой в значительной степени по-своему стал советский кинематограф. Кинематография царского времени не могла идти по этому пути, поскольку то общество, которому она служила, было весьма далеким от справедливости.

— Я согласен: высочайшие стремления нового времени давали высокие творческие результаты. Вот была целая эпоха, которую теперь называют сталинской. А можно сказать, что и благодаря сталинскому кинематографу СССР удалось стать мощнейшей индустриальной и культурной державой, которая выиграла самую страшную войну в истории человечества?

— Так оно и было! Сталинский кинематограф, лицо которого определяется в итоге многими десятками выдающихся фильмов, конечно, создавался не сразу, но весьма интенсивно. При безусловном партийном и государственном руководстве.

— По-моему, очень существенной вехой в этом деле стало 1-е Всесоюзное партийное совещание по вопросам кино, проведенное в 1928 году.

— А еще — создание в феврале 1933 года Главного управления кинофотопромышленности, которое стало руководящим органом для всех союзных и республиканских кинотрестов. Кино помогало успешно решать многие грандиозные задачи: провести коллективизацию и индустриализацию, значительно повысить образованность общества, воспитать новое поколение молодежи — куда более патриотичное, чем то, что формировалось в условиях новой экономической политики (нэпа), ставшей вынужденной временной уступкой капитализму и оказавшей далеко не лучшее влияние на воспитание людей.

Сошлюсь на один пример. В 1929 году социологи провели опрос в молодежной среде, который выявил удручающую, с точки зрения идеологов, картину: всего 0,6 % юношей и 1,5 % девушек мечтали подражать героям революции. При этом многие подростки мечтали стать кем угодно — учителем (10,4 %), конторщиком (8,9 %), инженером (5,6 %), а также княгиней, дворянкой, богачом и даже священником, но только не коммунистом (2,2 %), не политическим деятелем (1,1 %) или комиссаром (0,3 %). Еще меньше молодых людей хотели стать военным, милиционером. Все это было следствием и временного засилья коммерческого (нэпманского) кинематографа в СССР.

Такая ситуация стала целенаправленно и энергично исправляться с начала 30-х годов.

— Пожалуй, даже с конца 20-х. Причем значительно усилившееся внимание к теме воспитания нового человека совпало с технической революцией в кинематографе: сюда пришел звук. А вместе с ним — вот что важно отметить! — появились необычайно богатые возможности актерским талантом и мастерством создавать на экране глубокие человеческие характеры, что немому кино было просто не под силу. И вот начинается освоение этих новых возможностей. В фильмах Сергея Юткевича «Златые горы» и Николая Экка «Путевка в жизнь», вышедших в 1931 году, в картине 1932 года «Встречный», снятой Фридрихом Эрмлером и тем же Юткевичем, в музыкально-поэтической ленте режиссера Игоря Савченко «Гармонь», взволнованно рассказавшей в 1934 году о жизни колхозной молодежи…

— А «Златые горы» и «Встречный» были о рабочем классе, они даже снимались в заводских коллективах Ленинграда. Рабочая тема талантливо продолжалась потом во многих замечательных советских фильмах — «Весна на Заречной улице», «Высота», «Большая семья» и т. д. А вот где за последнюю четверть века хоть одна картина о людях, создающих основные материальные ценности? Нет таковых!

— И в том же «Встречном» — впечатляющий характер старого рабочего Бабченко, созданный актером еще дореволюционного кино Владимиром Гардиным. А в «Путевке в жизнь» — яркие образы воспитателя беспризорников Сергеева и противостоявшего ему бандита Жигана, которых великолепно сыграли театральные актеры Николай Баталов и Михаил Жаров.

Надо сказать и о музыке, о песнях, которые зазвучали с экрана, определив знаковую особенность советского кино, о которой, я думаю, мы обязательно должны бы поговорить отдельно. Для «Златых гор» музыку пишет сам Дмитрий Шостакович, а из «Встречного» его же оптимистично захватывающая песня на стихи Бориса Корнилова («Не спи, вставай, кудрявая…») понеслась буквально по всей стране!

— И уже в 1934-м выходят «Веселые ребята», с которых начинается не только слава режиссера Григория Александрова, но и многолетний песенный триумф в кино композитора Исаака Дунаевского. Как эпиграф прозвучало, как девиз: «Нам песня строить и жить помогает!» Я согласен с вами: советские песни, а особенно песни советского кино сыграли в жизни нашего народа, всей страны совершенно особую роль.

— А вспомните, что именно в 1934 году успехи, достигнутые советским кино, получили и авторитетное международное признание. На Международной кинематографической выставке в Венеции делегация СССР была удостоена «Кубка за лучшую программу». В нее входили «Веселые ребята», «Гроза», «Петербургская ночь», «Окраина», «Пышка» и другие заслуженно отмеченные работы. Как видим, самых разных тем, жанров и стилей!

— Конечно, это знаменательно. А к Октябрьской годовщине в том же 1934-м на экраны выходит еще один, поистине этапный фильм — «Чапаев». Здесь уж, по-моему, излишни какие-либо комментарии. Об этом фильме братьев Васильевых с Борисом Бабочкиным в главной роли, кажется, все сказано, и он, наверное, даже сегодня, столько лет спустя, почти всем известен.

— Фильм исключительно высоких художественных достоинств и в то же время подлинно народный, каждому понятный и берущий за душу едва ли не каждого.

— Безусловно. Позволю себе высказать лишь одно соображение, очень важное, по-моему, в русле нашей темы — воспитания нового человека. Помните, что по результатам социологического опроса 1929 года военные, командиры и комиссары вовсе не были среди «престижных» героев для молодежи (увы, такова одна из горьких издержек нэпа). А вот после «Чапаева» все резко повернулось. Герои революции, настоящие патриоты, защитники Советской Родины вновь стали самыми любимыми и «престижными» в подростковой среде. Теперь даже дети играли «в Чапаева»…

— А потом и в Суворова, в Александра Невского…

— Темы революционного героизма и отечественного патриотизма благодаря сталинской мудрости и прозорливости действительно слились, соединились в кинематографе 30-х годов, которые предшествовали надвигавшейся Великой войне. Скажу так: если бы этого не произошло, тому поколению гораздо труднее было бы выиграть страшнейшую войну. Это счастье,

что его воспитывали книги того времени, те песни, музыка, живопись, скульптура, театр… И конечно, кино!

— Опять же все фильмы, которые формировали поколение победителей, невозможно перечислить. Новый, советский человек воспитывался действительно всеми видами и жанрами кино. Историко-революционное? Да. Кроме «Чапаева», это и трилогия о Максиме с Борисом Чирковым в главной роли, и «Депутат Балтики» с Николаем Черкасовым, и фильмы о Ленине с Борисом Щукиным и Максимом Штраухом, и потрясающие «Мы из Кронштадта»… А вместе с ними — герои далекого прошлого из отечественной истории в фильмах «Петр Первый», «Минин и Пожарский», «Александр Невский», «Суворов»…

На экране в талантливых экранизациях возникала русская и мировая классика: «Гроза», «Пышка», «Иудушка Головлев», «Бесприданница», «Дети капитана Гранта», «Дубровский», горьковская автобиографическая трилогия режиссера Марка Донского и многое другое.

И тут же звали брать с них пример герои современности: «Семеро смелых», «Комсомольск» и «Учитель» Сергея Герасимова, «Великий гражданин» и «Член правительства», «Тринадцать» и «Тимур и его команда»… А комедии Пырьева, Александрова, Юдина, Ивановского и других мастеров этого жанра, дававшие хороший заряд оптимизма! Вот все это, вместе взятое, и воспитывало будущих победителей в Великой Отечественной войне. И здесь, снова обращу на это внимание, огромное значение имела фигура Сталина.

— Хотите поговорить о нем в дополнение к тому, что уже сказано?

— Да, надо. Многочисленные воспоминания очевидцев и архивные документы наглядно демонстрируют, что Сталин был человеком очень образованным, а вместе с тем, я бы сказал, не заумным. Вот почему даже в каких-то личных пристрастиях вкусы вождя практически почти всегда совпадали со вкусами и пристрастиями большинства населения СССР. Будь иначе, по-моему, не получилось бы у него создать в стране такой кинематограф, который стал любимым для миллионов людей.

Начиная грандиозные преобразования, поднимая на них многомиллионный народ, Сталин прекрасно понимал, что без такого важнейшего из искусств, как кино, никак не обойтись. Рвущие жилы на стройках социализма люди должны были иметь и соответствующий кинематограф, который не только вдохновлял бы их на подвиги, но и помогал «расслабиться» в редкие минуты отдыха. Говорят, что это был мифологизированный кинематограф? Но тогда пусть согласятся, что базировался он на мифе-созидателе, который сплачивал нацию и помогал ей в тяжелейших условиях перенапряжения сил. В моем представлении Сталин ставил перед кинематографистами задачу «не заумствовать», а снимать такое кино, которое содержало бы ту самую «золотую середину»: было бы умным и одновременно доходчивым.

— Как это подкреплялось материально?

— Денег на развитие кинематографа государство тогда не жалело. В Москве были построены две ведущие киностудии страны — «Мосфильм» и «Союздетфильм» (ее в 1948 году назовут именем Горького), а в союзных республиках были свои киностудии, причем на Украине их было даже две — Киевская и Одесская. И каждый год на экраны страны выходило несколько десятков фильмов, которые приносили огромный доход государству. Причем фильмы снимались, как мы уже отметили, самых разных жанров, выполняя и воспитательную, и развлекательную роль.

— Иногда их воздействие на аудиторию было прямое и непосредственное.

— Это известно. Например, после фильмов «Истребители» (лидер проката 1940 года) и «Валерий Чкалов» (1941) тысячи молодых людей отправились поступать в летные училища, что очень скоро даст свои плоды на полях сражений. После фильма «Светлый путь» (1940) тысячи девушек поступили в текстильные училища, а после «Моряков» (1940) юноши отправились в мореходные училища (один из них — наш замечательный актер Георгий Юматов, поступивший в 15 лет в Военно-морскую школу и воевавший потом юнгой).

И так было практически каждый год. Разве нынешнее российское кино может похвастаться этим? Сегодня кино приносит в основном доход его создателям, а государство с этого почти ничего не имеет. Дошло до смешного. В стране снимается столько же фильмов, как во времена СССР, — порядка 150, но на широкий экран выходят лишь десятки. А куда же деваются остальные? Часть переносится на диски, а другая часть вообще никуда не доходит, канув в безвестность. То есть деньги на них потрачены, а отдачи нет.

— И как вы такое объясняете? В чем же здесь причина?

— А вот в чем. Эти фильмы снимаются при минимуме затрат, а сэкономленные деньги элементарно разворовываются (навар имеют как киношники, так и чиновники от кино). А то, что фильм не дошел до зрителя, его создателей не интересует: главное — свою мошну набить.

— При Сталине подобное невозможно представить.

— Еще бы! Ныне это ведь уже не просто воровство, а гиперворовство, и никто не несет никакой ответственности. В сталинские годы, как известно, проворовавшихся деятелей строго наказывали. Тогда государство работало, как часы: четко ставило задачу и так же четко следило за ее реализацией. Справился — получи премию или другую награду, не справился — будешь уволен или посажен в тюрьму, если нечист на руку. Потому народные деньги в трубу не вылетали. Именно поэтому, кроме всего прочего, сегодня так популярна личность Сталина. За то, что спрашивать с людей умел.

— Такое впечатление, что при всей огромной сталинской занятости кино постоянно было в центре его внимания.

— Все снимавшиеся в СССР фильмы проходили через него. Он смотрел их в своем кремлевском кинотеатре в окружении членов Политбюро. Сталин формировал и репертуарную политику в кинематографе: какие именно фильмы снимать, на какие темы. Разумеется, действовал он через руководителей Кинокомитета, которые доводили его мнение до работников кинематографа: режиссеров, сценаристов, редакторов, композиторов и т. д. Короче, советское кино 30-х годов, как и позже, в решающей мере направлялось волей Сталина.

— Кино исключительно много сделало для подготовки народа к защите Родины во время Великой Отечественной войны. А когда она началась, то для кинематографистов, как и для народа в целом, согласитесь, главным стал лозунг «Все для фронта, все для победы!»

— Как же не согласиться. Факты свидетельствуют об этом.

— Вы эти факты знаете по документам и мемуарам, а я-то помню, как поразительно было, что в самый короткий срок появились «Боевые киносборники», дохнувшие в кинозалы новым, военным настроением. Мобилизовали на эти оперативные работы и самых любимых героев из лучших ранее снятых фильмов. Выплывал из реки Урал Чапаев Бориса Бабочкина; пел, но уже с иными, антифашистскими словами свою песенку про «шар голубой» Максим Бориса Чиркова… Так же оперативно начали снимать и серию «Концерт — фронту», где вдохновенно пели Лемешев, Русланова и другие народные любимцы. Не говоря уж про военную хронику: документальные фильмы, снимавшиеся под огнем боевыми операторами, сближали фронт и тыл.

— Но необыкновенно быстро в тех экстремальных условиях было налажено и производство полнометражных художественных фильмов. Известен подвиг перемещения сотен заводов с запада на восток: они чуть ли не мгновенно включались затем в работу на оборону. Можно сравнить с этим и очень быстрое создание в Алма-Ате Центральной объединенной киностудии (ЦОКС), в состав которой вошли эвакуированные киностудии, начиная с крупнейшей — «Мосфильма».

— Трудно было представить, что такие военные фильмы, как, например, «Секретарь райкома» Пырьева, вышедший уже в 1942 году, сняты в далеком степном Казахстане, а не в белорусских или смоленских лесах, где происходило действие многих из них. Да и активнейшая позиция известных кинематографистов просто восхищала. Ведь тот же Пырьев совсем недавно, в конце 1941-го, завершил свою искрометную музыкальную комедию «Свинарка и пастух», которую с восторгом смотрели бойцы, а тут вдруг совсем другие и материал, и жанр. Кто-то сегодня может сказать о некоторой наивности той картины, но страсть режиссера и талантливейшего актера Василия Ванина, который сыграл секретаря райкома партии Кочета, его столкновение с гитлеровским офицером Макенау в исполнении Михаила Астангова несли мощный заряд мужества, стойкости и воли.

А потом были «Радуга» Марка Донского, «Два бойца» Леонида Лукова, «Она защищает Родину» Эрмлера… Много замечательных фильмов один за другим вставали в боевой строй.

— Да, воевали тогда не только регулярные воинские части с обеих сторон. Воевали и фильмы, которые показывались солдатам перед боем. С советской стороны показывали «Человека с ружьем», «Мы из Кронштадта», «Щорса», «Парня из нашего города», «Двух бойцов», «Она защищает Родину», «Машеньку», «Зою» и другие; с немецкой — «Юного гитлеровца Квекса», «Триумф воли», «Ганса Вестмара — одного из многих», «Штурмовика Бранда», «Еврея Зюсса», «Люби меня», «Кольберг» и т. п. Но в итоге с огромным счетом победило советское кино, выпестованное Коммунистической партией и Сталиным! Это есть непреложный факт. А кто это оспаривает, тот либо не понимает сути происшедшего в годы войны, либо намеренно искажает истину в угоду своим интересам.

— Замечу, что с нашей стороны воевали тогда и песни, которых мы уже коснулись, причем многие опять-таки приходили с экрана. Вспомните хотя бы песни из фильма «Два бойца», живущие до сих пор, как и сама эта картина давнего времени. У немцев ничего подобного не было и не могло быть.

— Конечно же, то была война двух диаметрально противоположных идеологий и, соответственно, двух культур, двух искусств.

— А вскоре после Победы началась другая война — «холодная»…

— Нам навязали ее. Вот ныне обычным стало обвинять Советский Союз, что он, дескать, воздвиг железный занавес. Однако если уж о «занавесе» говорить, то он появился с обеих сторон. У нас — для защиты. Более того, наш-то, пожалуй, был менее «железным», чем американский.

Например, с конца 40-х годов у нас в широкий прокат стали выходить десятки западных фильмов (так называемое трофейное кино). Чуть позже стал выпускаться журнал «Иностранная литература», издавались сотни лучших книг западных авторов. А в той же Америке ничего этого не было. Советские фильмы прокатывались в крайне ограниченном количестве, причем с субтитрами, а такое кино подавляющая часть американцев не смотрит принципиально. Книги советские там не издавались, про музыку и театр вообще говорить нечего. А последующий развал Советского Союза во многом объясняется, на мой взгляд, не тем, что мы проиграли экономическую гонку, а тем, что наш железный занавес специально демонтировали, причем больше не снаружи (хотя и это делалось), а именно изнутри.

— Вы сами напомнили, что еще при Сталине, то есть с конца 40-х годов, у нас стали широко выходить западные фильмы…

— Здесь надо различать ситуации. Для Сталина это был вынужденный шаг. После войны значительная часть нашей страны

представляла собой кровоточащую рану — лежала в руинах. Ее надо было как можно быстрее восстанавливать, для чего использовались все возможные средства. Именно поэтому тогда и случилась «пятилетка малокартинья», когда в течение нескольких лет выпускались в прокат единицы советских фильмов.

— Экономились деньги?

— Именно. Эти деньги шли на восстановление народного хозяйства. А также на «атомный проект» — на создание собственной атомной бомбы, поскольку у США таковая уже была и это смертельно угрожало нашей безопасности.

С тем же, о чем я говорю, связан и выход нескольких десятков западных фильмов (вместо неснятых советских), которые достались нам в качестве трофеев после окончания войны. Огромная прибыль, которую дал прокат этих картин (а один «Тарзан» в четырех частях принес в наш бюджет несколько сотен миллионов тогдашних полновесных рублей), пошла на хозяйственные нужды. Так что в чем-то мы уступили, но в целом выиграли от этого «трофейного» проката. И можно смело сказать, что сталинское кино свою миссию выполнило — помогло построить сильное и справедливое государство, отстоять его в страшной войне и восстановить после ее окончания. У последующих правителей так эффективно не получилось. А в конце концов к власти была приведена команда, которая направила процесс в сторону демонтажа советской социалистической системы, а не ее укрепления.

— Вы имеете в виду разрушительную горбачевскую «перестройку». Гибельной стала она и для советского кинематографа…

— Говорится, что из песни слова не выкинешь: кинематограф сыграл весьма активную роль в развале страны. Однако не тот советский кинематограф, который создавали его родоначальники, и не тот, что подмяли под себя в мае 1986 года на печально знаменитом 5-м съезде Союза кинематографистов СССР разрушители. Их привели к руководству этим творческим Союзом лидеры «перестройки», и они горячо принялись за позорное, черное дело.

Беседа третья

— … Вы согласны, что корни горбачевской «перестройки» зарождались еще при Хрущеве — в начале 60-х?

— Вы правы. И тогда же советское кино стало постепенно менять свой идеологический ракурс — от позитивно-идеалистического, заложенного при Сталине, к позитивно-критическому. При этом сказалось и то, что время менялось: в жизнь вступало новое поколение, которое несколько иначе — более критично — воспринимало окружающую действительность. Поэтому кинематограф должен был реагировать. В итоге многие кумиры 50-х стали уходить в тень. Речь идет о Николае Рыбникове, Леониде Харитонове, Алле Ларионовой, Надежде Румянцевой, Изольде Извицкой, Розе Макагоновой, Ольге Бган, Ие Арепиной, Людмиле Марченко и многих других. Те позитивные образы, которые они создавали в 50-е годы (киношные либералы называли такие фильмы «ландрином»), уже не вписывались в кинематограф, который начал формироваться в 60-е — он становился более проблемным, более критичным. На волне этого перехода стали восходить актерские звезды таких «некрасавцев», как Евгений Леонов, Ролан Быков, Инна Чурикова, Евгений Евстигнеев, Савелий Крамаров и другие. Это была новая волна в развитии советского кинематографа — не менее талантливая и сильная, чем предыдущая, но… по-своему заложившая основы будущего развала.

— Каким образом?

— Дело в том, что советское общество вступило в эпоху, когда руководители кинематографа все сильнее стали зависеть от проката, от денег, которые он приносил. Именно с этим связано и то, что стал увеличиваться прокат зарубежных картин — по 150 фильмов в год, из которых больше трети принадлежало фильмам капиталистических стран. Кстати, самыми кассовыми зарубежными фильмами в СССР были ленты из Франции, а на втором месте фильмы из США. Эта волна западного кино постепенно размывала у советских людей критичное восприятие Запада.

Тем временем внутри кинематографического сообщества на волне той же «капитализации» обострялись противоречия. Создалось, условно говоря, два течения: «кассовики» (те, кто делал «кассу» — снимал особенно прибыльные картины) и «антикассовики» (те, кто снимал проблемное кино). Среди «кассовиков» самыми «долгоиграющими», то есть снявшими не один, а сразу несколько так называемых хитов, были Леонид Гайдай (с 1965 по 1975 год его фильмы входили в пятерку самых прибыльных в советском кино), Эльдар Рязанов (еще один комедиограф, но уже лирический, а не эксцентричный, как Гайдай), Евгений Матвеев (он специализировался на мелодрамах из разных эпох), Эдмонд Кеосаян (снял знаменитую трилогию про «Неуловимых мстителей»), Николай Москаленко (еще один автор мелодрам, но на современном материале) и другие. Среди «антикассовиков» следует назвать Андрея Тарковского, Сергея Параджанова, Элема Климова, Андрея Смирнова, Алексея Германа, Владимира Наумова, Александра Алова, Динару Асанову, Василия Шукшина, Николая Губенко и других. Причем среди последних было две категории режиссеров: те, кто снимал фильмы с «фигой в кармане» (под ней обычно прятался непримиримо критический взгляд на советскую действительность) и без «фиги». Из перечисленных к первым относились Климов, Герман, Смирнов, ко вторым — Асанова, Шукшин, Губенко.

— И как отразилось это, по вашему мнению, на состоянии советского кино?

— Наличие двух этих течений, если взглянуть обобщенно, делало советский кинематограф очень многообразным и интересным. Чтобы это понять, достаточно взглянуть на списки лидеров советского кинопроката за те годы — каких только фильмов самых

разных жанров в них нет! А тут еще на исходе 70-х (в 1978 году) в Госкино было принято решение расширить жанровый диапазон коммерческих фильмов. Для чего? Подросло поколение, которое плохо воспринимало прежние жесткие идеологические установки, и с ним надо было разговаривать каким-то иным языком. Этого зрителя можно было увлечь, как некоторые считали, облекая идеологию в коммерческую обертку. И это в определенной мере получилось. Например, уже в 1980 году на свет появились сразу пять суперкассовых «хитов»: боевик «Пираты XX века» (87 млн 600 тыс. зрителей), мелодрама «Москва слезам не верит» (84 млн 400 тыс.), фильм-катастрофа «Экипаж» (71 млн 100 тыс.) и два милицейских боевика — «Петровка, 38» (53 млн 400 тыс.) и «Сыщик» (43 млн 600 тыс.). Причем это были не просто развлекательные, но и глубоко патриотические фильмы, которые наглядно показывали, что можно вполне удачно совместить коммерцию и идеологию. Но киношные либералы стояли на том, что это практически невозможно.

— Вы возражаете? Не согласны с ними?

— Сама жизнь возражает. Ведь в пику их мнению с начала 80-х начался массовый выпуск, говоря опять-таки условно, коммерческо-патриотических «хитов». Назову лишь некоторые из них: 1981 год — «Тегеран-43» (его сняли «антикассовики» Алов и Наумов, что уже было показательно), «Особо важное задание», «Огарева, 6», «Ответный ход» (только эти фильмы привлекли в кинотеатры страны более 155 миллионов зрителей!); 1982 год — «Душа» (первый музыкальный фильм с участием советской рок-группы — это была «Машина времени»), «Случай в квадрате 36–80», «Шестой», «34-й скорый» (эти ленты привлекли 114 млн зрителей); 1983 год — «Непобедимый», «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго», «Найти и обезвредить», «Возвращение резидента» (привлекли 105 млн зрителей) и т. д.

Но в 1985 году грянула горбачевская «перестройка», которая положила конец этому процессу. Хотя произошло это не сразу. По инерции в 1986 году вышло еще несколько успешных коммерческо-патриотических картин: «Двойной капкан» (42 млн 900 тыс.), «Одиночное плавание» (наш ответ американскому «Рэмбо» — 37 млн 800 тыс.), «Рейс 222» (политическая драма, все роли в которой исполнили непрофессиональные актеры — 35 млн 300 тыс.), «Тайны мадам Вонг» (30 млн 100 тыс.).

— Но в том же 1986 году, в мае, на упомянутом скандальном 5-м съезде в Союзе кинематографистов сменили все руководство…

— Да, убрав оттуда мэтров, стоявших на патриотических позициях, — Сергея Бондарчука, Станислава Ростоцкого, Евгения Матвеева, Льва Кулиджанова и других. К власти пришли те самые «антикассовики», которые ненавидели не столько кассовое кино, сколько кино НАРОДНОЕ. Причем, заметим, новыми руководителями были поставлены «антикассовики» из разряда киношных политических диссидентов — Элем Климов и Андрей Смирнов. Отметим также, что это случилось в мае 1986 года, а в декабре того же года был возвращен из ссылки «знаковый» диссидент — Андрей Сахаров, вокруг которого объединилась либеральная оппозиция.

— Все это было неслучайно, делалось последовательно и быстро.

— Лидеры «перестройки» приводили во власть именно диссидентов из разряда тех, кто ненавидел советскую систему как в кинематографе, так и в политике. Эти люди пришли не перестраивать, а именно ЛОМАТЬ. Если взять тот же кинематограф, то выглядело это так.

С середины 60-х в нашем кино складывалась система по выпуску коммерческо-патриотических картин, которая с конца 70-х вышла на новую ступень, когда советское кассовое кино могло на равных конкурировать с западным кассовым кинематографом (свидетельством этого стали два «Оскара» — С. Бондарчуку за «Войну и мир» и В. Меньшову за «Москва слезам не верит»). Перестройщики эту систему сломали, выбросив на свалку патриотическую составляющую. Перестали снимать даже фильмы о происках западных разведслужб, поскольку это могло не понравиться зарубежным «партнерам». То есть кардинально поменяли ориентиры. И место фильма «Москва слезам не верит» (про трех провинциалок, покорявших Москву) заняла «Интердевочка» (про советскую проститутку, мечтавшую покорить заграницу). А на место фильма «Душа» про драматичную судьбу советской эстрадной певицы пришла «Маленькая Вера» — про «отвязную» провинциалку, ненавидящую не только своих родителей, но и страну, где она живет. Отсюда и двойственный смысл названия этой картины: «маленькая вера» в свою страну. Про фильм «Воры в законе» предельно ясно говорит уже само его название.

— Конечно же, эта смена ориентиров произошла неслучайно.

— Естественно. Как и вся горбачевская «перестройка». К середине 80-х у страны накопилось множество проблем, которые требовалось решать. То есть перемены были необходимы. Но это был структурный кризис, а не системный. А что сотворил Горбачев со своими подельниками? Они этот кризис стали углублять! Сначала затевают антиалкогольную вакханалию, подрубая одну из главных статей государственного бюджета и озлобляя народ. И это в то время, когда стране так необходимы деньги! Ведь цены на нефть американцы специально обрушили, из-за чего мы потеряли 10 миллиардов долларов годового дохода разом. А в 1986 году тот же Горбачев и его верный идеолог Яковлев приводят к власти в кинематографе Климова с компанией, которые уже через два года фактически лишают страну также и притока киношных денег (а кинопрокат приносил чуть меньше дохода, чем продажа алкоголя). И вместо коммерческо-патриотических фильмов, созидающих «советскую мечту», на зрителей обрушивают поток социально-проблемных картин, эту мечту разрушающих. В них главными героями выступают проститутки («Интердевочка»), бандиты («Воры в законе»), хулиганствующая молодежь («Меня зовут Арлекино»), антисталинисты, выкапывающие своих предков из могил и бросающие их останки в пропасть («Покаяние»), и т. д. и т. п.

— Говорилось, что это кино отражает реалии тех лет. Дескать, разве у нас не было проституток, хулиганствующей молодежи, бандитов?

— Конечно, были. Но до того это были изгои общества, а в этих фильмах они вышли на авансцену сюжета, стали доминирующими героями, судьбе которых авторы картин сочувствовали. Произошла подмена понятий: черное стало выдаваться за белое. Началось целевое заигрывание с аудиторией, чтобы пробудить в ней именно низменные инстинкты. И сделано это было с учетом более низкого, чем прежде, культурного уровня широкой аудитории.

— Что имеется в виду?

— В 1967 году в СССР появился Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ), который занимался изучением социальных процессов, происходивших в стране. И был сделан вывод об общем понижении культурного уровня людей в свете «капитализации» социально-политической системы. Увеличивалось число граждан, особенно молодых, которые материальное начали ставить гораздо выше духовного. В обществе это широко не обсуждалось, но власть об этом знала и приняла решение не бороться с этим процессом, а приспособиться к нему. Отсюда и брало свои истоки заигрывание с молодежью на ниве вестернизации.

Приведу примеры. Во второй половине 70-х годов в СССР приезжают первые западные рок-звезды (Клифф Ричард, диско-группа «Бони М», Элтон Джон), появляются студии звукозаписи, на ТВ выходит в свет передача «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», в газетах публикуют материалы о хит-парадах, широко начинают выходить диски западных исполнителей («АББА», «Би Джиз», Пол Маккартни и др.). Ну и, наконец, в 1978 году принимается решение о расширении коммерциализации советского кино. Оно базировалось не только на выводах ИКСИ, но и на выкладках Всесоюзного научно-исследовательского института киноискусства (ВНИИК), который появился в 1973 году для изучения запросов и интересов зрительской аудитории. Как мы помним, эта коммерциализация, тесно переплетенная с идеологией, ставила целью воздействовать на умы и сердца именно новой, заметно «капитализированной» аудитории.

Как я уже отметил, эксперимент удался, и фильмы «Пираты XX века», «Москва слезам не верит», «Экипаж» и другие не только собирали хорошую «кассу», но и давали правильные ориентиры. Точно так же можно было потом снимать и кино про бандитов, хулиганствующую молодежь (кстати, в 1977 году лидером проката стал фильм «Несовершеннолетние» — именно об этом). Но «перестройщики» пошли иным путем. Они прекрасно знали о выводах ИКСИ и ВНИИК, поэтому намеренно отбросили советскую идеологию, заменив ее иной, буржуазной. Неслучайно к руководству ВНИИК был приведен либерал-«перестройщик» Алесь Адамович.

— Да, уж он вскоре стал одной из самых одиозных фигур на ниве «перестройки»!..

— А еще добавьте ко всему этому увеличение количества западных фильмов в советском прокате — одних американских картин стали показывать почти в два раза больше, чем до прихода к власти Горбачева. Зачем? Да затем, чтобы вызвать у людей отвращение к своей стране и восхищение красотами американской жизни. На эту стезю были поставлены и советские СМИ, включая телевидение. С 1988 года, когда горбачевская «перестройка» взяла уже вполне агрессивный курс на развал страны и сдачу практически всех позиций США и их сателлитам, наш зарубежный кинопрокат стал абсолютно проамериканским. Достаточно сказать, что в 1988 году все четыре (!) первых места в нем заняли фильмы из США: «Кинг Конг жив» (1986; 53,6 млн зрителей), «Кинг Конг» (1976; 47,1 млн), «Короткое замыкание» (1986; 31,7 млн), «Окно спальни» (1986; 27,1 млн). Такой ситуации у нас до этого не было никогда. Если брать, к примеру, время брежневское (1964–1982), то обычно лишь один, редко — два фильма из США входили в пятерку лидеров советского зарубежного проката.

— В самом деле, разве можно назвать это случайностью? Конечно же нет!

— Это делалось целенаправленно, чтобы сменить идеологические ориентиры и вместо советских социалистических насадить буржуазные, которые пару лет спустя приведут некогда великую страну к краху. И к полному торжеству проамериканских настроений, которые у многих бытуют до сих пор.

— Известно, что «Интердевочку» снял Петр Тодоровский — человек, который прошел войну. У него тоже поменялись ориентиры?

— Другой наш известный режиссер — Юрий Озеров — тоже был фронтовиком, как и десятки других режиссеров, но никогда не снял бы умильный фильм о проститутке. Потому что понимал, какое воздействие может оказывать на массовую аудиторию такое кино, тем более в СССР. Кстати, первый советский фильм про представительницу этой древнейшей профессии собирались было снять еще во времена нэпа на киностудии «Белгоскино». Он так и назывался — «Проститутка». Но не сняли, поскольку нэп вовремя был свернут. А к концу 80-х он вернулся к нам в извращенном виде горбачевской «перестройки» и с появлением «знакового» фильма «Интердевочка».

— Но то, что снял ее фронтовик Тодоровский, похоже, вас совсем не удивляет.

— Как сказать… С одной стороны, и в самом деле удивительно: ведь это человек, который начал свой путь в кино с замечательной, пронзительной военной ленты «Верность». Но с другой — надо учитывать, что к этому времени Тодоровский относился уже к либеральному клану, подавляющая часть которого всегда держала «фигу в кармане». Именно либералы во власти, объединившись с либералами из среды творческой интеллигенции, начали последовательно уничтожать великий советский кинематограф. Угробили сначала наше позитивное кино, заменив его негативным, а потом и страну.

А чтобы читателю было понятно, почему именно Петр Тодоровский снял фильм о проститутке, приведу его собственные слова, сказанные им в интервью 2007 года: «Я не хотел снимать фильм о проститутке. Я хотел сделать картину про молодых и

талантливых людей, которым невозможно было себя реализовать. Вот они и уезжали, чтобы получить возможность заниматься любимым делом, а не быть за 15 копеек медсестричкой: дежурить, за кем-нибудь выносить „утку"… Как, например, строили БАМ? Собрали людей со всей страны, завезли в глухомань. Многие поломали там свои жизни…»

— Ничего себе признание! Откровенное, а по сути — ужасное.

— Читаешь эти строчки, и даже не верится, что сказал такое знаменитый советский режиссер, фронтовик и вообще вроде бы уважаемый человек. Ведь каков смысл? Проститутки занимаются любимым делом (!), а медсестрички и бамовцы — поломали себе жизни! И во всем, видите ли, виноват треклятый социализм, который не давал талантливым девочкам реализовать себя — идти в проститутки! Именно подобные взгляды имеются в виду, когда говорится, что значительная часть советской творческой интеллигенции предала свой народ. Когда в начале 90-х одно российское печатное издание провело опрос среди столичных проституток и спросило среди прочего о том, что толкнуло их на панель, многие девушки называли в своих ответах именно фильм «Интердевочка»: дескать, насмотрелись — загорелись…

— Да, приход к власти Горбачева и запуск «перестройки» обеспечили антисоветчикам-либералам ведущие позиции в кино…

— Они не только антисоветчики, но и антипатриоты, русофобы. А рубежом победы этих самых Климовых-Смирновых, как мы уже говорили, стал 5-й съезд Союза кинематографистов в 1986 году. Они сразу ополчились на Николая Бурляева и его фильм «Лермонтов», «раздолбали» в пух и прах «Бориса Годунова» Сергея Бондарчука, «Победу» Евгения Матвеева, «Битву за Москву» Юрия Озерова и другие такие же фильмы. Зато подняли на щит «Интердевочку», «Покаяние», «Маленькую Веру», «Воров в законе» и т. д.

Так что вполне закономерно, что их последователи после развала СССР наладили выпуск фильмов, одно название которых наводит оторопь на любого: «Дрянь», «Фуфло», «Нелюдь», «Бля», «Бес», «Сатана», «Нечистая сила», «Шкура», «Живодер», «Палач», «Псы», «Бомж», «Саранча», «Месть», «Поджигатели», «Распад», «Кома», «Шок», «Катафалк», «Метастазы», «Автопортрет в гробу», «Только для сумасшедших», «День казни» и т. д. и т. п. Кто сегодня вспоминает эти фильмы? Никто! То есть их создатели, можно сказать, занимались с нынешней точки зрения «мартышкиным трудом». Но на самом деле тогда такие фильмы очень даже пригодились господам разрушителям. Для того, чтобы деморализовать народ и провести над ним свою страшную операцию: ограбить до нитки и выдать это за благое дело.

— Однако время, как известно, лучший судья.

— Вот это в данном случае очень даже к месту! По прошествии двух десятилетий всем должно быть понятно, что такое реально кино «эпохи перестройки и реформ». Если советские фильмы сегодня крутят по разным телеканалам каждый день, значит, они создавались не зря и продолжают приносить пользу людям даже спустя десятилетия. А вот фильмы «лихих 90-х» практически все выброшены на свалку истории за их никчемностью и ненадобностью. Это и есть приговор тому времени — по большей части никчемному и бездарному. Бездарные правители порождают и бездарное искусство — это взаимосвязано. Хотя самое главное, конечно, та идеология, которая составляет основу общества.

Период от Сталина до «перестройки» — это тысячи замечательных фильмов, причем как художественных, так и документальных, и мультипликационных. Это настоящая эпоха Ренессанса! Поэтому лично я счастлив, что видел воочию те времена, дышал тем воздухом. Уверен, что и большинство читателей «Правды» думают так же. Все эти фильмы появились БЛАГОДАРЯ той идеологии, что руководила тогда страной и давала верные ориентиры кинематографистам. А время Горбачева — Ельцина и далее — это сотни отвратительных фильмов и лишь несколько приемлемых. Яростно разрушали советский гуманизм. Дескать, чтобы восторжествовали «общечеловеческие ценности». А в просторечии — когда волки и овцы демократическим путем, с помощью голосования, решают, кто кого сегодня будет есть на ужин…

— За последнее время ситуация в кино хоть сколько-то изменилась или осталась прежней?

— Конечно, она изменилась, но в основном только внешне. Суть осталась прежней, о чем я говорил уже в начале нашей беседы. Если советское кино помогало строить народное государство, где такие понятия, как патриотизм, интернационализм, социальная справедливость, уважение к труду и человеку труда, не были пустым звуком, то в нынешних условиях кино активно задействовано в строительстве антисоциального государства. Хотя это, казалось бы, и противоречит действующей Конституции. То есть стратегически современное российское кино помогает буржуазной власти держать ситуацию под контролем и искусно манипулировать сознанием массового зрителя, а это в основном молодежь.

Поскольку нынешние правители в большинстве выходцы из СССР, они постараются не допустить той ситуации, которая сложилась в годы горбачевской «перестройки», когда остросоциальное кино активно разрушало идеологию. Поэтому у нас сегодня практически нет социального кино — почти сплошь одно развлекательное: боевики, глуповатые комедии, мелодрамы с крайне примитивными сюжетами и ходульными героями. Так что возврата к глубокому и умному советскому кино в ближайшее время не будет. Продолжится господство примитивизма, что капитализму вообще свойственно. У него ведь только обертка красивая, а сама «конфета» — сплошная «химия», суррогат. Но у нас, к сожалению, уже выросло целое поколение, которое других «конфет» не видело, поэтому оно такую ситуацию воспринимает как должное.

— А что можно сказать о волне вроде бы патриотического кино, которая возникла за последние несколько лет?

— Это связано с изменением внешнеполитической ситуации — с тем давлением, которое западные «элиты» предпринимают в отношении российских «элит». Отсюда растут ноги и у нынешнего киношного патриотизма. Причем политтехнологам

приходится всячески изощряться. Ведь воспевать патриотизм невозможно без опоры на прошлое. А поскольку значительная часть граждан России еще помнит СССР, то задача у нынешних идеологов непростая: снимать кино о том же советском прошлом, но так, чтобы на авансцену сюжета выходил лишь главный герой, а не политический строй, который его таковым сделал.

Возьмите, например, получивший заслуженное признание фильм талантливого режиссера Николая Лебедева «Легенда № 17» — о прославленном советском хоккеисте Валерии Харламове. Этот выдающийся спортсмен был плотью от плоти советского строя — носил звание офицера Советской Армии и был членом КПСС. И хотя вступление в партию было чуть позже тех событий, что происходят в фильме, но из сюжета совсем никак не вытекает, что этот человек в будущем может стать членом КПСС (как и то, что его тренер Анатолий Тарасов был членом партии с 1945 года). Этой руководящей в Советском Союзе партии в современных российских фильмах о советском прошлом вообще нет места, даже в фильмах о войне: тогда она носила иное название — ВКП(б). А ведь в годы войны каждый третий советский солдат был коммунистом, а численный состав партии увеличился за те же годы более чем на 1 млн 600 тыс. человек. Более 3 миллионов коммунистов погибли: они, как правило, были впереди.

— Нет, я не могу согласиться с вами, что политтехнологи в кино совсем забыли сегодня о партии коммунистов. Действительно, «забывают» про нее, когда речь идет о великих свершениях, связанных с ней. Вот этой связи и решающей роли партии как будто и не было! Зато уж когда речь заходит о «сталинских репрессиях» или о чем-то еще сугубо негативном (так это представляется), то «коммуняки» тут бывают изображены хуже некуда…

— Что ж, согласен. Так повелось с «перестроечных» времен… Но позвольте высказать еще одно соображение о дне сегодняшнем.

Несмотря на ту баталию, которая развернулась между российской и западными «элитами», по сути они родственны друг другу, в том числе и в своем неприятии коммунистов, советского прошлого. Просто российской власти надо учитывать тот самый менталитет русского человека (как уже отмечалось, левый по своей сути) и то, что значительная часть населения России продолжает с ностальгией вспоминать о Советском Союзе. Поэтому приходится маневрировать, что отражается и на кинематографе.

И в этом им помогают западные «партнеры». Ведь кинопрокат, который существует в нашей стране на сегодняшний день, не принадлежит России. Да, управляющие и генеральные директора крупных киносетей — граждане России, но владельцы-то находятся за рубежом! А в этих кинотеатрах демонстрируются преимущественно зарубежные фильмы. Вот факт: в десятке лучших фильмов 2015 года на нашем экране нет ни одного российского! Такая ситуация — прямое следствие развала СССР, что было нужно и выгодно Западу: он в результате заимел огромный рынок для сбыта своей продукции, в том числе и кинематографической.

— А как вы думаете, почему сегодняшние власти, отрицая в целом советскую систему, все-таки много показывают по телевидению советских фильмов?

— Здесь сошлись воедино две причины — идеологическая и коммерческая. Начнем с первой. Менталитет, то есть национальный характер, у наших людей в большинстве коллективистский, а лучше советского кинематографа его никто не выражал. Поэтому даже многие молодые люди, которые не помнят СССР, с удовольствием смотрят советские фильмы. Ведь сегодняшнее российское кино чуждо сути нашего характера — оно индивидуалистическое, эгоистичное, да еще и мелкотравчатое. Но, заметьте, политтехнологи сегодня не всякое советское кино показывают. Вы никогда не увидите по ТВ таких фильмов, как «Красные колокола», «Солдаты свободы», «Железный поток», «Сердце матери» и т. п., поскольку это народное кино прежде всего антибуржуазной направленности. У нас сегодня даже детское кино под запретом, вроде «Орлят Чапая» или «Сказки о Мальчише-Кибальчише». То есть «наверху» не совсем дураки сидят — там фильтр существует. Они не показывают также советские картины антикапиталистического содержания, например многосерийные телефильмы «Претендент» или «Рафферти». А если подобное и проникает на экран, это обычно на канале «Культура», у которого не самые большие рейтинги.

Вторая причина показа советских фильмов — коммерческая: они пользуются спросом у людей и приносят господам капиталистам хорошие денежные дивиденды. Это вообще «конек» постсоветских правителей: костерить СССР — и жить за счет его богатств, как сырьевых, так и культурных.

— Но почему у этих господ не возникает опасения, что таким образом они невольно агитируют за Советский Союз, за социализм?

— Опасение такое есть всегда. Но происходит очень расчетливая манипуляция сознанием. Надо отдать должное этим политтехнологам, они весьма хитро запудривают людям мозги. Кстати, не только молодежи, но и тем, кто успел пожить в СССР. Идут одновременно как бы две волны — антисоветская и просоветская. Причем если первая достаточно агрессивная и длится более тридцати лет (с горбачевской «перестройки»), то вторая началась после 1996 года (этапными стали президентские выборы, зафиксировавшие рост симпатий к коммунистам) и выражена в мягкой форме: она в основном затрагивает чувства людей, а не их сознание. Например, людям в тысячный раз показывают по ТВ «Кавказскую пленницу» или «Иронию судьбы…», но никогда — упомянутые «Красные колокола», «Солдаты свободы» или фильмы из Ленинианы (а таких картин в СССР снят не один десяток). То есть людям разрешают умиляться, но не дают возможности посредством кинематографа серьезно размышлять. Если же к этому еще добавить, что сегодня и серьезная кинокритика почти полностью уничтожена, а то, что от нее осталось, оттеснено на обочину, ситуация и вовсе складывается удручающая. В таких условиях манипулировать сознанием миллионов людей становится еще легче.

Нынешний наш кинематограф, повторюсь, хорошо охарактеризовал В. И. Ленин еще в 1907 году, написав, что, «пока кино находится в руках пошлых спекулянтов, оно приносит больше зла, чем пользы, нередко развращая массы». Эти слова можно взять эпиграфом к состоянию сегодняшнего российского кино.

Кто «заказал» Михаила Шолохова

«Белая книга: М. А. Шолохов» — так называется эта необычная работа публициста и литературоведа Валентина Осипова. Необычна она тем, что автор взялся кратко обозреть в хронологическом порядке чуть ли не все главные инсинуации против классика русской и мировой литературы Михаила Александровича Шолохова, сопровождая каждую из них своими опровержениями. И вот получилась, как сказано в аннотации, первая в своем роде справочная книга для тех, кто хочет знать правду о несправедливом отношении к Шолохову.

Поясняется: жанр «Белой книги» — традиционный прием обнародования фактов по темам, которые особо будоражат общественное мнение. Клевета на великого русского, советского писателя, начавшаяся более восьмидесяти лет назад и продолжающаяся до сих пор, не может не волновать тех, кому дорого имя Шолохова, дорога честь отечественной литературы. Автор этой книги — в их числе, потому и взялся за столь масштабный и необходимый труд.

Я назвал труд Осипова необходимым, но следует сразу сказать: относительно необходимости есть ведь и другое мнение. Состоит оно в том, что великий Шолохов ни в чьей защите не нуждается — он сам защищает себя своими произведениями.

Действительно защищает. Однако значит ли это, что нападки на автора «Тихого Дона» лучше спокойно пропускать мимо ушей, нежели реагировать на них? Кто-то может не реагировать, а вот Осипов — нет. И я по себе знаю, что сдержаться подчас просто сил не хватает, когда читаешь или слышишь очередную ахинею на шолоховскую тему. Отповедь таким сочинителям приходилось давать в газете не раз.

Но если для меня это одна из многих тем, то для Валентина Осиповича она стала основным содержанием жизни. Лично с М. А. Шолоховым он был знаком и сотрудничал с ним в течение 22 лет, будучи главным редактором издательства «Молодая гвардия» и директором издательства «Художественная литература». Был ответственным за подготовку первого посмертного Собрания сочинений классика в восьми томах, вышедшего миллионным тиражом. Написал о Шолохове несколько книг, в том числе вышедшую двумя изданиями в знаменитой серии ЖЗЛ.

И при всем при том ни на миг не оставлял он вне поля своего зрения то, что появлялось о Шолохове в периодике и в книгах, по радио и телевидению. За книгами следить легче, поскольку их меньше, а как ему удавалось охватить такое количество журналов и газет? Ну ладно, в советское время существовало бюро газетных вырезок, где за посильную плату можно было заказывать материалы на определенную тему. А сейчас? Представьте, вынужден подписываться на десятки изданий, отказывая себе во многом другом, и прибегать к регулярной помощи целого ряда библиотек. С одной целью — бдительно следить, что же пишут о любимом творце.

А пишут всякое. И, кроме доставляющего радость, немало такого, от чего душу охватывает боль, а сердце буквально разрывается.

Началось, мы знаем, давно. Осипов так напоминает об этом:

«…Ранней весной 1929-го, в марте, Шолохов собрался из своей станицы в столицу. В Миллерово, где станция, перед отъездом, пока обегал приятелей и знакомых, ему рассказали о покушении на его честь: плагиат тебе в Москве „шьют“, украл-де ты „Тихий Дон“ у кого-то; конечно, напраслина, а все же!

Успокоился было в вагоне — бред какой-то это обвинение. Но, однако же, и здесь нашелся попутчик с тем же разговором.

Литературный вор!

Москва добивала. То один с вопросом: „Что, правда, главному прокурору Крыленко передан от какой-то комиссии негативный материал — компромат?“ Когда обратились к этому чину, тот в ответ только недоуменно развел руками: „В первый раз слышу!“ То другой доброхот с предупреждением: „ЦК завел дело“. Стал узнавать — снова „утка“. Еще сплетня: его-де гонорары арестованы. До Шолохова дошли сведения, что в книжных магазинах задают бесчисленные вопросы по этому поводу. К издателям лучше не заходить — насторожены. В глаза друзьям смотреть не хочется.

Что делать-то?..»

Этот вопрос, роковым образом вдруг повисший перед молодым писателем после выхода первой книги «Тихого Дона», казалось бы, вскоре был снят. Созданная писательская комиссия, досконально разобравшись во всем, изучив представленные Шолоховым черновики и варианты, пришла к однозначному выводу: автор романа — именно он, а распространяемые слухи о плагиате — злостная клевета. Заключение такое опубликовали «Правда» и «Рабочая газета» за подписями А. Серафимовича, Л. Авербаха, В. Киршона, А. Фадеева и В. Ставского.

Это была комиссия Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), куда входил Шолохов. Вдобавок Осипов сообщает и другие, менее известные, факты. Оказывается, Союз российских писателей, руководимый Б. Пильняком, провел одновременно свой «трибунал», как выразился писатель А. Каменский, впоследствии эмигрант. Он засвидетельствовал: «В „судебном разбирательстве“ приняли участие все московские писатели во главе с Пильняком, Лидиным и другими». Подытожил: «Закончилось оправданием Шолохова, которому удалось доказать, что роман действительно принадлежит ему».

И в Ростове (тоже факт мало кому известный) работала комиссия по этому литературному вопросу. Результат? В печати

появилось: «При расследовании ни одно из обвинений не подтвердилось».

Что же нужно еще? Ведь ясность полная, точка поставлена. А дальнейшая работа Шолохова над эпопеей лишь подтверждала: в литературу пришел истинный гений.

Почему же слухи, которые посеяли «людишки со сволочной душонкой», как назвал их Михаил Александрович в письме жене (и поименовал нескольких!), не кончились тогда, а покатились дальше и дальше, аж до нынешних дней?

«Если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?» — сказал поэт. Продолжу: если гасят, да еще так упорно и злобно, значит, тоже нужно кому-то. Кому? Зачем?

Из разных мнений, имеющих отношение к ответу на поставленные выше вопросы и приведенных в книге В. Осипова, хочу выделить принадлежащее литературоведу и критику П. Басинскому. Вот оно:

«Шолохов, а не просто таинственный автор „Тихого Дона“, — это высшее оправдание советской литературы в ее патриотическом ключе. Если автором был М. А. Шолохов, то советская литература оправдана навеки как эпохальная культура, способная порождать гениальные мировые произведения… Здесь рядом с автором „Тихого Дона“ некого поставить… Вот отчего вокруг имени Шолохова идет такая драка, и драка серьезная. Это — вопрос мирового культурного развития».

Давайте вдумаемся. Наверное, слово «оправдание» здесь не совсем точно или вовсе не точно: даже по самому большому счету советская литература в оправданиях не нуждается. Ее мировая высота, ее эпохальный масштаб со временем становятся еще очевиднее. Но провозгласил же после 1991 года некий литератор В. Ерофеев «поминки по советской литературе». Все, кому ненавистен советский период нашей истории, стремятся закопать его цивилизацию, его культуру. А творчество Шолохова в этой культуре действительно высшая высота.

Что следует для ненавистников отсюда, думается, вполне понятно. Если не удастся закопать и погасить до конца, то пригасить, принизить, дискредитировать. Собственно, на это и направлены уже много лет усилия тех, кто продолжает начатое людишками со сволочной душонкой в далеком 1929-м.

Прослеживая по книге В. Осипова развитие этого поразительного, беспрецедентно драматического сюжета, видишь, как быстро превращается он из чисто литературного в литературно-политический. Сперва, конечно, зависть братьев-писателей — с той самой душонкой. Но уже в первых взбрехах (по слову самого Шолохова) угадывается далеко идущий намек. Украл-то рукопись романа «красный» Шолохов не у кого-нибудь, а у «белого» офицера.

Слово сказано — остается этого неизвестного офицера искать. Или придумать. Можно, впрочем, и не офицера. Простор для фантазий о-го-го какой! И пошло-поехало…

Осипов поставил перед собой задачу собрать и «проинвентаризировать» по возможности все вариации тех, кого за восемь с половиной десятилетий выдвигали в претенденты на авторство «Тихого Дона». Получилось… 48 кандидатов в гении. Каково?

Очень верный обобщающий комментарий дается к этому: «Трагедия сбрасывания классика с корабля современности по придуманным обвинениям в плагиате одновременно комична. Суфлеры с подсказкой „А вот вместо Шолохова новый гений!“ изрекают это с 1929 года. Едва наука опровергнет одного кандидата в авторы „Т.Д.“, как сразу же появляется замена. Вечный двигатель лишения Шолохова авторских прав».

В самом деле, эффект получается комичный, особенно когда все эти «кандидаты в гении» собраны вместе и следуют один за другим. Уже за одно это надо сказать В. Осипову огромное спасибо.

Про многих я раньше, конечно, читал: некий критик литературный Голоушев, донской литератор Федор Крюков, отец жены Шолохова П. Я. Громославский и даже сама жена…

Осипов пишет: «К имени тестя Шолохова решили привязать соавтора Ф. Крюкова. Сюжет таков. Громославский прибрал к рукам рукопись умирающего при отступлении белых этого Крюкова и потом передал ее Шолохову».

А вот опровержение от автора книги: «Встречи Крюкова и Громославского не могло быть, ибо „кандидат в Шолоховы“ скончался на Кубани. Тесть же Шолохова в 1919-м перешел на сторону красных, тогда же был схвачен белыми и приговорен к каторге с пребыванием в Новочеркасске, был освобожден красными в начале 1920-го».

Или еще вариант. Эмигрантская газета «За казачество» (1996, № 39–40) оповестила: «Шолохов работал или служил приказчиком у одного из купцов станицы Вешенской, кажется Озерова. В то же время в одной из ближайших станиц, как будто Букановской, жил священник, имевший несколько дочерей. За одной из них ухаживал или даже был его зятем донской офицер. За другой дочкой ухаживал Шолохов. Офицер, проживавший у священника станицы Букановской, вел дневники и записи о событиях, происходивших как в старой России, так и революционных событий и эпизодов Гражданской войны». Судьба офицера неизвестна, однако он уверен, что «его записи остались в доме священника и там ими завладел М. Шолохов, они-то и послужили основой „Тихого Дона“».

Ответ Осипова: «Шолохов не был ни у кого приказчиком…»

Выдают за автора «Тихого Дона» писателя А. Серафимовича. Но каковы же доказательства? В «Железном потоке» у него есть

фраза: «Густо несется храп и заливистое сонное дыхание». В «Тихом Доне»: «Сыпал на избу переливчатый храп». Вот на таких «аргументах» все строится.

Да что Серафимович, он хотя бы донские корни имеет. На замену Шолохову выдвинут даже петербуржец — поэт Николай Гумилев. Очевидно, лишь по одной причине: был офицером. Тут уж сочинение совсем фантастическое. Гумилев-де не был расстрелян в 1921-м, бежал на Дон, где создал роман и «добровольно передал все им написанное другому человеку».

«Нужны ли опровержения?» — замечает В. Осипов. В данном случае — не нужны. Но собрать и откомментировать все антишолоховские выдумки, дотошно, въедливо, как сделал Валентин Осипович, с указанием сочинителей, дат, изданий, где публиковалось, было необходимо. Автор «Белой книги» составляет свой обвинительный акт по делу о беспримерной клевете, и этот акт — сугубо конкретный, фактографически обоснованный, неопровержимо убедительный. Так и хочется сказать следом: «Суд идет!»

А еще, когда читаешь подряд соревнующиеся в нелепости измышления, вспоминаешь пушкинских «Бесов»:

«Мчатся тучи, вьются тучи…» В самом деле, «закружились бесы разны, будто листья в ноябре».

Кто же персонально двигал и движет катящуюся валом антишолоховщину? У Осипова многие названы поименно, с перечислением «личных заслуг». Выделяет некоего Л. Кациса, А. Венкова, А. и С. Макаровых, Зеева Бар-Селлу, проживающего ныне в Израиле… Каждому дается свой отпор.

Но одна фигура явно превосходит все прочие — Солженицын. Неслучайно мы встречаемся с ним в разных главах книги, а две из них посвящены ему целиком. «Он — знамя в изничтожении классика», — утверждает автор.

Почему же так? Почему один писатель загорелся вдруг столь всепоглощающей страстью уничтожить другого, и не просто включился в давно идущую кампанию клеветы, а придал ей новый импульс, занялся собиранием и объединением антишолоховцев, посвятил этому столько времени и сил?

Здесь особенно ярко проявляется не литературный, а политический смысл всей кампании: борьба против Шолохова стала элементом холодной войны против СССР.

Осипов приводит характерное свидетельство эмигранта Г. Климова, участника конференции в Нью-Йорке на тему «Кто автор „Тихого Дона“»? Вот что он вспоминает: «Году этак в 1969-м среди кандидатов на докторскую степень в области русской литературы ходило заманчивое предложение: стипендия в 5000 долларов. Но при этом маленький „соцзаказ“ — требуется доказать, что Шолохов НЕ автор „Тихого Дона“». Кто-то соблазнился, сидел и копался в этой области. Потом эту «диссертацию» пустили под маркой анонимного советского литературоведа «Д», который сразу же сыграл в ящик. А для пущей важности расписаться под этим дали Солженицыну. Типичная фальшивка психологической войны. Ведь я сам работал в области этой психвойны и мог бы накатать целую диссертацию о таких фальшивках.

Но важно вот что подчеркнуть: Солженицын уже вполне был готов, чтобы «подписаться» под чем угодно против Шолохова! О 1965 годе, когда Михаилу Александровичу была присуждена Нобелевская премия, и о своем восприятии этого он позднее напишет так: «Мой архив и сердце мое терзали чекистские когти — именно в эту осень сунули Нобелевскую премию в палаческие руки Шолохова».

«Сунули», «палаческие руки»… Что же кипело у него внутри? Осипов между тем напоминает: впервые имя Шолохова в числе кандидатов на Нобелевскую премию прозвучало среди писателей за рубежом еще в 1935 году. Да ведь и в 1962-м совсем иначе Солженицын писал Шолохову о нем самом — после встречи Хрущева с деятелями культуры. Телеграммой написал:

«Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, помешали мне выразить Вам тогда мое неизменное чувство, как высоко я ценю автора бессмертного „Тихого Дона“. От души хочется пожелать Вам успешного труда, а для этого прежде всего — здоровья. Ваш А. Солженицын».

Это декабрь 1962-го. А в 1965-м — «палаческие руки». А в 1969-м, по собственным его воспоминаниям, загорелся уже страстью разоблачить «глубокоуважаемого», и Осипов цитирует цинично-ерническое признание: «Нанюхала Мильевна (некая старушка. — *В. О.),* что в Ленинграде у одной казачки хранится архив Федора Крюкова и — им написанная еще дореволюционная тетрадка с первой частью „Тихого Дона“! Как отказаться? У кого не запылает кровь на такую приманку?»

В признании этом, в словах, какими выражено, — опять-таки суть солженицынская. Вроде бы собака «нанюхала», а он, как охотник перед травлей близкого зайца, весь запылал…

А дальше-то что? Далее Мильевна знакомит Солженицына с дочерью подруги (врач), которой одна пациентка открылась: «Давно в преследовании от шолоховской банды, которая хочет вырвать заветную тетрадочку — первые главы „Тихого Дона“, написанные еще в начале 1917 года в Петербурге…»

«Шолоховская банда». Что это? Откуда? Детектив!

К владелице тетрадочки немедленно посылается от Солженицына доверенный человек — внучка К. Чуковского. «Вернулась и

безуспешно, и безрадостно: женщина-де капризная, сложная, договорится с ней вряд ли возможно, хотя открытую часть крюковского архива готова была бы, кажется, передать на разборку…»

Короче, никакой «тетрадочки» нет. И не будет! Однако Солженицын не унимается — уговаривает филолога И. Медведеву-Томашевскую обосновать мистификацию с Крюковым. Настаивает, дает инструкции, направляет.

С чего же такое рвение? Да к тому времени уж конкретизировалась цель всей этой акции холодной войны, которая в книге В. Осипова выражена словами одного известного журналиста: «Сбросить с пьедестала почета Шолохова, даже не столько чтобы „наказать“, а для того, чтобы оставить на российском Парнасе в гордом одиночестве Солженицына».

И гордыня уже совсем обуяла, совсем вскружила голову Александра Исаевича, возбудила эгоцентрические страсти его до неслыханного предела. У солженицынского биографа Л. Сараскиной, к которой В. Осипов вынужден неоднократно обращаться, возникает в связи с линией Шолохов — Солженицын тема Моцарта и Сальери. Только кто же из них двоих Сальери, а кто Моцарт? Любому здравомыслящему человеку ясно, что у Сараскиной они заинтересованно и произвольно переставлены.

Время подвело черту: все антишолоховские построения Солженицына оказались воздвигнутыми на песке. Все рухнуло. Не подтвердилось буквально ни-че-го! А вот в поддержку Шолохова появилось мощное исследование скандинавских славистов во главе с норвежцем Гейро Хьетсо, которые с помощью ЭВМ исключили авторство Ф. Крюкова и подтвердили (сугубо математически!) основания М. Шолохова. К тому же найдена и черновая рукопись «Тихого Дона», считавшаяся безвозвратно утраченной.

Что же после этого Солженицын? Покаялся? Извинился? Отнюдь.

Одно из достоинств В. Осипова — в его настойчивости. Обратился к Солженицыну с большим открытым письмом в печати. Не получив ответа, добился возможности переговорить с ним по телефону благодаря «Прямой линии „Комсомольской правды“». Разговор, состоявшийся 15 апреля 1996 года, приведен в книге.

На указание искаженной оценки им Шолохова и рекомендацию кое-что в связи с этим прочитать ответ Солженицына был такой: «Некогда! (Пауза). О России надо думать!» Правда, по поводу своего предисловия к книжке о плагиате оговорился: «Я не думаю включать его в собрание сочинений и переиздавать».

Но ведь и без этого предисловия у Солженицына о Шолохове столько гадкого, скверного, несправедливого понаписано! И, увы, будет переиздаваться?..

Задержимся еще немного на Солженицыне, ибо он вовсю открыл шлюз клеветы на советского классика, дав сигнал всем доброхотам: здесь можно не церемониться. Речь уже и не только о выдуманном плагиате. Можно мешать с грязью как угодно биографию и личность человека, начиная с его внешности.

Помните «глубокоуважительную», восторженную, почти подобострастную телеграмму Солженицына Шолохову после первой встречи на хрущевском приеме? А вот что напишет он несколько позднее о той же встрече в своих мемуарах «Бодался теленок с дубом»: «Невзрачный Шолохов… Стоял малоросток Шолохов и глупо улыбался… На возвышенной трибуне выглядел он еще ничтожнее».

«Однако обширная фототека, — абсолютно правомерно парирует В. Осипов, — свидетельствует, что красив был. Не уходит из памяти снимок с церемонии вручения Нобелевской премии: благородно величественен во фраке».

Конечно же, конечно! И к месту автором книги вспоминается Серафимович, как он живописал Шолохова: «Невысокий, по-мальчишески тонкий, подобранный, узкий, глаза смотрели чуть усмешливо… Громадный выпуклый лоб, пузом вылезший из-под далеко отодвинувшихся назад светло-курчавых, молодых, крепких волос… Резко, точно очерченные, по-азиатски удлиненные, иссиня-серые глаза смотрели прямо, чуть усмехаясь, из-под тонко, по-девичьи, приподнятых бровей… И глаза, когда говорил, и губы чуть усмехались: „Дескать, знаю, брат, вижу тебя насквозь…“»

Осипов схватил за руку Солженицына и на том, что он решился даже на тиражирование следующего утверждения некоего Старикова: «Шолохова в 15 лет он видел в Вешенской совсем тупым недоразвитым мальчишкой».

Каков выпад и какая ложь, если вспомнить многое, что известно о подростковом возрасте будущего писателя! Осипов конкретно комментирует: «Мало того что это не принятое в творческой среде личное оскорбление, не говоря уже о полной необоснованности, но и обман по фактам: Шолохов свое 15-летие проводил в станице Каргинской, где — выделю к месту — был учителем по ликвидации неграмотности, делопроизводителем и писал пьески для местного театра (вот тебе и „недоразвитый мальчишка“!)»

Но насколько точно выразился автор книги, что личное оскорбление не принято в творческой среде? Вообще-то его нельзя считать нормальным нигде и никогда. Однако сплошь и рядом происходящее сегодня, чему в значительной мере и посвящена книга В. Осипова, свидетельствует об ином. Сам же он вводит свое современное понятие НЭПа — «новая этическая политика». А означает она… отмену этики как таковой! Вместо нее — безграничная разнузданность, абсолютная безнравственность, полная безответственность. И многие десятки фактов нынешней нашей действительности, содержащиеся в книге, это подтверждают: «Увы, в борьбе против Шолохова у большинства антишолоховцев все средства хороши».

Согласен с Осиповым, что во время так называемой перестройки благословил эту «новую этическую политику» былой член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев, заклятый ненавистник Шолохова. Кредо его, которое сам он выдал постфактум, воистину иезуитское: «Приходится лукавить, о чем-то умалчивать, хитрить, изворачиваться, но добиваться при этом таких целей, которые в „чистой“ борьбе были бы недостижимы».

Так он действовал, конечно, пока были Советская власть и КПСС. А с их уничтожением открытый Солженицыным шлюз клеветы, то есть «нечистой» борьбы против Шолохова, привел буквально к затоплению многих СМИ самой невообразимой ложью о великом писателе. Ложь эта, как наглядно показывает В. Осипов, стала прямо-таки расхожей, обиходной: «Захвачены модой (!) — долой Шолохова с корабля современности, и ничего не будет за это! Это не Бродский и не Солженицын».

Именно так. Некогда уважаемые издания соревнуются в «сенсациях» — с привлечением той самой «творческой среды». Скажем, «Известия» публикуют в номере 58-м за 2010 год беседу журналистки Виталии Рамм с кинорежиссером Алексеем Германом под эпатажным заголовком: «Шолохов отбивал чечетку…» Якобы эта чечетка или подхалимская «присядка» была на «оргиях» (!) со Сталиным.

Осипов по пунктам, с дотошной конкретностью доказывает: этого не было и не могло быть! Да и «оргий» не было. Журналистке «Известий» направляется от него письмо: «Уважаемая Виталия Юозовна! Что может противопоставить моим доказательствам А. Герман? Он ссылается на некие „Стенограммы оргий“, которые разыскал Е. Прицкер. Но кто их автор и почему они не обнародованы в нашей стране при комментариях авторитетных ученых? Поэтому прошу Вас, уважаемая Виталия Юозовна, решиться на наиважное для истории дело: просить А. Германа передать эти стенограммы для исследования компетентным ученым… И будет корректно (принцип открытости с моей стороны), если Вы перешлете А. Герману это мое письмо. Вдруг он захочет откомментировать».

И что же? «Ответ не последовал. И напоминание осталось без отклика».

Такие «результаты» — по множеству обращений В. Осипова, приведенных в книге. Он разоблачает ложь того или иного издания и просит об этом сообщить, а в ответ — молчание. Он предлагает (буквально кричит всей душой!) обсудить какие-то спорные проблемы за «круглым столом» или в прямом эфире (принцип открытости), а в ответ — никакого ответа. «НЭП», — замечает он. Да уж, этика безо всякой этики.

Но я восхищаюсь при всем при том неустанной настойчивостью автора книги. Ведь и она, книга эта, родилась как проявление незаурядной настойчивости и дотошности в борьбе за правду. И то, что такой сводный обвинительный акт, конкретный и неопровержимый, теперь существует, укрепляет позиции правды, сильно бьет по врагам Шолохова.

Подводя итог, скажу: конечно, в целом подвижнический труд Валентина Осипова во имя чести любимого писателя заслуживает высокой оценки.

Есть ли замечания? Есть.

Во многом не согласен я с трактовкой отношений Сталина и Шолохова. Не только в этой книге, а и в «Тайной жизни Михаила Шолохова», в издании «ЖЗЛ», других работах автора.

Считаю, что яснее надо было сказать о роли журналиста Льва Колодного, которому посчастливилось найти рукопись «Тихого Дона». Найти-то он ее нашел, причем еще при жизни Шолохова, чем мог, я уверен, продлить ему жизнь. Однако не продлил. Скрыл свою находку, руководствуясь сугубо корыстными соображениями. Нашел рукопись Лев Ефимович случайно, а скрывал и спекулировал потом на ней — сознательно. Так что же, восхищаться нам Колодным или возмущаться?

Еще один «друг Шолохова» — некий А. Стручков, издающий книги классика на деньги сына В. Черномырдина. О текстологически сомнительном качестве этих изданий В. Осипов говорит достаточно подробно, а вот о сопровождающей бурную деятельность Стручкова антисоветчине — бегло, вскользь. Между тем разве можно мириться, что из убежденного коммуниста Шолохова нагло делают хитрого антисоветчика?

Но с этой заданной и распространяющейся тенденцией, для нынешней власти весьма приятной, судя по всему, предстоит еще бороться и бороться. Тоже ведь гнусная разновидность конъюнктурной клеветы!

О неточностях и ошибках в книге, носящих более частный характер, автор уведомлен и обещал непременно исправить их при переиздании. Но какой же самый главный вывод из работы Валентина Осипова?

Она дает столь чудовищную картину массированного издевательства над гордостью отечественной культуры, что напрашиваются какие-то экстраординарные меры, дабы положить этому конец или хотя бы пресечь в пределах Отечества. Принимают же, например, в некоторых странах закон, предусматривающий уголовное наказание за отрицание холокоста.

У нас есть закон об охране памятников истории и культуры, который, правда, плохо действует. Надо признать: творчество Михаила Шолохова — величайший памятник Советской эпохи вовеки веков. А личность Шолохова — это не только гений слова, но и образец гражданственности, патриотизма, верности высшим идеям справедливости. Доколе же будет продолжаться безнаказанное глумление над этой личностью и этим творчеством в родной для гения стране?

Кому ненавистны советские полководцы

… В Польше ликвидировали памятник прославленному советскому генералу Ивану Даниловичу Черняховскому. Наши воины себя не щадили ради других, а в ответ — такая черная неблагодарность. Шестьсот тысяч советских бойцов положили свои жизни только ради освобождения Польши. От рядовых солдат до командующего фронтом, самого молодого и такого талантливого, красивого…

И ведь про то, что полководцы советские — в отличие от некоторых других — действительно заботились о сохранении городов и памятников на освобождаемой территории, не зря мой собеседник упомянул. Тут достаточно сравнить хотя бы судьбу Дрездена, который дотла разбомбили американцы, и Вены, бережно сохраненной нашей армией. Или вспомнить спасение маршалом Коневым польского Кракова…

Впрочем, у Черняховского по этой части свои заслуги. Вот, например, когда руководимые им войска вступили в Литву, где Иван Данилович три года назад начинал войну, и предстояло освобождать столицу республики, командующий 3-м Белорусским фронтом отдал приказ не бомбить Вильнюс и не обстреливать его из тяжелых орудий. Чтобы не повредить красивейший город! В результате Вильнюс был взят обходным маневром. И литовский народ выражал тогда полководцу безмерную благодарность за это. А после его гибели в столице Советской Литвы Черняховскому был установлен прекрасный памятник.

Но чем все обернулось потом? Как только наши враги подорвали Советский Союз и он начал рушиться, пошли покушения и на памятник, и на могилу погибшего генерала, который именно здесь был похоронен. Пришлось его останки перевозить в Москву, а памятник — в Воронеж, тоже обязанный многим отважному и мудрому воину.

Какое это было горе, какая боль! Особенно для ветеранов, воевавших под началом Ивана Даниловича. Помню по личным впечатлениям того мрачного дня, когда на Новодевичьем кладбище происходило вынужденное перезахоронение героя: его боевые товарищи до конца не могли оправиться от трагического шока.

А разве можно забыть, что, спеша на неожиданное новое прощание со своим командующим, скоропостижно скончался полковник в отставке, писатель и ученый Акрам Шарипов? Сердце не выдержало.

Хотя кто знает, у скольких еще по всей нашей большой стране в те дни не выдерживало сердце…

Говоря «те дни», я имею в виду рубеж 80-х и 90-х годов минувшего века. Когда, собственно, и начался тотальный переворот в отношении ко всему советскому. А поскольку наша Великая Победа, конечно, тоже советская, чуть ли не все стали переворачивать с ног на голову и вокруг нее.

Поначалу это было действительно ошеломляюще для живущих участников Великой войны — то невыносимое, что больше и больше появлялось о ней на телеэкране, а также в «Огоньке», «Московских новостях» и других «демократических» изданиях. При мне, скажем, Юлия Владимировна Друнина, фронтовая медсестра и знаменитый поэт, которая вскоре, не выдержав потока клеветы, покончит с собой, читала в журнале статью со странным названием: «Разгром советских войск под Москвой». Читала в невероятном ужасе. Это как же так? Что это они в заголовке «обыграли»? Могучий ведь был в свое время документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой», вышедший по горячим следам событий и получивший, кстати, высшую американскую премию «Оскар». Да суть и не в фильме: всем же известно, кто кого разгромил под Москвой в 1941-м! И вдруг…

Ну да, с началом так называемой перестройки многое воспринималось как «вдруг». Вызывало у кого-то не только сенсационный интерес и удивление, но и крайнее возмущение. Однако постепенно, под воздействием долбежа изо дня в день, стали привыкать. К самому нелепому. Воспринимая за истину. Во всяком случае — многие. Например, что советские «не умели воевать», «заваливали врага трупами», «главное решали заградотряды и штрафники»… А потом и еще дальше: «в развязывании войны виноват не Гитлер, а Сталин» и «в другие страны советские пришли не как освободители, а как оккупанты…»

Ясно, что в других странах были силы, заинтересованные в том, чтобы именно такое утверждать. Но у нас-то?! Оказалось, и у нас — тоже. И когда там, «за бугром», начали демонтировать памятники советским освободителям, особо мощного государственного протеста с российской стороны, а тем более возгласа всенародного возмущения уже не последовало. Так сказать, были к этому подготовлены. А чего, в самом деле, с оккупантами-то церемониться?..

Были, правда, острые столкновения в связи с переносом «Бронзового солдата» в Таллине да некоторый шум по поводу знаменитейшего «Алеши» в болгарском городе Пловдив. Уж очень хороша всем известная песня об этом памятнике! Видимо, она в конечном счете и повлияла на «братушек»: пощадили-таки трогательный монумент. Пока пощадили…

Что же касается темы советских полководцев, то отношение к ней на долгое время утвердилось такое: или плохо, или ничего. Они ведь сталинские, эти полководцы, по партийной принадлежности — коммунисты, то бишь не из «Единой России». Так зачем их прославлять?

Вы мне можете напомнить, что памятник Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову все-таки поставили, да не где-нибудь, а рядом с Красной площадью. Ну так это, не забывайте, с учетом и очень хитрых политиканских соображений! Какой-то олицетворенный символ военного руководителя во время Великой Отечественной как-никак требуется, но, поскольку Верховный Главнокомандующий решительно «не подходит» и «отменяется», пусть это будет его заместитель. Тем более что у Георгия Константиновича с Верховным (или у Верховного с ним) не все в многолетних отношениях бывало уж абсолютно

гладко. А на этих «шероховатостях» можно ох сколько густопсовой антисталинщины и антисоветчины нагромоздить! Целый сериал, который, конечно, состряпали, — и не только…

Все это и нагромождалось многие годы подряд. Так что представление о Жукове в массовом сознании складывалось своеобразное. С одной стороны — «гнобил» его Сталин, а с другой — сам он якобы жестоко «гнобил» своих подчиненных, не останавливаясь ради достижения цели ни перед какими людскими потерями. Ну да, добивался побед, но какой ценой! Дескать, и прозвище у него было соответствующее: «мясник».

Вы спросите: а откуда это и есть ли документальные подтверждения? Нет. Исторические факты говорят совсем о другом. Но для тех, кто посвятил себя клевете на величайшего полководца Великой Отечественной, это неважно. Задача — опорочить его любым способом.

В общем, красный, советский, коммунистический военачальник-символ может быть в лучшем смысле только таким, как сказано выше. Вот белые — другое дело. Про белого снимают сериал совершенно иного звучания — «Адмиралъ», где Колчак, называемый во многих исторических источниках кровавым, изображен воплощенным верхом абсолютного благородства, которым надо лишь восхищаться. Ну как же: он-то из аристократии, а Жуков этот — из мужиков…

Или вот непосредственные враги «мужицкого» Маршала Советского Союза — немецкие генералы и фельдмаршалы, с которыми ему довелось сражаться. Тоже из аристократии. Так к ним просто поразительный возник интересу российских книгоиздателей за последние двадцать с лишним лет. Прилавки оказались буквально завалены книгами о гитлеровских вояках и переводами их мемуаров. При том, что этого никак не скажешь о наших, советских полководцах. Где, например, книги о том же Черняховском? Что знают люди, особенно молодежь, о других советских командующих, имена которых в свое время повторял весь мир?

Зато выходит шумно разрекламированный роман писателя Георгия Владимова «Генерал и его армия». Кто же он, этот генерал? Немец. Да к тому же, представьте себе, напрямую противопоставленный нашему Жукову. Чтобы сильнее выявить суть, я процитирую очень точную статью замечательного литературного критика-патриота Михаила Лобанова:

«Автор романа до крайности пристрастен в своих характеристиках героев, окарикатуривая одних и холуйствуя перед другими. Вот два полководца — русский маршал Жуков и немецкий генерал Гудериан. Маршал Жуков с „чудовищным подбородком“, с „волчьей ухмылкой“, „с улыбкой беззубого ребенка“, „с панцирем орденов на груди и животе“, со „зловещим голосом“ и т. д.

И как меняется тон разговора, переходя на умильное придыхание, когда речь заходит о Гудериане. Ну решительно идеал германца! Не завоеватель, вторгшийся в чужую страну со своей танковой армадой во исполнение преступного приказа фюрера, его плана по разгрому России, закабалению ее народа. Не жестокий пруссак, а некий благородный рыцарь воинского долга, вдохновленный идейной борьбой против „серой чумы большевизма“, добрый Гейнц, заботливый отец своих измученных в русских снегах солдат, поднимающий своей (довольно театрализованной) речью их „тевтонский дух“. Культуртрегер, призванный в собственном мнении открыть туземцам глаза на зло в их системе и общественной морали».

Вот какое параллельное изображение двух командующих высокого уровня (в сравнении, конечно!) предложено читателям. И тут, в романе, через соединение двух этих противостоящих образов явственно просматривается отношение к двум странам и разным общественно-политическим системам, которые они представляют.

Кто-нибудь может мне сказать: вот вы правильно написали, но не ушло ли теперь это все уже в прошлое? Ведь сильно изменилось за самое последнее время государственное отношение к патриотизму, ко многим героям, событиям и достижениям советского времени. В лучшую, дескать, сторону.

И вроде бы на самом деле что-то такое есть. Но… ох как далеко нам при этом до коренной справедливости! Несмотря на, казалось бы, оптимистичные и обнадеживающие заявления кого-то из высокопоставленных официальных лиц, которые иногда раздаются.

Двойственность и противоречивость — невыносимые! — сбивая с толку, мутят головы людям. У нынешних противников России зачастую, право, несравнимо больше определенности, нежели у государственных лиц внутри нашей страны. Скажем, демонтируя памятник советскому генералу армии Черняховскому, затеявшие это кощунство без обиняков заявляют: он «не отвечает польским государственным интересам». Позвольте спросить (хотя был, разумеется, официальный протест российского МИДа): ну а нашим государственным интересам он отвечает?

Может, вас удивляет такой вопрос, но я не могу его не поставить. Потому что сравнительно недавно с телеэкрана прозвучало поразившее меня заявление человека, который напрямую, не только для меня, ассоциируется сегодня с высшей властью России. Ведь он, знаменитый кинорежиссер Станислав Говорухин, давно и постоянно появляется рядом с Путиным, олицетворяя теперь в качестве ведущего деятеля путинский Общероссийский народный фронт.

Так вот, среди разных других вопросов задали ему на телеэкране и вопрос о Победе. Так сказать, о ее творцах.

— Народ, конечно, — с присущей ему размеренностью и вальяжностью ответил мэтр.

Если бы тем и ограничился он, не стал бы я про это писать. Стандартный по нынешнему времени ответ. Хотя, говоря предельно кратко, действительно же народ победил — советский народ, защищавший свое социалистическое Отечество.

Однако мэтр, выступавший в данном случае и как всем известный общественно-государственный деятель, решил к сказанному кое-что добавить. И добавил он следующее:

— Не эти же бездарные полководцы, положившие 27 миллионов…

Честное слово, мне в тот момент хотелось закричать. Потому что услышанное прямо-таки ударило по голове с ужасающей силой. Во-первых, знать должен бы Станислав Сергеевич, что более половины из тех 27 миллионов — не военные, а гражданские, мирные жители, погибшие не из-за «бездарности» командующих, а от жестокости фашизма. Ну а во-вторых…

Все советские полководцы — бездарные? Все до одного?! Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев, Кузнецов, Толбухин, Мерецков, Малиновский, Говоров, Черняховский… Вот уже больше года веду я в «Правде» эту рубрику — «Из когорты полководцев Великой Победы» — и, вникая в подробности их биографий и боевых дел, вижу, насколько все они разные и вместе с тем каждый по-своему одаренные. Недаром же многие операции, проведенные ими, теперь изучаются в военных академиях мира.

Бывали во время войны ошибки при назначении на высокие должности? Бывали. Но все-таки это не правило, а исключение. Иначе не победили бы. Народ нуждается в руководстве и организации.

Между тем я понимаю, откуда эта лихая размашистость у г-на Говорухина. Сила инерции. Множество лет подряд твердили они одно и то же. Ладно хоть не выговорил еще одно сакраментальное: победили, дескать, не благодаря, а вопреки. То есть вопреки руководству Коммунистической партии, Советской власти, вопреки И. В. Сталину…

Впрочем, фактически он именно это и сказал своей тоже пообтершейся некогда фразой о «бездарных полководцах». Подбирал-то и выдвигал их кто? Сталин. И понятно, при участии Компартии. Значит, это им от Говорухина уничтожающая оценка.

Но реальная, настоящая оценка и им, и выращенным их усилиями полководцам все же, согласитесь, в одержанной Победе. И от этого уже никогда и никому никаким ловкачеством не отвертеться.

На меня очень сильное впечатление производит всегда одно из признаний наших злейших врагов. Это запись в дневнике Геббельса, причем относящаяся уже к завершающему этапу войны. Не знаю, знаком ли с ней г-н Говорухин, но, поскольку она как раз на тему «подбора полководческих кадров», я ее здесь процитирую:

«Генеральный штаб представил мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги можно почерпнуть много такого, что мы упустили сделать в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт политико-революционной деятельности, являются убежденными коммунистами, чрезвычайно энергичными людьми, и по лицам их видно, что они имеют хорошую народную основу. В большинстве это дети рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. д. Короче говоря, я вынужден сделать неприятный вывод о том, что военная командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная…

Я рассказал фюреру о прочитанной мною книге Генштаба, посвященной советским маршалам и генералам, добавив: у меня сложилось впечатление, что с таким подбором кадров и с такими руководителями конкурировать мы не в состоянии. Фюрер полностью со мной согласился».

И еще важное добавление от автора дневника: говоря об идейной убежденности военных руководителей, Гитлер признал, что, в отличие от ослабевшей идейности немецких генералов, «советские генералы не только фанатично верят в большевизм, но и не менее фанатично борются за его победу, что, конечно, говорит о колоссальном превосходстве советского генералитета».

Советская Победа, которая вскоре будет одержана, неопровержимо это подтвердит.

Вторая казнь молодогвардейцев

Сразу скажу: я не удивляюсь, что какой-то части зрителей этот сериал понравился. Есть тому объяснения. Большинство молодых, конечно, не читали великий роман Александра Фадеева и не видели столь же великий фильм Сергея Герасимова, так что для них это — открытие самого факта существования «Молодой гвардии», историю которой изложили им максимально приближенно к современным боевикам.

Однако единственное, что можно считать неким открытием для нового художественного воплощения темы «Молодой гвардии», вовсе не есть открытие последнего времени. Я имею в виду, конечно, Виктора Третьякевича, который стал в сериале главным действующим лицом.

Да, в классических романе и фильме о «Молодой гвардии» этого не было и не могло быть, потому что Третьякевич, оговоренный на первом суде над краснодонскими пособниками фашистов в 1943 году, считался тогда предателем. Роман А. Фадеева писался и печатался буквально по горячим следам событий, и в 1946-м он уже вышел отдельным изданием. В 1948-м на экраны вышла киноэпопея С. Герасимова.

Впечатление от обоих произведений сегодня трудно передать — оно было в полном смысле потрясающим. Грандиозным! Одновременно в сотнях театров страны с необыкновенным успехом шел спектакль «Молодая гвардия». И главными героями как в книге, так и на сцене, экране были пятеро молодогвардейцев, удостоенных в сентябре 1943 года звания Героя Советского Союза: Олег Кошевой, Ульяна Громова, Иван Земнухов, Сергей Тюленин и Любовь Шевцова.

Не только с ними, конечно, встречались читатель и зритель. Но их имена в первую очередь олицетворяли для всей страны легендарную организацию, в которой состояли более восьмидесяти человек. Лишь немногие остались в живых — почти всех, как известно, после зверских пыток фашисты казнили.

Через 16 лет после трагедии, в 1959-м, состоялся судебный процесс еще над одним краснодонским полицаем — В. Подтынным. Выяснились некоторые новые обстоятельства, связанные с деятельностью и гибелью молодогвардейцев. Специальной комиссией, созданной после процесса, было установлено, что Виктор Третьякевич стал жертвой клеветы.

Посмертно его наградили орденом Отечественной войны I степени. Вышло много публикаций на эту тему, самая известная — документальная повесть журналиста «Комсомольской правды», а впоследствии «Правды» Кима Костенко «Это было в Краснодоне». Однако художественного изображения, равного классике Фадеева и Герасимова, не только тогда, но и за все последующие годы образ Третьякевича не получил.

И вот — дождались.

Можно было бы лишь порадоваться, что забытый герой появился на экране. Если бы делалось это чистыми руками и с чистыми помыслами! Но ведь уже тот многозначительный анонс о «подлинной истории» настораживал вопросом: насколько подлинной будет она по отношению к другим героям «Молодой гвардии», некогда прославленным, а за последнее время тоже фактически забытым? И особенно — каким предстанет перед нами Олег Кошевой?

Сериал в этом смысле превзошел наихудшие предположения. Стало ясно (по крайней мере, я так думаю), что и делался-то он в основном для уничтожения одного из самых знаковых имен в советской истории Великой Отечественной войны. Точно так же, замечу, и по той же причине было с Зоей Космодемьянской.

Вдохновители и создатели этого телеизделия сработали вполне по-геббельсовски: врать до оглушения. В первой половине сериала у них Олега вообще нет. Затем появляется некий франтоватый хлыщ, демонстративно отстраняющий себя от всего, что происходит в оккупированном городе. Уютный дом, заботливая мама. Причем заботливая как по отношению к сыну, так и к немцам, которые в доме поселяются. Есть явственный намек и на ее легкое поведение с этими немцами.

Согласно подлинной истории, в доме должна жить еще бабушка (сохранилась трогательная надпись Олега на его фотографии: «Дорогой голубке бабушке…»). Но в заданном контексте она была бы лишней, и ее «секвестировали».

Олега же конструируют поразительно нелепым в какой-то странной наивности, доходящей прямо-таки до глупости. И столь же странно мгновенное прозрение. Показывает ему Ваня Земнухов кучу трупов где-то в шахтном отвале, и он истерически падает чуть ли не в обморок. Для него, оказывается, это первое свидетельство фашистских зверств. Все в городе про эти зверства давно знают, а он один — нет. Удивительно — и возмутительно.

Да, крайнее возмущение испытываешь, видя всю эту реконструкцию убежденного комсомольца Олега Кошевого, одного из признанных руководителей «Молодой гвардии», в совершенно случайного и незначительного для нее человека. Обязательно надо было, возвысив Третьякевича, сбросить с пьедестала Кошевого?

Для тех, кто замышлял и делал сериал, — обязательно! Ведь после этого можно говорить о «советской подделке» (хотя оклеветали Третьякевича фашистские прислужники, а не Советская власть!); после этого как бы само собой перечеркивается очень многое, что волновало людей в связи с «Молодой гвардией» и обаятельнейшим Олегом, в том числе пронзительная книга Елены Николаевны Кошевой «Повесть о сыне». Охаяли мать вместе с сыном, не дрогнула рука…

Слово «боевик» к этому фильму вполне подходит. Погони, преследования, перестрелки — все как положено. Вплоть до самого нереального: например, спасаясь от немцев, Третьякевич может спрятаться с головой… в бочке с мазутом. К подлинным событиям такое вряд ли относится, но на что не пойдешь ради завлекательности.

Художественный домысел был и у Фадеева с Герасимовым. Однако там он, как правило, продиктован стремлением глубже раскрыть внутренний мир героев и придать больше выразительности их характерам. В данном случае господствует сугубо внешнее, а вот духовное содержание этих ребят остается неведомым. Но ведь в жизни они читали, думали, мечтали, у них были свои любимые герои. Кстати, в сериале Ваня Земнухов «перекликается» с Олегом персонажами из Фенимора Купера, хотя это свойственно скорее гимназистам дореволюционной поры. У нового советского поколения главные книги и герои были уже совсем другие.

— Когда мы снимались в фильме, много узнали о молодогвардейцах. Какие же они внутренне богатые и красивые! Это прежде всего мы и старались передать.

Так говорила мне на днях народная артистка СССР Инна Макарова, талантливо сыгравшая в картине Сергея Герасимова Любу Шевцову. А какой получилась она, «Любка-артистка», в новом сериале?

Режиссер Леонид Пляскин решил использовать возможности уже известной «сериальной» актрисы Катерины Шпица в основном, так сказать, эротически. Она — разведчица и выступает в офицерском кабаре перед немцами. Эстетические вкусы фашистов известны, и выступления «с клубничкой» вполне этим вкусам соответствуют. Причем их так много и они так тщательно отработаны, что выливаются в самостоятельную концертную линию, далеко уводящую от сути «Молодой гвардии».

Однако авторы, наверное, сочли это очень удачной находкой: как же, придает тяжелому сюжету пикантность, приятно смотреть… И последовало соответствующее продолжение: перед заключительными сериями Катерину Шпица и ее партнера по танцам в кабаре Юрия Чурсина приглашают в передачу «Ночной Ургант».

Торжество пошлости! По сюжету сериала впору минуту молчания объявлять, а тут — шуточки, хохмы, соленые двусмысленности. На глазах происходит уничтожение трагедии. Точно так же было, если помните, после сериала «Страсти по Чапаю».

Чего добиваются этим приемом на Первом канале? А вот чего: показали мы вам, дескать, всякие неприятные события из прошлого, но вы расслабьтесь, не воспринимайте слишком всерьез.

Закономерно вопрос возникает: а насколько всерьез подходят создатели таких сериалов к тому, что они делают? Таких, то есть с претензией на правдивый показ каких-то страниц советской истории. Как сами к ним относятся? Как воспринимают?

Излишне говорить, чем была «Молодая гвардия» для Фадеева, Герасимова и всей плеяды юных актеров, начавших с того фильма свой большой путь в искусстве. А для Пляскина и его группы? Даже не сравнивая уровень талантов, понимаешь: внутренний заряд не тот, не то вдохновение!

Достаточно вспомнить, как мощно звучала сцена клятвы молодогвардейцев у Герасимова и насколько буднично, невыразительно прошла она в сериале Пляскина. Или красные флаги, вывешенные комсомольцами Краснодона в канун 25-летия Великого Октября на восьми самых высоких точках города. Фильм 1948 года был черно-белым, однако впечатление создавалось сильнейшее. Теперь все в цвете, и флаги красные пришлось-таки показать, но вряд ли у кого дух захватит так, как тогда.

И в этом ведь не только мера мастерства и таланта. Здесь и отношение к поводу, по которому советские флаги над городом появились. Уйти от этого эпизода, одного из ключевых в истории «Молодой гвардии», было невозможно. Однако говорят в сериале не про 25-летие Октября, а про календарное 7 ноября, и только единожды мелькает упоминание Октябрьской революции. И уж конечно, не слушают молодогвардейцы по радио доклад Сталина из Москвы…

Нет в сериале духа времени, того особого комсомольского духа — товарищества, сплоченности, единства, который пронизывал и поднимал эпопею Сергея Герасимова. Оценивая актерские работы, можно выделить Никиту Тезина в роли Третьякевича. Однако он здесь сам по себе — индивидуум, супергерой. Мстит за любимую Соню, чьи часики как амулет носит на груди. А когда заходит речь об организации и кто-то из ребят говорит, что он еще не вступил в комсомол, Третьякевич бросает в ответ: «Это не важно».

Но мы-то знаем, что в реальной «Молодой гвардии» были временные комсомольские билеты и в комсомол принимали. Значит, для них это было важно. Олега Кошевого, который после провала организации пытался уйти из города, задержали, когда нашли у него комсомольский билет, зашитый в пиджаке.

Опустив почти совсем даже упоминания о комсомоле и Коммунистической партии, Тезину-Третьякевичу предложили зато своеобразный поединок индивидуумов — с фашистским полковником Ренатусом в исполнении Алексея Верткова. Это и психологическое единоборство, и соревнование на скрипках, и своего рода интеллектуальный диалог. Искусственность всего этого более чем очевидна, и она тоже фактически уводит от магистральной темы «Молодой гвардии».

Что же, режиссеру просто надо было чем-то занять время, прибегнув к фальшивой философской многозначительности? Или, может, нагромоздил это ради того, чтобы фашист вдруг заявил о своем уважении к Сталину, который «навел порядок в стране»? В современном контексте уравнивания Гитлера и Сталина заявление для кого-то весьма актуальное…

Давайте признаем: абсолютному большинству нынешних мастеров кино и телевидения не дано творить честных, правдивых и глубоко волнующих работ о советском времени. Очень точно сказал режиссер Карен Шахназаров: «В советском времени была великая идея». Многим сегодняшним творцам она чужда, а то и ненавистна. Чего же ждать? Вот и «Молодая гвардия» на сегодня останется пока больше «брендом» для молодежной организации «Единой России», нежели современным художественным памятником, достойным святых советских героев и мучеников.

Высокий свет звезды советской

«Герой или символ?» Так озаглавил одну из своих подборок, направленных на уничтожение Зои Космодемьянской, еженедельник «Аргументы и факты» в том году, который для Советской власти и Советского Союза стал последним.

Было очевидно: огонь ведется не только по знаковой личности, но через нее именно по Советскому Союзу и Советской власти. Огонь прямой наводкой и с флангов, грубой ложью и хитрыми подтасовками. Причем орудия вовсю действовали уже не «из-за бугра», а здесь же, на советской земле, в ее центре…

Поставив «или» между героем и символом применительно к Зое Космодемьянской, враги ловким экивоком хотели сказать: да не герой она — только символ героизма, который из нее сделали. Кто сделал? Понятно: коммунисты, советская пропаганда.

Вот такой на тот момент был выбран прием, сработавший, увы, в чьих-то головах.

Между тем истина в данном случае никакого «или» категорически не допускает! Потому что Зоя — это и настоящий герой, и символ, если понимать под ним не пустую надутую мнимость, а вершину, обобщение, самое концентрированное и впечатляющее выражение реального героизма.

Конечно, символ, а как же. Началась-то в народе ее слава, тогда еще безымянная, с чего? Старик-колхозник, видевший казнь девушки, почти девочки, в подмосковной деревне Петрищево и потрясенный виденным, рассказывал про это случайным встречным так: «Они ее вешали, а она речь говорила!..»

Старик тот, как и все присутствовавшие при казни, не знал и не мог знать имени взошедшей на смертный эшафот, но ему было ясно, что она — героиня. И это сразу же стало ясно военкору «Правды» Петру Лидову, случайно услышавшему рассказ о неизвестной жертве фашистов. Он и писал о ней сперва как о неизвестной, под тем именем, каким назвалась: Таня, Татьяна. Понимание было абсолютным, что писать надо немедленно.

И он это осуществил на одном дыхании. А появился в газете пронзительный его очерк «Таня» вместе с еще одним документом необыкновенной силы — снимком казненной девушки, который сделал Сергей Струнников, фотокор «Правды» и друг Лидова: вместе они погибнут 22 июня 1944-го, меньше чем за год до Победы.

Да, но в те дни, когда Зоя свершила свой подвиг и когда Лидов со Струнниковым поведали о нем стране и миру, до Победы было еще очень далеко. И я повторю то, о чем писал не раз: значение этого подвига и посвященной ему публикации в «Правде» для достижения Победы стало исключительным, воистину неоценимым!

У Сергея Кара-Мурзы есть актуальные размышления о глумлении над нашими святынями как главном инструменте «социокультурных реформ». Касается профессор и выбора объектов для глумления. Ему в Бразилии, где он читал лекции перед обществом психологов и психоаналитиков, объяснили, почему именно образ Зои Космодемьянской надо было испоганить, ведь имелось множество других героинь. А дело, оказывается, вот в чем:

«…Она была мученицей, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха (как, скажем, Лиза Чайкина).

И народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно ее выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И ее образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа. И те, кто над этим образом глумились, стремились подрубить именно эту основу».

Что тут скажешь? Психоаналитики, конечно, копают глубоко, и про опоры самосознания народа определили они верно. Только вряд ли уж такую решающую роль имело «отсутствие утешения от воинского успеха». Неужто, будь он больше, не вошла бы Зоя в «пантеон святых мучеников»? Да и отделение народного сознания от официальной пропаганды в случае с Зоей представляется абсолютно необоснованным. По-моему, как раз наоборот: здесь не отделение, не противостояние сознания народа и того, что названо пропагандой, а полнейшее совпадение.

Биография Зои Космодемьянской короткая. Географически связана она в основном с тремя точками, где сейчас есть музеи имени Зои. В селе Осино-Гай на Тамбовщине, ранее называвшемся Осиновые Гаи, замечательный директор волнующего музея Сергей Иванович Полянский покажет вам бережно хранимую колыбель, в которой качали родившуюся здесь нежную девочку по имени Зоя. А в селе Петрищево под Москвой Надежда Серафимовна Ефименкова поведет к обелиску на месте, где та девочка, едва дожившая до восемнадцати, приняла героическую смерть под именем Татьяна. Между началом жизни и концом — столичная школа № 201 (ныне гимназия), и тут возглавляющая памятную экспозицию Наталья Валентиновна Косова раскроет перед вами книги, которые брала в школьной библиотеке ученица Зоя Космодемьянская.

Я был в этом музее не раз, однако недавно, при последнем посещении, впервые показала мне Наталья Валентиновна библиотечный том 1938 года издания под названием «Женщина в гражданской войне». Сборник очерков о красных героинях я взял в руки с трепетом. И не только потому, что его держала в своих руках будущая героиня — первая женщина Герой Советского Союза в годы Великой Отечественной. Я ведь знал: именно здесь, в этом сборнике, прочла она очерк, сыгравший особую роль в том, что произойдет с ней вскоре после начала войны. Даже имя, которым назовется она, идя на подвиг, даст ей эта книга.

Мы в нашем поколении с детства знали: это имя — от Татьяны Соломахи, молодой учительницы, коммуниста, боровшейся

против белых на Кубани и казненной ими после страшных пыток. Так глубоко взволновала Зою ее судьба, что мысленно (еще до войны!) взяла Татьяну в пример, в образец себе. Наверное, думала: «Если и мне выпадет такое, буду как она». Собственно, про это писала ее мама Любовь Тимофеевна в своей исповедальной книге «Повесть о Зое и Шуре».

Да, я это знал давно и книгу Л. Т. Космодемьянской читал не единожды. Но самого очерка Людмилы Аргутинской, оказавшего столь сильное влияние на Зою, к стыду своему, не читал. И вот теперь, летом 2013-го, попросил руководительницу школьного музея Зои и Шуры снять ксерокопию с заветных страниц.

Поразительно! До чего же могут совпасть события, разделенные многими годами. В ноябре 1918-го белые ворвались в село Козьминское, где в тифу лежала Таня. Больную девушку бросили в тюрьму и пытали в надежде, что она выдаст товарищей. Один из ее учеников, приходивший вместе с друзьями к тюрьме, перед которой ежедневно и публично — для устрашения — ожесточенно избивали красных узников, рассказывает в очерке так:

«Ее пороли всегда первой, и ни одного из мужчин не били так жестоко. Ей мстили за то, что она не кричала, не просила пощады, а смело оглядывала своих палачей. Ее били за то, что она — учительница, образованный человек — ушла к большевикам и до последней минуты оставалась с ними.

… Избитую, окровавленную учительницу подняли с земли и поставили у стены дома. Она еле держалась на ногах. И опять меня поразило ее спокойное лицо. Я искал в нем страх, мольбу о пощаде, но видел только широко открытые глаза, пристально оглядывающие толпу. Вдруг она подняла руку и громко, отчетливо сказала:

— Вы можете сколько угодно пороть меня, вы можете убить меня, но Советы не умерли. Советы живы. Они вернутся к нам».

Скажите, ничто не напоминает вам эта ситуация и эти слова? Вы помните последние слова Зои перед смертью?

«Рябой, небольшого роста, с бельмом на правом глазу урядник Козлика со всего размаху ударил учительницу шомполом по плечу и рассек платье. А потом… крики смешивались со свистом шомполов и глухими ударами. Пьяная орда навалилась на беззащитное тело, била ногами, руками, прикладами.

Когда учительницу подняли, все лицо ее было залито кровью. Она медленно вытирала бегущую по щекам кровь. Мы подняли руки, замахали ими в воздухе, но Татьяна Григорьевна не заметила нас.

— Не больно? — задыхаясь от усталости и отходя немного в сторону, спросил Козлика. — Я тебя еще заставлю милости просить.

Тяжело дыша, учительница двинулась к уряднику и вдруг резко бросила ему в лицо:

— А ты не жди. У вас просить я ничего не буду».

Не так ли и Зоя выдержкой своей отвечала мучителям годы спустя? Совпадение поразительно во многом. Будто уже тогда, в 1918-м, предвиделось то, что произойдет в 1941-м. Вы прочтите:

«Наступала зима. Теперь Татьяну Григорьевну выводили на двор в одной рубашке. На худом, покрасневшем от мороза теле ярко выделялись синие кровоподтеки и красные полосы от шомполов. На спине — загнившие раны…»

Не Зоя ли это идет раздетая, босиком по заснеженной петрищевской улице, подгоняемая вооруженным врагом?

Ну и финал — последние строки рассказа о той, которая стала любимой Зоиной героиней:

«В раннее морозное утро белые за выгоном порубили восемнадцать товарищей. Последней была Таня.

У нее, еще живой, сначала отрубили руки, потом ноги и затем голову.

Верная своему слову, она не просила пощады у палачей.

Так могут умирать только большевики!»

Я специально привел такие пространные выдержки из довоенного очерка. Дело в том, что сегодня прочесть его нигде невозможно. Даже в солидном томе документов и материалов «Зоя Космодемьянская», изданном недавно Главным архивным управлением города Москвы и претендующем на определенную объективность, об этом очерке лишь вскользь упоминается. Причина? Яснее ясного: от большевиков, от идей Великого Октября и красных героев Гражданской войны Зою (как и других героев Великой Отечественной) хотят любыми способами отделить.

В предисловии к названному сборнику в общем-то верно сказано: «Человек отличается от животного тем, что имеет идеалы». Но какие идеалы были у Зои Космодемьянской и в целом у молодежи ее поколения? Давайте прямо скажем: коммунистические. Именно они в органическом единстве с патриотической идеей любви к Родине дали столь мощный результат — привели к Победе в самой страшной и действительно судьбоносной войне. Однако, вовсю говоря о патриотической составляющей, про коммунистическую сегодня предпочитают глухо молчать. Либо, что еще хуже, — неузнаваемо извращать.

Между тем однополчанка Зои по разведывательно-диверсионной части 9903, член ВКП(б) — КПСС — КПРФ с 1943 года Клавдия Васильевна Сукачева, с которой я дружу много лет, написала кратко и емко: «Нашим любимым фильмом был „Чапаев“, любимой книгой — „Как закалялась сталь“, любимой песней — „Каховка“».

В записной книжке Зои, где отразилась напряженная работа ее ума и души, конечно, есть знаменитые слова Николая Островского о том, что самое дорогое у человека — это жизнь, и о том, как надо прожить ее. Здесь же список с надписью «Читать», который открывают «Что делать?» — Чернышевского и Ленина. Много Маяковского и о Маяковском. Выписывает из него: «Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь».

При этом помнила и ленинское: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». В записях этой девочки поражает широта интересов, тяга к высокому и глубина его постижения. Как вдумчиво, с какими неординарными наблюдениями осваивает «Войну и мир»! Как стремится постигнуть, в чем оптимизм творчества Шекспира! А лермонтовское «Бородино» переписывает целиком.

С пророческими для нее строками: «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали!..»

Задание себе на лето 1941 — го начинается с Полного собрания сочинений Маяковского, а далее следуют Жорж Санд и Горький, Шекспир и Виктор Гюго, Алексей Толстой и Чехов, Шолохов и Новиков-Прибой… Если же заглянуть на другие страницы этой записной книжки, встретим Драйзера, Мопассана, О. Генри, Мериме, Мицкевича, Есенина, Льва Кассиля…

Вот уж, кстати, о Кассиле. Популярнейший тогда советский писатель для детей и юношества: согласно записной книжке, Зоя подряд несколько книг его прочла. А теперь в гимназическом ее музее Наталья Валентиновна Косова показывает мне статью Льва Кассиля, опубликованную в «Правде» 14 июня 1941 года. Об этой московской школе — 201-й! Оказывается, знаменитый писатель побывал здесь перед летними каникулами, написал статью под названием «Зеленый шум…», а «Правда» напечатала — ровно за неделю до начала войны!

Писатель восхищен школой. Ее педагогическим коллективом во главе с великолепным директором Николаем Васильевичем Кириковым. Ее учениками. Уникальным садом, который все вместе они сумели создать на неприглядном пустыре. Автору статьи не привелось встретиться с ученицей Космодемьянской, но он пишет о председателе учкома комсомольце Иване Белых — сыне штукатура и тоже мастере по штукатурной части, а еще о Лене Камском, который за год успел прочесть в библиотеке 138 книг. Рассказывает о зимнем лектории, собиравшем всегда переполненный зал на вечерах, посвященных Лермонтову, Пушкину, Горькому, Маяковскому, Суворову, Кутузову…

Читаешь это, и сразу возникает в памяти расхожая ныне ложь, будто Сталин вспомнил о Суворове и Кутузове лишь тогда, когда враг уже был на подступах к Москве. Нет, о подготовке к службе в Красной армии так или иначе говорит почти каждый материал правдинской страницы, выпущенной к начинавшимся каникулам в школах.

Пишет об этом и Сергей Михалков — лауреат Сталинской премии, писатель-орденоносец, как гласит подпись. Он пишет, предчувствуя вместе со всеми большую войну.

Но вот другое высказывание: «К 1940 году европейская Россия закончилась. Осталась Русь, Московия». Вас удивляет, откуда вдруг я это взял? Скажу: из официоза нынешней власти «Российской газеты» за 10 апреля 2013 года. Автор — тоже Михалков. Сын. Который Андрей Кончаловский.

У него на историю нашу вот какой взгляд. Был в России «малый русский народ», или «белый» — русские европейцы. Создатели культуры, заброшенные в страну дикарей. Так вот, дикари эти во главе, понятное дело, с большевиками тех «белых европейцев» к 1940 году и уничтожили…

Интересные все-таки сынки получились у автора советского Гимна! Он, этот самый Кончаловский, про последующий 1941 год умудряется как-то начисто забыть! А ведь тогда, 22 июня, именно столь любезная его сердцу Европа явилась к нам, чтобы дикарей «цивилизовать». Как это делалось, мы хорошо знаем. А Кончаловский не знает?..

Советская школьница Зоя Космодемьянская, комсомолка, коммунист в душе, и миллионы таких, как она, встали на пути «цивилизаторов». Белые, говорите? Ну да, те, кто против равенства людей, против справедливости, всегда считают себя более всех других, будь они хоть трижды грязно-коричневыми. Отчеканят на бляхе солдатского ремня: «С нами Бог» — и все в порядке…

Но кто был человеком истинной культуры, то есть, говоря языком Михалкова-Кончаловского, «настоящим европейцем» — Зоя Космодемьянская с ее богатейшим духовным миром, выращенная партией коммунистов, советской школой и всем строем советской жизни, или пришедший из центра Европы фашист, который надел петлю ей на шею?

Оказывается, ответ на этот вопрос, данный самой историей, не для всех является однозначным и окончательным…

Перед идеологами антисоветской России немало трудных задач, которые не поддаются внятному решению. Одна из них такая: как объяснить, что в Советской стране, объявленной исчадием ада, появилось вдруг столько героев, которых по прежним меркам в пору святыми провозглашать?

Сперва их попробовали дискредитировать прямой ложью, как это было и с Зоей Космодемьянской. Но правда сопротивлялась,

народная память тоже не хотела мириться с искажением до неузнаваемости образов, ставших родными. И тогда прибегли к другому приему.

Мне уже доводилось писать о передаче на Первом канале телевидения, подготовленной некоторое время назад ко Дню Победы и получившей название «Страна героев». Приглашение меня, журналиста «Правды», в эту передачу сильно удивило. Ведущим-то назначен одиозный Андрей Малахов, а что у нас с ним общего?

Убедили меня тем, что в центре передачи будет Зоя Космодемьянская. Подумалось: наверное, Зое потребуется защита. С этой мыслью пошел — и не ошибся.

Все получилось именно так. Более того, защищать пришлось не только Зою, а фактически всех наших советских героев. Против хитро, коварно выстроенной концепции, поставившей их под сомнение.

Нет, на сей раз не говорилось, что они не герои. Даже признавалось, что мы были страной героев. Но…

«Но лучше бы мы ею не были. Лучше бы просто жили, трудились, отдыхали, любили…»

Дословно воспроизвожу выступление одной из центральных участниц передачи, явно готовившееся как программное. И сразу стал понятен смысл двух кадров, еще до начала разговора высвечивавшихся в студии на боковых экранах. Это была Зоя под виселицей — известная фотография, снятая немецким офицером, а рядом — улыбающийся Сталин. Разумеется, его улыбка на совсем другом фото никакого отношения к сцене казни не имела, но соединение двух этих изображений придало начинающимся съемкам, а затем и передаче в эфире зловещий смысл.

Что следовало из нее? Герои, конечно, совершали свои подвиги, однако сами они были жертвами. Причем не столько жертвами фашистских захватчиков, обрушившихся на нашу страну, сколько той власти, которая против этих захватчиков их «послала». Обрекая на гибель. Да ведь во всем, что накручено вокруг великой войны за последние два с половиной десятилетия, уже далеко не каждый и разберется. Кто там был захватчик, а кто освободитель…

«Козырной картой» в том выпуске «Пусть говорят» стал для Малахова человек по имени Святослав Чуриков — двоюродный племянник Зои Космодемьянской.

— Вы считаете, образ вашей тети заслуживает такого пристального внимания? — обратился ведущий к мужчине средних лет, сидевшему за моей спиной.

Интонацией ясно давал понять: нет, не заслуживает.

Однако ответ последовал более витиеватый. Дескать, война была выиграна цепью подвигов народа, о чем говорилось долго и туманно, а что касается Зои… Тут напомнил этот Чуриков известный кадр кинохроники, где полностью деморализованный Гитлер обходит ряды немецких подростков, одетых в военную форму, когда советские войска уже близки к Берлину. Вот вам и параллель: не так ли посылали на смерть Зою и ее сверстников?

Напрасно кипела возмущением рядом со мной Клавдия Васильевна Сукачева, тоже оказавшаяся приглашенной на эту передачу. Ей хотелось во всеуслышание сказать, что не по приказу, а добровольно пошли они защищать Родину. Но ни Зоиной однополчанке, ни мне слова уже не дали. Мнение двоюродного племянника осталось главным и решающим.

Вот находят же подобных родственников! Судя по всему, один он такой сегодня в роду Зои Космодемьянской, но, наверное, именно поэтому слово ему предоставляется особенно охотно.

Даже в любовно составленной книге «Памятник матери», которую подготовила и выпустила недавно Екатерина Геннадьевна Иванова, увидел я заметку СВ. Чурикова «Тетя Люба». И каков же взгляд автора на мать Зои? Как воспринимает и трактует он личность Любови Тимофеевны Космодемьянской? А вот как: «Для меня она всегда была несчастным человеком, вынужденным смириться с официально узаконенной, полулживой историей станы».

Оказывается, смирилась во имя детей. Их светлой памяти. «Дети ее росли при „великом Сталине“, в эпоху первых пятилеток, строительства Днепрогэса, перелетов Чкалова, Белякова и Байдукова и помощи сражавшейся Испании. Они, Зоя и Шура, считали себя частью советского общества и менталитета — так же должна была теперь тетя Люба представлять их и всю семью в своем лице».

Значит, Зоя и Шура не были частью советского общества, а только «считали себя» таковыми? Значит, Любовь Тимофеевна тем более к тому обществу не принадлежала? Хотя ведь была советской учительницей и стала коммунистом. А любимый ее брат Сергей (кстати, дед Святослава Чурикова) был членом РКП(б) с 1919 года и позднее работал в аппарате ЦК ВКП(б), а сестра ее была близка по работе к Надежде Константиновне Крупской…

Все это и многое другое со счетов сбрасывается! Зато на первом плане — гибель свекра Любови Тимофеевна, отца ее мужа, священника, убитого якобы большевиками в 1918 году.

На слове «якобы» делаю ударение. Ибо самые тщательные мои расследования в Тамбове и Осино-Гае, где в храме Знамения Божией Матери служил отец Петр, не дали бесспорных свидетельств в пользу именно такой версии. А вот некоторые другие версии более доказательны. Об этом я подробно писал в своей корреспонденции «Есть в России Осиновые Гаи»,

опубликованной в «Правде» за 11–14 сентября 1998 года — к 75-летию со дня рождения Зои.

Прошло пятнадцать лет. Каких-то новых документов на сей счет, как я узнал, будучи теперь в Тамбовской области, не выявлено. Однако в 2004 году произошла церковная канонизация отца Петра как местночтимого святого мученика. Он действительно мученик, ибо смерть его, судя по всему, была насильственной. Но вот то, что она однозначно стала приписываться большевикам, по-моему, дань даже не политике, а политиканству. Знакомое стремление любым способом столкнуть или хотя бы развести судьбу героини и родной для нее страны, которая все-таки была в ее годы большевистской, социалистической, Советской…

Да, время идет, что-то меняется. Но все ли меняется к лучшему? Когда летом 1998-го я был в Осино-Гае, Сергей Иванович Полянский водил меня в дом Зоиных дедушки и бабушки — родителей Любови Тимофеевны, у которых внучка несколько лет подряд отдыхала во время школьных каникул, приезжая из Москвы. Теперь дома того уже нет.

— Вот видите, какие хоромы тут возвели, — с горечью говорит многолетний и преданный хранитель Зоиной памяти в ее родном селе.

Он, конечно, бился за сохранение исторического дома изо всех своих сил. Ведь в тех стенах была живая память: особое настроение охватывало, когда воочию представлялось, что именно здесь росла будущая героиня.

А школа, где она училась? Тоже сегодня уже не та. Здание, в классах которого прошли ученические годы Зои и Шуры Космодемьянских, закрыто «на ремонт». И будет ли оно когда-нибудь вновь открыто, для многих вопрос. Печально бродил я вокруг накрытых зеленой сеткой стен, над которыми, как мне показалось, витает дух обреченности.

Беспокоит и судьба дома Прасковьи Кулик в Петрищеве — того самого дома, где протекли последние часы жизни Зои. Здесь она перенесла жесточайшие пытки. Отсюда ушла на казнь. Разве кому-то не понятна совершенно особая значимость такого памятника? Однако нет никакой гарантии, что он будет сохранен…

Недавно, будучи на Прохоровском поле, президент В. В. Путин говорил о необходимости искать и открывать в архивах новых и новых героев войны, которые до сих пор остаются безвестными. Что ж, верно. Искать надо. Открывать надо. Но не забывать же при этом тех, кто уже много лет составляет славу Отечества!

А что мы имеем в последнее время? Правительственная «Российская газета» опубликовала данные, которые сама же назвала шокирующими. Это результаты исследования, проведенного Московским гуманитарным университетом на тему «Отношение современной молодежи к подвигу советского народа в Великой Отечественной войне». Опрос проводился среди студентов целого ряда российских городов, и вот что выяснилось: четверть из них ничего не слышали о Сталинградской битве, а половина не смогли назвать ни одного (!) героя войны.

Почему же так получается? Не потому ли, что подвиг был совершен советским народом, а современная молодежь — уже не советская? Как ни крути, сколько ни изощряйся, чтобы уйти от этого, а факт есть факт.

«Российская газета», комментируя данные социологов, замечает: «Вот тут и вспомнишь добрым словом советские уроки мужества, после которых худо-бедно, но на такие вопросы ответить мог каждый».

А я вспоминал, какие бои приходится выдерживать сегодня даже за употребление самого слова «советский». Вот вам пример из родных мест Зои. В Тамбове на одной из центральных улиц города продолжительное время был установлен транспарант со словами «Подвиг советского народа бессмертен!» Расположение неслучайное — поблизости памятник в честь танковой колонны «Тамбовский колхозник», построенной на средства здешних тружеников села в суровые военные годы. Так представьте себе, однажды последовало распоряжение изменить текст на транспаранте, чтобы там был просто народ — не советский.

Надо воздать должное тамбовским ветеранам: лозунг на красном кумаче они отстояли в соответствии с исторической истиной. Но ведь с острым чувством обиды за наших героев, за нашу Зою отмечаешь, как упорно искажаются и вытравливаются в посвященных им книгах, статьях, телепередачах важнейшие понятия, неотделимые от них, но ставшие ныне почти запретными для употребления в положительном смысле: советский, комсомолец, коммунист, Коммунистическая партия…

А без этого новым поколениям не понять, откуда вдруг взялся такой небывалый, массовый героизм в годы Великой Отечественной войны, каков главный секрет воспитания этого героизма. Я прочитал несколько сочинений о Зое, написанных в школах Тамбовской области и в московской гимназии № 201. Лучшие из них радуют искренностью: все-таки нравственная высота подвига покоряет молодых даже вопреки прагматической, эгоистичной и корыстной доминанте нынешней жизни. Однако мало кто при всем восхищении характером героини добирается до истоков его, до сути.

Молодец юная тамбовчанка Екатерина Ходаева, выделившая, пожалуй, самое основное: «Зоя любила читать книги, в которых автор зовет читателя не к своему собственному счастью, а к счастью всенародному, учит бороться за это счастье…»

О том же — десятиклассница Елена Фомина из Моршанска: «Любимым писателем Зои был А. Гайдар с его кристально чистым отношением к жизни, с идеей борьбы за всенародные интересы. Ее потрясла биография Н. Г. Чернышевского, и его жизнь стала для нее высокой мерой поступков и мыслей».

Но разве есть сегодня в школьной программе Чернышевский? Разве читают «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», того же Аркадия Гайдара и многое другое, на чем была воспитана Зоя? А если даже что-то читают, то на какую почву это теперь

ложится?

Меня поразило, например, в одном из сочинений следующее «открытие»: оказывается, при решении вопроса, зачислить Космодемьянскую в партизанский отряд или нет, секретаря Московского горкома комсомола А. Н. Шелепина «смущали ее происхождение и дружеские отношения Зои с опальным (?) писателем Гайдаром». Откуда же это взялось?! Поражаешься, но не удивляешься: предела нет причудливым нынешним фантазиям на темы советского бытия…

Имя Зои требует кристально чистого и самоотверженного отношения ко всему, что с нею связано. Для меня образец такого отношения — уже упоминавшаяся Клавдия Васильевна Сукачева, ее однополчанка и настоящий коммунист. Несмотря на более чем 90-летний возраст и тяжелое состояние здоровья, она подготовила недавно уникальный альбом с фотографиями и своим волнующим рассказом о боевых товарищах по воинской части особого назначения 9903, бойцом которой была Зоя.

А еще один образец, которым я искренне восхищаюсь, — коммунист, фронтовик, многолетний убежденный борец за честь имен И. В. Сталина и З. А. Космодемьянской Иван Тимофеевич Шеховцов. Волею судьбы он живет сейчас на Украине. И вот недавно произошло знаменательнейшее событие: украинским коммунистам удалось установить в Запорожье памятники Сталину и Зое Космодемьянской. Рядом. Глубоко символически. Помните, что Зоя сказала перед казнью? «Сталин придет!»

Так вот знайте: обе скульптуры изготовлены и установлены в значительной мере на личные сбережения коммуниста Ивана Шеховцова. В годы войны советские люди так же отдавали свои сбережения на строительство танков и самолетов. Во имя Победы.

Образ Зои, как и образ Сталина, зовет нас к борьбе за Победу сегодня.

Его называли советским святым

Советским святым назвал Николая Островского после встречи с ним потрясенный его подвигом французский писатель.

Что он имел в виду? Муки и страдания, переносимые этим человеком? Победу высочайшего духа над телом? Или веру коммуниста, которую ощутил как основу его великой победы?

Наверное, всё вместе. Сам француз Андре Жид, как и многие другие иностранцы, рвавшиеся тогда поглядеть на Островского и поговорить с ним, в коммунизм не верил. Вернувшись из Советского Союза, написал скверную книжку. Однако скованный полной неподвижностью, абсолютно слепой человек, постоянно преодолевающий жесточайшие боли и тем не менее сохраняющий поразительный оптимизм, остался для него явлением сверхъестественного чуда — настоящим святым. Удостоил его наивысшим в христианском представлении сравнением, которое кому-то может показаться неправомерным либо кощунственным, но на самом деле, если вдуматься, глубоко оправданно. Сегодня нам особенно стоит в это вдуматься.

— Скажите, — спросил Николая Алексеевича незадолго до смерти корреспондент английской газеты, — если бы не коммунизм, вы могли бы так же переносить свое положение?

— Никогда! — был ответ.

И в однозначной твердости, с какой это было произнесено, сконцентрировались вся глубина и неколебимость самого главного его убеждения, его веры, надежды, любви.

Обратите внимание: про коммунизм в тот раз его спросили. А он сам не разбрасывается походя этим словом, наивысшим для него, не употребляет всуе (как истинный христианин — имя Бога). В «Как закалялась сталь» оно звучит совсем редко — например, в ключевом вопросе, с которым обращается к Артему, брату Павки, матрос Федор Жухрай:

«— Как ты, братишка, насчет большевистской партии и коммунистической идеи рассматриваешь?»

Далее, когда надо, Павка предпочтет говорить просто об идее, и для него-то понятно, какая она, а также что она — одна. Он и любимой Тоне, очень сильно любимой, но с которой приходится рвать, скажет так: «У тебя нашлась смелость полюбить рабочего, а полюбить идею не можешь».

И в знаменитом «Самое дорогое у человека — это жизнь…» после долгого поиска в черновиках откажется все-таки от первоначального варианта концовки: «…чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за идею коммунизма».

Он напишет: «борьбе за освобождение человечества».

Но освобождение — от чего?

Прочитав книгу, поняв, насколько можно, автора и его героя, попытайтесь сами ответить.

В моем понимании наиболее точный ответ: от несправедливости.

И тогда, если говорить о том, борьбе за что без сомнений стоит отдать жизнь, что есть в первую очередь и больше всего для Николая Островского и Павла Корчагина идея коммунизма, ответить надо будет так: справедливость.

К нему, этому слову, сегодня обычно присоединяют другое — социальная. Но, может быть, если о коммунизме, то лучше без такого как бы ограничения?

Справедливость во всем! Это мечта народная от века, так неотступно и трепетно звучащая в прошедших сквозь время русских песнях, былинах, сказках.

А явление Христа, принятого потом всей ширью русской души? Разве не означало оно для униженных и оскорбленных знамения и обещания справедливости? Пускай хоть и не в этой, земной, жизни…

Но в этой тоже далеко не у каждого душа мирится с узакониваемой несправедливостью.

Из воспоминаний Д. Чернопыжского, школьного учителя Николая Островского: «…В Шепетовке было две школы: общественная гимназия и высшее начальное училище. В гимназии занимались только дети состоятельных родителей, потому что обучение там стоило дорого. Беднякам это было не под силу».

В главной книге Николая Островского с первых страниц остро передано именно духовное чувство униженности, бесправности и отверженности, возникающее у маленького еще по возрасту человека, судьбой поставленного в несправедливые условия существования. Он маленький лишь по возрасту, но не по самоощущению. И не столько Закон Божий как предмет, преподаваемый ему в училище, сколько, наверное, нечто изнутри самого себя поднимает в душе неосознанное и несформулированное, но с бесконечной горечью прочувствованное: как же это, если перед Богом все равны?

А то, что виновником несправедливого изгнания его из школы, положившего начало целой череде дальнейших

несправедливостей, становится священник (кстати, у самого Островского в детстве было похожее), способно только усилить это чувство. Если праведная проповедь на словах оборачивается неправедностью на деле, веры в такую проповедь не может быть.

Есть в книге о Павле Корчагине характерный эпизод. Заспорили комсомольцы в железнодорожных мастерских — «братва мазутная» — о том, что привычка сильнее человека. Кто-то как пример привел курение. Втянули в спор и электрика Корчагина.

«Он сказал то, что думал:

— Человек управляет привычкой, а не наоборот. Иначе до чего же мы договоримся?»

Но… убедительный вдруг следует отпор. Да, да, весьма убедительный!

«Цветаев из угла крикнул:

— Слово со звоном. Это Корчагин любит. А вот если этот форс по шапке, то что же получается? Сам-то он курит? Курит. Знает, что куренье ни к чему? Знает. А вот бросить — гайка слаба. Недавно он в кружках „культуру насаждал“. — И, меняя тон, Цветаев спросил с холодной насмешкой: — Пусть-ка он ответит нам, как у него с матом? Кто Павку знает, тот скажет: матершит редко, да метко. *Проповедь читать легче, чем быть святым».*

Это я от себя выделил последнюю фразу, но не сомневаюсь: Островский, когда писал, тоже мысленно ее выделял. Потому что в ней и за ней — очень многое и очень важное. Впрочем, давайте пока вспомним, что последовало дальше в той сцене:

«Наступило молчание. Резкость тона Цветаева неприятно подействовала на всех. Электрик ответил не сразу. Медленно вынул изо рта папироску, скомкал и негромко сказал:

— Я больше не курю. Помолчав, добавил:

— Это я для себя и немного для Димки Цветаева. Грош цена тому, кто не сможет сломить дурной привычки. За мной остается ругань. Я, братва, не совсем поборол этот позор, но даже Димка признается, что редко слышит мою брань. Слову легче сорваться, чем закурить папиросу, вот почему не скажу сейчас, что и с тем покончил. Но я все-таки и ругань угроблю».

Оговорюсь, что в воспоминаниях шепетовского учителя Дмитрия Григорьевича Чернопыжского, на которые я уже ссылался, сказано: «…В ту пору некоторые ребята матерщинничали. От Островского же я никогда не слышал мата, в трудные минуты он только говорил:

— У, едят тебя мухи!»

Вполне вероятно, что и позднее школьных лет самому Островскому не приходилось преодолевать такую привычку, поскольку он ее не имел. Но он имел полное моральное право написать такую сцену, потому что на личном его счету были преодоления (не одно и не два!) куда серьезнее.

А ведь суть написанного в чем? Да, проповедь читать легче, нежели быть святым, это совершенно верно. Однако если уж ты читаешь другим проповедь (или, даже не говоря вслух, внутренне нечто высокое исповедуешь), то сделай над собой усилие, чего бы это тебе ни стоило, как бы трудно ни было, но — соответствуй. Стремись соответствовать!

Кто бы поверил слову Христа, не будь оно подтверждено его жизнью?

Кто бы пошел за коммунистами тогда, в революцию, не подкрепи они, лучшие из них, провозглашаемую веру собственным примером?

Вера в праведность и справедливость требует обеспечения собственным твоим делом, каждодневным поведением, твоими поступками. И если высота их, нравственная, духовная, будет близка к идеалу, тебя могут назвать святым, как назвал Островского писатель из Франции.

Островский в жизни и Корчагин в романе задачи стать святыми перед собой не ставят. Напрямую — конечно, нет! Да святые и вообще-то из лексикона, для того времени и тех людей ушедшего в прошлое. А идеал, как известно, в абсолюте недостижим.

Значит, не может быть абсолютной праведности и полной справедливости?

Но стремление, стремление к ним поднимает человека и общество! Не произнося столь высоких слов и даже, возможно, в мыслях их не имея, истинно исповедующий коммунистическую (равно — христианскую) веру делает над собой те усилия, которые его делают лучше, чище, выше.

Чем больше усилия, тем выше подъем. Духовный и нравственный подъем Павла Корчагина и Николая Островского идет от глубоко прочувствованной величайшей несправедливости к саможертвенности в борьбе с этим злом, как к высшему подвигу, каким, собственно, и становится их жизнь.

«Нет больше той любви, как если кто положит свою душу за други своя». Это христианская заповедь.

«Я за этот образ революционера, для которого личное ничто в сравнении с общим». Это говорит Корчагин в романе

Островского.

И он, этот герой, как и создавший его писатель, не только так говорит. Они оба живут так! Ну, может, категоричное «ничто» — преувеличение, все-таки в жизни полностью личное от себя не оторвать, да полностью и не надо. Но вот то, что они могли, когда надо, подниматься над личным во имя общего, — это факт. И это стало наиболее убедительным доказательством истинности их веры.

Есть вера для храма и вера для жизни, вера для проповеди и для собственных поступков. Хорошо, когда то и другое совпадает. Но совпадает, как мы знаем, далеко не всегда.

Христос посоветовал богачу, «чтобы иметь жизнь вечную», раздать нищим свое богатство, и это записано в Евангелии. Однако многие ли имеющие богатство и вроде бы верующие в Святую книгу своей вере на деле следуют?

Коммунизм тоже предлагает коммунистам веру, следование которой в жизни невозможно без внутреннего напряжения и без усилий над собой. Заботиться не только о «моем», но и об общем, поступаться, если надо, «моим» и самоограничиваться ради общего — это нелегко. И общество, строившееся по коммунистической вере, требовало от людей определенного нравственного и духовного напряжения. Не потому ли многие возжелали иначе жить, что этого напряжения не хотели? Но к чему приводит «облегчение» духа и совести, мы теперь очень наглядно видим…

Конечно, нынешнее наступление против коммунизма, в какую бы фразеологию ни облекалось, по сути есть прорыв антидуховности и бессовестности. Деньги заменяют всё.

Где же в таком обществе место Николаю Островскому и его книгам?

Да, места им тут нет. Островский забыт. «Как закалялась сталь» не переиздается и в школах не изучается.

Но ведь это особая книга — величайший подвиг человеческого духа!

Вот свидетельство поэта Николая Тихонова во время войны: «Как закалялась сталь» сделалась «своего рода Евангелием… Ее читают и перечитывают во всех ротах и батальонах…»

В записной книжке Зои Космодемьянской — выдержки из «Как закалялась сталь». Эта книга формирует будущую героиню.

Мать Олега Кошевого вспоминала, что книга Островского всегда была у ее сына под рукой. Она стояла так, чтобы в любой момент ее можно было снять с полки, «если потребуется зарядка».

Вот оно! Значит, в книге есть то напряжение, от которого люди духовно заряжались, воспринимая огромную внутреннюю силу, необходимую для преодоления самого невероятного и для свершения, казалось бы, невозможного. Без преувеличения можно сказать, что поколение Великой Отечественной, поколение победителей было воспитано на этой книге.

А особость ее проистекает, кроме всего прочего, из неразрывной соединенности автора и героя.

И книгу Островского — конечно же, художественное произведение талантливого писателя — делает стократ более мощной вот эта реальность судьбы ее героя, в основе которой, мы знаем, не менее драматическая и героическая реальная судьба самого автора.

Да какое там «не менее», если на многих страницах его жизни даже более! И это мы тоже должны знать.

Самый, может быть, пронизывающий эпизод в «Как закалялась сталь» — прокладка комсомольцами железнодорожной ветки от станции Боярка к Клеву, чтобы дать городу дрова. Работа на пределе сил, дожди, а потом и морозы. Леденящий холод. В романе Рита Устинович присылает Корчагину теплую куртку, а Федор Жухрай дарит валенки, и автор заставляет Павла это принять. А в жизни? Читаю о Боярке у Д. Чернопыжского: «Островский простудился, что называется, капитально. Узнав об этом, Дмитрий (брат. — *В. К.)* прислал ему валенки. Вы думаете, Николай надел их? Как бы не так! Он наотрез отказался и вернул их брату. Больше того, Николай обиделся — это ударило по его самолюбию: у других ведь валенок не было, что он, слабее ребят?»

Или еще. Из письма Островского Анне Караваевой, главному редактору журнала «Молодая гвардия», когда первый его роман готовился здесь к печати: «Ты пишешь, что „много болезней“, а Корчагина ведь резали девять раз, мною же записано три, и все же я чувствую, что это много». Не преувеличивал он по сравнению с реальностью, а даже где-то приуменьшал. Беспокоился (в том же письме А. Караваевой): «Вообще же автобиографическая повесть мучительно трудная вещь. Ведь тысячи могут указать пальцем и произнести: „Ты создал сверхгероя, которого в жизни вообще не бывает“, и если под этим героем кое-кто подразумевается, то можно себе представить переживания автора».

Переживания связаны с тем, что он-то знал: его «сверхгерой» — реальность, но поверят ли читающие? Убедит ли их (опять цитирую его письмо А. Караваевой) «показ одного из большевиков, Павла Корчагина, и его товарищей такими, какими они были на самом деле, без выкрутасов»?

Убедил! Потому что настоящее не может не убедить. А он был настоящим не только в жизни своей, но и в том творчестве, которое стало последним партийным его заданием самому себе, последним и, наверное, самым трудным его жизненным преодолением. Во всех своих предыдущих занятиях далекий от литературы молодой человек, как и его герой — кочегар,

электромонтер, боец, комсомольский и партийный работник, — в двадцать лет (!) ставший инвалидом, отдавая всего себя служению великой идее, он создает книгу, равных которой по силе воздействия в мировой литературе немного.

Потому что она — больше, чем литература.

И критики, литературоведы, исследователи-профессионалы будут биться над разгадкой силы ее воздействия. Написанная непрофессионалом, она явила в авторе нечто гораздо большее, нежели обыкновенное писательское умение, и заставила буржуазных журналистов, когда первый перевод «Как закалялась сталь» появляется в Англии, признать: «Он в определенном смысле гений».

А один из лучших советских литературоведов об этом же, по-моему, достаточно точно написал так: «Он выплеснул себя в проповедь, которая проняла миллионы».

Выплеснул себя… Было что выплеснуть, и он сделал это предельно искренне, серьезно, с максимальным душевным и духовным напряжением. Без капли лжи и малейшей фальши. По-настоящему. Как и жил.

Тиражи книги уже очень скоро достигли миллионов экземпляров. Книга утверждала справедливость человеческих отношений и праведность в человеке.

Он года не дожил до возраста Христа. Завершил свой подвиг, когда было ему всего тридцать два.

Их время не прошлое, а будущее

Есть имена, олицетворяющие собой целую эпоху. Таково имя Алексея Стаханова. О том, что совершил простой шахтер Донбасса Алексей Григорьевич Стаханов, знала в свое время не только вся наша страна — знал мир.

Я написал «простой», и это было действительно так, поскольку до той исторической ночи с 30 на 31 августа 1935 года он, забойщик шахты «Центральная-Ирмино» в горняцком городе Кадиевка, ничем особенным не выделялся среди своих товарищей.

Но в эту ночь он совершил то, что, казалось, было абсолютно невозможным: за одну смену добыл отбойным молотком 102 тонны угля, перекрыв норму выработки в 14 раз! Мало кому до тех пор известный рабочий установил мировой рекорд производительности труда. И вскоре имя его облетит Советскую страну от края до края, дав название движению поистине великому — стахановскому движению.

А вот в сегодняшней России это движение и его родоначальник забыты. Справедливо ли? Случайно?

Нет, конечно же, не случайно! Расскажу сейчас об одном эпизоде, который на многое раскрывает глаза. Когда горбачевская «перестройка», набирая все большие обороты, стала поворачивать в неожиданную для многих сторону, когда начали все яснее проявляться фальшь и коварная обманность провозглашенного лозунга «Больше демократии, больше социализма!», главным редактором к нам в «Правду» вместо испытанного и твердого коммуниста Виктора Григорьевича Афанасьева был прислан Иван Фролов — верный помощник Горбачева и Александра Н. Яковлева. Так вот, курс, который ему поручено было проводить, стал вполне очевиден после этого происшедшего вскоре эпизода.

А случилось вот что. В отсутствие Фролова газета напечатала очерк об Алексее Стаханове. К этому времени уже развернулась вовсю на телевидении и в «демократической» прессе кампания по «разоблачению» советского прошлого, под уничтожающие колеса которой попал и Стаханов, ушедший из жизни в 1977 году. Мы, то есть большинство правдистов, намерены были защищать нашу историю и ее героев, однако Иван Тимофеевич, как оказалось, имел совсем другое задание. Вдобавок по возвращении из зарубежной поездки он, видимо, получил за этот очерк основательный выговор от одного из своих патронов, поскольку учиненный им самим скандал в редакции был поистине грандиозен.

— Вы думаете, что делаете? — кричал новый главный, чуть не топая ногами и потрясая номером газеты.

Что ж, мы поняли, почему возмущается ставленник Горбачева. Рад он был бы другому: если бы вместо этого очерка напечатали «разоблачительный» материал о Стаханове. Кстати, очередной такой материал и не замедлил появиться (как отклик на публикацию в «консервативной» «Правде»!) — на первой странице быстро желтевшей и уже откровенно антисоветской к тому времени так называемой «Комсомолки».

Да, уничтожение социализма в нашей стране и Советского Союза, который был добит в Беловежской Пуще, началось с уничтожения советских символов. А Стаханов, безусловно, принадлежит к самым выдающимся из них.

Послушаем Алексея Григорьевича про начало его жизни: «Я был сыном бедного крестьянина из деревни Луговая Ливенского уезда Орловской губернии. Мы имели клочок земли в четыре десятины, а семья — пять ртов (отец с матерью да нас, ребят, трое). В детстве не помню ни одного светлого дня…»

Отца Стаханова в 1914 году забрали на фронт, и домой он вернулся лишь в 1919-м. В одиннадцать лет Алексей уже вынужден был работать подпаском, чтобы хоть как-то подсоблять матери и двум сестрам. Затем батрачил у кулака, надеясь купить гнедого коня. Больше года кулак удерживал из заработка парня деньги за гнедого, а потом выгнал, не вернув денег и не дав обещанного коня.

А ведь конь был заветнейшей мечтой всех безлошадных крестьян и его, Алексея, — тоже. Я почувствовал это из рассказа самого Стаханова, когда встретился с ним. Произошла та встреча уже в 1971 году, то есть много лет спустя после громкого его рекорда, — в городе Торезе Донецкой области, где 65-летний горняк работал помощником главного инженера в шахтоуправлении № 2-43 комбината «Торезантрацит». Понятное дело, направлялся я к нему, чтобы поговорить в первую очередь, как всё тогда начиналось. Спросил, что привело его на шахту. И он сразу вспомнил давнюю мечту свою, сказав заметно дрогнувшим голосом:

— Знаете, честно говоря, я же на шахту приехал, чтобы… подзаработать на коня. К этому все мысли сводились. Подзаработав, собирался вернуться обратно в деревню. Да вот получилось иначе…

Как получилось — это и есть самое главное в его судьбе, крепко соединившейся с трудной, но героической судьбой Советской страны в предвоенные 30-е годы. Страна продолжала строить новую жизнь. Однако многим было понятно: война обязательно будет.

Сталин верно сказал в начале 30-х: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Обратите внимание: это было сказано в 1931 году. Ровно за 10 лет до 1941 — го. «Время, вперед!» — таким стал главный призыв пятилеток индустриализации, когда небывалыми темпами создается экономическое и оборонное могущество державы.

Ускорить время, обогнав привычный календарный ритм, — с такой мыслью (а уже не о заветном коне) идет на свой рекорд Алексей Стаханов. Он сам говорил мне:

— На перекрытие плана шел уже другой человек, с иным сознанием…

В чем изменилось оно? Кто его изменил? Газета «Правда», главная газета страны, которая первой сообщила в короткой оперативной заметке о неслыханном достижении кадиевского забойщика товарища Стаханова, потом в развернутых материалах специального корреспондента назовет и еще одно имя — парторга шахты Константина Петрова. Он, как расскажет «Правда», светил своей лампой Стаханову в ту ночь в забое.

И верно, так было. По-своему, согласитесь, тоже символично.

— Однако суть не только в этом, — покачав головой, добавит Алексей Григорьевич, когда вспомню я в нашей беседе эту интересную подробность из газеты. — Парторг, можно сказать, душу мне осветил — вот что главное. Он, Константин Григорьевич Петров, и другие коммунисты помогли малограмотному парню из орловской деревни совсем по-другому увидеть цель и смысл жизни! А то, что лампой он светил, когда заступил я на ударную смену, — так всё это стало уже результатом большой подготовительной работы…

За это, между прочим, и цеплялись «разоблачители»: дескать, всё было подготовлено и организовано. По приказу сверху. А никакой, мол, особой заслуги самого Стаханова просто не было.

Подготовлено и организовано? Да! И в этом был стратегический замысел парторга шахты, решившего на деле проверить и показать, что же конкретно может дать новая, с двумя крепильщиками, организация труда. Однако Стаханову предстояло проявить не только физическую силу и выносливость, но и самое совершенное владение новой для того времени техникой — отбойным молотком.

Сначала-то у него не очень с этим получалось. А вот теперь, пройдя курсы забойщиков, изучив механизм до тонкости, он уверенно пошел на достижение рекордной производительности труда.

«Молоток играл в руках, глубоко врезаясь в пласт и отваливая глыбы угля, — расскажет он после журналисту „Правды“ о той незабываемой ночи и о своих ощущениях. — Незаметно, в напряженном, но бодром и радостном труде прошли 5 часов 45 минут… Когда труд в удовольствие — не чувствуешь усталости. Казалось, я мог согнать лаву еще раз, если бы хватило леса. Но крепить уже нечем было. Да и время смены истекало. Вслед за гружёной партией мы направились к стволу…»

Может быть, журналист здесь что-то приукрасил за шахтера? Если так, то лишь в словах. Но, уверен, не в чувствах рабочего, преобладающим из которых, несомненно, была радость. И рождена была она не только уверенным овладением техникой, но и чем-то гораздо большим. «Труд в удовольствие» — это труд не для «хозяина», который его присвоит, а для страны, где ты сам хозяин. Вот сознание этого, по-ленински утверждавшееся в рабочих людях партией коммунистов, и поднимало радостное чувство: «Мой труд вливается в труд моей республики».

Помню, рассказывала мне старейшая советская журналистка Елена Николаевна Микулина, много писавшая об ударниках и стахановцах, как в 1929-м ее, совсем юную тогда, поразило небывалое. При обсуждении только что напечатанной в «Правде» статьи Ленина «Как организовать соревнование» на заводе сельскохозяйственного машиностроения в Люберцах рабочие (нашлись же такие!) сами предлагали снизить расценки, считая их завышенными. Вот подобные жизненные факты и стали знамением совсем нового отношения труженика к труду, человека к обществу и, соответственно, общества — к человеку.

Сколько угодно можно злобствовать нынче, поливая грязью то время и тех людей, доказывая, будто не было никакого трудового энтузиазма, а лишь один сплошной ГУЛАГ. Реальные дела Стаханова и стахановцев убедительно опровергают это! Девять тысяч новых предприятий, созданных в стране за десять предвоенных лет, — вот реальность, которая опровергает выдумки и ложь (сравните, а что создано почти за пятнадцать лет в «новой» России?). В конце концов, опровергает Великая Победа, которой не могло бы быть, если бы не было того массового трудового энтузиазма стахановцев. Именно массового! Важнейшую роль этого вынужден будет признать во время войны даже самый главный враг нашей страны. «И было бы глупо высмеивать стахановское движение, — скажет Гитлер. — Вооружение Красной армии — наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души».

Как развернулись события вслед за рекордом Алексея на родной его шахте «Центральная-Ирмино»? Шахтпартком уже утром принимает постановление, в котором записан важный пункт: «Всем участкам посменно проработать опыт Стаханова».

Всё так и происходит! Уже в ночь с 3 на 4 сентября, работая по новому методу, партгрупорг участка «Никанор-Восток» Мирон Дюканов перекрыл рекорд Стаханова — вырубил 115 тонн угля. А 5 сентября мировой рекорд добычи угля переходит к комсомольцу Дмитрию Концедалову: его результат — 125 тонн. Значит, рекорды не случайность. Значит, такие высокие показатели доступны не одному, а многим. И 7 сентября партком шахты обсуждает вопрос о переводе на новые методы работы уже всего коллектива участка «Никанор-Восток».

А Стаханов тем временем не собирается сдавать свои позиции. Он устанавливает 9 сентября новый рекорд — 175 тонн угля за смену. Затем третий — 227 тонн и четвертый — 340, чем снова и снова подтверждает незаурядное свое рабочее мастерство.

Однако начатое им движение очень скоро пойдет дальше родной шахты и даже значительно дальше всего Донбасса. Шире всей

угольной промышленности! На Всесоюзное совещание стахановцев, которое соберется в Москве в ноябре того же 1935 года, приедут уже более трех тысяч человек со всей страны, представляя многие промышленные отрасли. Вслед за самим Стахановым, который выступит первым, здесь в течение четырех дней будут говорить с трибуны Петр Кривонос — железнодорожный машинист, Александр Бусыгин — кузнец недавно построенного (всего за восемнадцать месяцев!) Горьковского автозавода, ивановская ткачиха Дуся Виноградова, московский обувщик Николай Сметанин и другие рабочие самых разных профессий.

В заключение выступит Сталин. Он скажет о том, что стахановское движение войдет в историю социалистического строительства как одна из самых славных ее страниц. И о том, что движение это выражает новый этап социалистического соревнования, связанный с овладением новой техникой. А говоря о корнях, истоках стахановского движения, подчеркнет: «Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы».

Ну а что теперь? Мы во многом вернулись назад, в достахановское, досоветское время. И уже невозможно по-сталински сказать, что труд у нас — дело чести и славы, дело доблести и геройства. Не рабочий — герой этого времени, да и вообще не труженик. Герой тот, у кого самые большие деньги. А как они приобретены, вроде бы не имеет значения. Мало того, какой-нибудь Фридман, Чубайс или Абрамович может нагло заявить: «Я заработал в этом году…» Он — заработал!

Перефразируя Сталина, скажем: люди работают у нас нынче на эксплуататоров, для обогащения тунеядцев. Причем истинно трудящихся не только обкрадывают — им могут месяцами даже совсем ничего не платить! И скажите, когда последний раз вы видели на телеэкране рабочего или крестьянина? Воров и бандитов — пожалуйста, а человек честного труда им не интересен. Так что не ему почести, не о нем песни и фильмы, не его праздники отмечает не его государство.

Рыночная экономика, а четче говоря — капитализм, не приемлет героев социализма.

Но не может быть, скажу в заключение, чтобы реальность таких людей, живших на земле, осталась бесследной, навсегда ушла. Да, наверное, Стаханов и стахановцы самим явлением своим опередили время. Но я уверен: их время для нашей страны (да и для всего человечества!) — не прошлое, а будущее.

Необоримость духа и совести

Юрий Бондарев был и остается советским человеком. Когда другие переворачивались на 180 градусов, демонстративно подчеркивая, что у них теперь нет ничего общего с идеями, которыми наша страна жила более семидесяти лет, его стойкость восхищала. В преддверии катастрофы он художническим своим чутьем ощутил ее приближение и с трибуны XIX партконференции уподобил страну поднятому в воздух самолету, который ведущие не знают, куда посадить.

Впрочем, знали. Потом стало понятно: не просто небрежность допустили те ведущие — они пошли на сознательное предательство, что для него, солдата, есть наитягчайшее преступление. И конечно, не мог он принять из предательских рук награду, отпущенную ему к 70-летию. Отверг публично орден от Ельцина.

А несколькими днями раньше мы встретились тогда в Союзе писателей России на Комсомольском проспекте. Он руководил этой большой организацией и в августе 1991-го возглавил товарищей, когда пришлось чуть не с боем отстаивать писательский дом от захвата разъяренной «демократурой». Тема предательства, измены стала одной из главных в той нашей беседе, тоже предъюбилейной, двадцать лет назад.

И вот пролетели годы. За это время было у меня с ним много встреч. По разным поводам, радостным и печальным. Зная, что он, несмотря на возраст, каждодневно и упорно работает, избегал лишний раз его беспокоить. Тогда он звонил: «Что-то давно вас не слышно?»

Когда же возникла впереди столь серьезная дата — 90-летие, просто не мог я не напроситься к нему в гости, зная, что многие читатели (тоже по-особому!) ждут его слова.

Итак, ростепельный сероватый день в середине февраля. То ли дождь, то ли снег с утра. Мокнут ели в подмосковном поселке, который по привычке называется писательским, хотя писателей здесь уже почти не осталось. Неподалеку от бондаревской дачи, я знаю, находится участок, где жила и покончила с собой в 1991-м фронтовая медсестра Юлия Друнина, выдохнувшая на прощание:

Как летит под откос Россия,Не могу, не хочу смотреть!

Сколько раз в наших разговорах с Юрием Васильевичем возвращались мы к этой трагедии, ставшей одной из знаковых для времени уничтожения Советской страны…

А ему дано вытерпеть, выдержать, выстоять. Не для того ли, чтобы уже после своих семидесяти в романе «Бермудский треугольник» и в повести «Без милосердия» создать потрясающий образ проклятых девяностых, когда страна и люди ломались через колено, когда губилось все лучшее, а зло торжествовало и хохотало?

Девяносто лет… Большая жизнь большого писателя. По дороге к нему на сей раз я прикидывал, что родился он меньше чем через два месяца после кончины Ленина, то есть все последующие годы становления, защиты и величия Советского Союза, созданного Лениным, стали частью его биографии. Долг перед родной страной вел его по жизни, и он с чистой совестью может сказать, что от долга не уклонялся. Пароль верности и мужества — Сталинград определит не только тему одного из самых сильных его произведений, но и в целом характер отношения к литературному труду как к главному делу жизни, неотделимому от интересов и забот Родины.

Если представить мысленно все, что написано им, складывается впечатляющая панорама бытия страны за семь десятилетий. Своего рода художественная история в романах и повестях, где «Горячий снег» и «Последние залпы» сменяются «Тишиной», а затем наступают «Берег» и «Выбор», влекущие за собой «Игру», «Искушение» и, наконец, трагический «Бермудский треугольник»…

Творчество его, как и жизнь, хронологически делится надвое — советский период и время уничтожения всего советского. При этом не отпускают писателя с невероятной остротой стоящие вопросы: что же с нами произошло, что происходит? Он даже напрямую выносил их в заголовки своих публицистических статей, и ни одна беседа наша так или иначе без обращения к роковым вопросам о судьбе страны и народа не обходилась.

… Вот о чем думал я, подъезжая к даче, где они с женой ныне живут круглый год. Встречают радушно оба. Он подтянутый и энергичный, как всегда: день по-прежнему начинает с зарядки. А Валентина Никитична, подруга его верная на всю жизнь, сразу же старается создать самые благоприятные условия для делового нашего разговора. Который, замечу, начинается почти с порога.

Предательству нет оправданий.

Да, я спрашиваю, смотрел ли он по телеканалу «Россия 1» фильм «Биохимия предательства», показанный вечером накануне. Оказывается, смотрел.

— И какое впечатление?

— Двойственное. С одной стороны, конечно, хорошо, что телевидение показывает фильм о Власове и власовщине отнюдь не в однозначно позитивных тонах, как было, по существу, всю последнюю четверть века, когда апология предательства стала чуть ли

не нормой в нашем обществе. А с другой… Знаете, не хватало мне четкости и резкости в оценке этой фигуры. Если хотите, не хватало мужских интонаций, настоящего гнева!

Когда возникает и маячит на экране лицо предателя, изменника, причем явного, которому нет и не может быть оправданий, разговор о нем следует вести предельно жестко. Это было в комментариях Юрия Жукова, которые мне понравились. Но тут же авторы начинают как бы микшировать, смягчать эту определенность, размывая ее некоей полифонией на манер горбачевского «плюрализма».

И появляются серьезные сомнения: осуждение ли возьмет верх в сознании зрителей, особенно молодых, или, может быть, оправдание? Как же, боролся-то, видите ли, против тоталитаризма, большевизма, за «новую Россию»!

Между тем это есть лишь прикрытие обыкновенного шкурничества. Достаточно вспомнить, с какими словами он сдавался в плен: «Не стреляйте, я генерал Власов».

— Хотя, наверное, стоило бы застрелиться…

— Что вы! Для шкурника, думающего только о себе, это немыслимо. С психологией предательства такое несовместимо: у изменника гниющее нутро. И надо беспощадно вскрывать эту психологию, которая ничего, кроме презрения, у меня не вызывает.

Фигура, про которую мы говорим, всегда была до крайности мне отвратительна. Даже физиономия его, которую впервые увидел в листовках, призывавших нас в рай немецкого плена. А позднее я специально занимался этой историей, когда писал «Горячий снег». Дело в том, что сын генерала, героя моего, оказался в армии, которой командовал Власов, и я даже написал на эту тему целую главу. Но по совету Твардовского потом изъял ее.

— Твардовский читал рукопись?

— Он почти все мое читал.

— А почему дал такой совет?

— Глава, по его мнению, уводила от основной темы, и я с ним согласился.

— Но давайте, Юрий Васильевич, вернемся к телефильму. Согласитесь, он ведь не только о Власове. Связанные с Власовым события становятся поводом, чтобы обратиться ко времени, гораздо более близкому нам. И тогда появляется физиономия генерала КГБ Калугина, мелькает на экране (правда, только мелькает!) даже сам Горбачев, а в речах сегодняшних российских «философов» начинают звучать рассуждения, что лучше бы поскорее разделить Россию на части, и пусть Владимирское, Московское и прочие княжества, каждое само по себе, решают, скажем, проблему миграции…

— Сумасшествию нет предела! Потому что стихия предательства, которая обрела своеобразную легитимность и для которой во время «перестройки» и «реформ» были широко открыты все шлюзы, разлилась чрезвычайно широко. Посмотрите, что творится сегодня на Украине. Так что реабилитация власовцев, бандеровцев, дивизии СС «Галичина» и т. п. — это узакониваемая дорога к дальнейшей перекройке мира по американским, западным лекалам и к дальнейшему упрочению несправедливости в нашей стране.

Я слушаю его и думаю, насколько тяжело ему говорить сейчас обо всем этом. Ведь Украину он освобождал от фашистов, а теперь они заправляют там снова. Во время войны, на фронте, он стал коммунистом, а ныне коммунистическую идеологию и символику где-то уже запретили, а где-то готовы запретить и один за другим сносят памятники советской эпохи.

Да, теперь «где-то» — на Украине, в Прибалтике и так далее. Но начиналось-то все у нас во время горбачевской «перестройки» предательской пятой колонной, о которой не может офицер Красной армии Юрий Бондарев говорить спокойно, ибо видит в ней — не без оснований! — ударную силу врагов нашей Родины. Это она утверждала в массовом сознании, что Сталин хуже Гитлера, а советский социализм хуже гитлеризма. Значит, и не было никакой Великой Победы. А уж всяческие «подробности», вроде многократно увеличенных наших воинских потерь, чтобы доказать «преступное» неумение советского руководства и командования вести войну, стали прямо-таки обиходными.

— Сейчас, — говорю я Юрию Васильевичу, — поднят шум вокруг некоего телеканала «Дождь», где в связи с 70-летием освобождения Ленинграда от блокады поставили перед зрителями вопрос: а может быть, лучше было сдать Ленинград? Шум явно запоздалый и «показушный». Ибо первым даже не вопрос поставил, а прямо заявил, что Ленинград надо было сдать, не кто-нибудь, а участник войны, ваш коллега и, кажется, ровесник Виктор Астафьев. Так ведь?

— Верно, Астафьев. Примкнувший к пятой колонне. А Гранин, тоже участник войны, пишет: «Русские были плохие солдаты». Да как же можно так обобщать? На каком основании?!

Дальше Юрий Васильевич вспоминает солдат, с которыми ему довелось в боях быть бок о бок: «Ребята воевали прекрасно!» Размышляет о том, какую роль сыграла советская школа в подготовке этих «ребят» — их образованности и убежденности. Напоминает, что про советских генералов и маршалов за последние годы тоже написана масса неправды, а вот немецкие генералы в своих мемуарах во многом признали их превосходство…

И тут мы подходим, пожалуй, к самому главному, корневому: а для чего все-таки велась и так усиленно ведется фальсификация истории той войны и в целом советского периода нашей жизни? Не для окончательного ли утверждения нынешней несправедливости в стране? Напоминаю своему собеседнику:

— Вот нынче говорят так: да, дескать, воевали люди за Родину. Но — не за Советскую Родину. То есть стремление противопоставить Родину и Советскую власть, народ и коммунистов. Как будто это какие-то противоположные, даже враждебные явления. Но разве во время войны господствовало именно такое отношение? Понятно, люди разные, миллионы людей, и у кого-то в мыслях так было. А все же что, по вашему восприятию, преобладало тогда?

— Вы сказали: говорят. А кто говорит-то? Та же самая пятая колонна. Если бы на самом деле было так, как они сейчас пытаются представлять, ни в коем случае не одержали бы мы величайшую нашу Победу. Все, что сделано было перед войной, и не только в материальном смысле, а и в духовном, в воспитании нашего поколения, помогло нам прийти к Победе.

— Ваше поколение по праву называется великим. Поколение Зои Космодемьянской, Александра Матросова…

— Силу давало нам сознание того, что отстаиваем самую справедливую страну на земле.

— А теперь извращают все в головах молодых, вдалбливают им ложь об отечественной истории с главной целью — очернить попытку более справедливого устройства жизни, без олигархов и нищих, где владыкой на самом деле является труд. Чтобы ни в какой форме не вернулось это, а несправедливость упрочилась навечно.

— Вы очень точно сказали. Но более двадцати лет, которые уже пришлось нам прожить по законам несправедливости, ничего хорошего ведь не дали нашей стране.

Может быть, обманутый народ все-таки задумается? Куда ни кинь глаз, везде мы потеряли, а не нашли. Везде падение — в промышленности, сельском хозяйстве, в науке и культуре…

Действительно, огромное культурное падение в России очевидно. И произошло оно не само собой, а в результате целенаправленных усилий, определенной политики. Непременной частью этой политики и этих усилий стало, как и во всем, принижение, очернение, уничтожение достижений советской эпохи. Нет, конечно же, для них не эпохи, а «совка» — так презрительно они выражаются…

Вспомните программную статью «Поминки по советской литературе». Поминки провозглашались не только за ненадобностью этой литературы, но и по причине якобы ее ничтожности. Однако в результате «смены ценностей» именно ничтожества вышли на первый план! Так, автор этой статьи, известный своим скандальным полупорнографическим «романом», становится видной фигурой «элиты», ведущим программы на телеканале «Культура», а советская литература вместе с выдающимися ее мастерами отправляется в положение изгоя.

В таком положении, изгоя, оказывается на всю эту четверть века великий советский писатель, наш современник-классик Юрий Васильевич Бондарев. Невыносимо было читать во время «перестройки» тот вал хулы, который обрушился на него со страниц коротичевского «Огонька» и прочих подобных изданий. Ничтожества, мелкие завистники, злобные антисоветчики, получив возможность, как шакалы, набросились с лютой ненавистью сводить счеты.

А потом зловещим Александром Яковлевым было дано всем подведомственным СМИ указание, равно относившееся и к Юрию Бондареву, и к «Правде»: «Не надо ничего писать и говорить о них — и они тогда перестанут существовать».

Каково годами пребывать в удушающем вакууме, который изо всех сил создается вокруг тебя? Для Бондарева закрыт экран телевидения. Его не включают в состав делегаций, представляющих российскую литературу за рубежом. Ему не присуждают государственных премий, а новые его книги, которые выходят, окружаются заговором молчания. Наконец, знаменитый Швыдкой, рулящий культурой, в правительственной (!) «Российской газете» объявляет Бондарева… «нерукопожатным». Как «сталиниста».

Но! На телеэкране вынуждены (рейтинговые соображения) показывать фильмы, снятые в советское время по его романам и сценариям. Сами эти романы и другие произведения живого классика предприниматели-коммерсанты вовсю начали переиздавать, потому что они пользуются неизменным спросом, и уже вышло после 1991-го не одно собрание его сочинений. А когда в 1999 году на страницах журнала «Наш современник» и затем отдельным изданием появился «Бермудский треугольник», который я считаю сильнейшим романом о времени этого ужасающего безвременья, несмотря на заговор молчания вокруг, читатели его нашли, выделили, откликнулись.

Сейчас, при нашей встрече, вместе с автором вспоминаю я, сколько писем со всей страны сразу же получила «Правда» об этой новой работе крупнейшего писателя. Однако вспоминаю и другое. Несколько раньше, в начале декабря 1996-го, когда исполнилось 100 лет со дня рождения великого советского полководца Георгия Жукова, проводилось соответствующее «мероприятие». Но кто были главными на сцене? Чубайс и Черномырдин! Издевательство, да и только. Я подумал тогда: вот же есть выдающийся писатель военной темы, участник Великой Отечественной, фронтовик, сталинградец. Не ему ли быть здесь вместо позорного Чубайса?

— Может, все-таки вас приглашали? — спрашиваю.

— Что вы! Не удостоен.

— А скажите, Юрий Васильевич, вот недавно вышел фильм Бондарчука-младшего «Сталинград». Показали вам его предварительно? Спросили ваше мнение, посоветовались?

— Нет. Да я его и не видел до сих пор: не сочли нужным мне показать. И конечно, никто ни о чем не спрашивал.

Задам вопрос читателям: вас не поражает это? Меня — очень. Невольно возникла ассоциация из советского времени: великий Сергей Бондарчук ставит «Судьбу человека» и «Они сражались за Родину» по Михаилу Шолохову. Советы с писателем при работе над сценариями, при подборе актеров, в ходе съемок… И первый показ законченной ленты — в Вешенской. Почему же в данном случае такое игнорирование одного из лучших знатоков сталинградской темы? Будто уже нет его на свете.

Впрочем, разный подход к работе — разный и результат. Фильмы Сергея Бондарчука и Бондарчука Федора отличаются, как небо от земли. Вот вам для сравнения кино советское и «новороссийское».

Между тем, напомню, травили Бондарчука-старшего так же, как Бондарева. Одновременно. Да и за то же самое, по сути: за талант и принципиальную гражданскую позицию, за необоримость духа и совести.

А гениальный Шолохов? Ему советской позиции не прощают и поныне. Когда мы разговаривали с Юрием Васильевичем (о любимейшем Шолохове не могли не говорить), приближалось тридцатилетие кончины мирового русского классика.

— Вот посмотрим, — сказал я, — как телевидение отметит эту дату.

Что ж, посмотрели: никак! Ни на одном канале — даже на «Культуре». Газеты в абсолютном большинстве такую дату тоже замолчали. А при закрытии сочинской Олимпиады, показывая в художественном представлении писателей, составивших гордость отечественной культуры, Шолохова вообще исключили. Зато не обошлись без Солженицына — идейного антипода Шолохова и Бондарева.

Согласитесь, все это выразительные свидетельства того, какова нынешняя культурная политика. В чем-то весьма существенном она, увы, не меняется. С трудом поворачивается у них язык говорить что-либо доброе о великой советской культуре, литературе, о великих советских творцах. Об антисоветских — пожалуйста.

Но мой собеседник вспоминает, с каким интересом относился к советским писателям и их книгам выдающийся американец Джон Стейнбек, с которым довелось ему, Бондареву, «выпить не одну рюмку чая». И вдова другого выдающегося американца, Хемингуэя, немало рассказывала ему, как высоко ценил советскую литературу ее муж.

Здесь кстати заметить, что книги самого Бондарева переведены более чем на 85 языков мира. Переведены и продолжают переводиться. Разве не говорит это о масштабе писателя?..

— Юрий Васильевич, а чем вы заняты сейчас?

— Готовлю полное собрание сочинений. Уже давно. Работаю над текстами, зарываюсь в архивы. Тяжелейшее, скажу вам, дело! Мне даже ночами снятся иногда эти тексты, хотя ночью лучше бы спать…

Знаю, что труженик он необыкновенный. До обеда стараюсь ему никогда не звонить: заветное это время — за письменным столом.

— А потом-то хоть отдыхает? — выведываю у Валентины Никитичны.

— Борюсь с ним. Хитрит. Прикинется, будто прилег, а загляну — опять сидит над бумагами.

— Каждому писателю такую бы заботливую жену, — говорю совершенно искренне.

Он не возражает. Зовет ее с нежностью: мама, мамочка. Но оторваться от каких-то своих мыслей, замечаю, не может вполне даже в эти минуты, когда мы пьем чай и разговор переходит постепенно на бытовые мелочи.

Там, на письменном столе, остались аккуратно разложенные папки, книги, листы бумаги, исписанные и исчерканные его рукой. Я уеду, а он, наверное, поспешит вернуться к ним. Вечером же по давней традиции будет размеренно шагать под темным небом, а если вдруг появятся звезды — подолгу смотреть на них. Когда-то говорил мне, что часы таких прогулок для него самые плодотворные.

В последние годы он вынужден был пережить немало горького и тяжкого. Иногда, видя это, хотелось вслух посочувствовать ему, однако «сантиментов» по отношению к себе он категорически не приемлет.

Потому и сейчас, перед юбилеем вашим, дорогой Юрий Васильевич, я просто обнимаю вас по-солдатски крепко и желаю здоровья. Во время этой нашей встречи вы опять повторили, что для исполнения задуманного вам необходимо одно — здоровье. Да будет оно у вас!

Эпоха Пахмутовой

Советская песня — великая эпоха в мировом музыкальном искусстве. А эпоха имеет свои периоды. И при всем обширнейшем богатстве авторских имен есть среди них особенно знаковые. Вот Тихон Николаевич Хренников, выдающийся советский композитор, который сам написал немало великолепных песен и с которым на склоне его лет не раз мне посчастливилось беседовать, нашу песенную периодизацию связывал с тремя главными, как он говорил, именами. Предвоенное время — это Исаак Дунаевский, война — Василий Соловьев-Седой, а после войны — Александра Пахмутова.

Кто-нибудь будет спорить? По-моему, определено весьма точно.

Когда вспоминаешь об Александре Пахмутовой, поражаешься в первую очередь необыкновенному таланту, которым от рождения награждена была девочка, появившаяся на свет в поселке Бекетовка близ Сталинграда. Но ведь талант надо было поддержать, развить да и просто физически спасти в детстве вместе с жизнью. Как и других сталинградских детей, маленькую Алю вывозили буквально из-под фашистских бомб, «когда кипела волжская вода».

Удивительно ли, что по прошествии лет с такой пронзительностью прозвучит пережитое в ее песнях «Горячий снег» и «Поклонимся великим тем годам». Иногда говорят: социальный заказ. Но, может быть, одновременно бывает он и «заказом» сердца, души?

Я думаю, без крепкой душевной связи со всем тем, чем жила Советская страна, и без искреннего чувства благодарности ей не могло быть создано это фантастическое многоцветье мелодий, которые щедро, одну за другой несла она людям. Более четырехсот песен, в том числе абсолютные шедевры! Возможно ли, чтобы при этом не помнила она, что в самую суровую военную пору, заметив редкий дар, Родина направила ее из далекой Караганды в столицу — в школу для одаренных детей при Московской государственной консерватории? А затем она окончила и полный консерваторский курс композиторского отделения, и аспирантуру…

У меня неслучайно уже повторились эти слова: советская, советский. Она же не из какой-то «элиты» произошла. Ее родители, как говорится, простые трудовые люди — мама Мария Амплеевна и отец Николай Андрианович, рабочий ТЭЦ.

Кто-нибудь скажет, и сегодня подобное нередко говорят, что талант все равно пробил бы себе дорогу. Как знать. Сама она высказалась однажды так: «Если бы я была девочкой в это время (нынешнее! — *В. К.),* никакого композитора Пахмутовой не было бы. В лучшем случае я была бы нянькой у какого-нибудь олигарха».

Ну а могли появиться такие песни, как у нее, пусть от других авторов? Давайте признаем: нет!

«С ее именем вписаны в историю СССР самые великие события. И первый полет человека в космос, и грандиозные советские стройки, ее песнями до сих пор идет рассказ и о Великой Отечественной войне, и о Московской Олимпиаде». Это я процитировал газету «МК» (трудно как-то написать — «Московский комсомолец»). Даже она вынуждена главное признать. Потому что факт есть факт, от него не уйдешь. Из песни слова не выкинешь.

И та же журналистка признает, что «люди, которые жили еще при СССР», знают и любят ее песни: «Ну вот кто навзлет не вспомнит: „И снег, и ветер, и звезд ночной полет, / Меня мое сердце в тревожную даль зовет“, а „Главное, ребята, сердцем не стареть“, а „Усталую подлодку“, песни „Орлята учатся летать“, „Знаете, каким он парнем был“, „Старый клен“, „Беловежская пуща“, „Трус не играет в хоккей“, „Команда молодости нашей“, „И вновь продолжается бой“, „Нам не жить друг без друга“, „Как молоды мы были“, „До свиданья, Москва, до свиданья“, я уже не говорю про всеми обожаемые „Нежность“, „Надежда“ и „Мелодия“…»

Повторю: это пишет «МК». Сегодня. Но так ли она писала о Пахмутовой еще совсем недавно?..

Жизнь Александры Николаевны, как и многих из нас, разрублена надвое трагическим 1991-м. Помню, в моих разговорах с Тихоном Николаевичем Хренниковым многократно заходила речь о ней, а также о ее муже, верном спутнике жизни и соавторе — поэте Николае Николаевиче Добронравове. Я спрашивал: «Ну почему никогда не отвечает их телефон? Может, номер изменился?» — «Да нет, — объяснил мой собеседник, — они телефон просто отключают. Их же затравили!..» Помолчав, добавил: «Как и меня».

И услышал я горький рассказ о гадких телефонных звонках, которыми все последнее время терроризируют композитора.

Вспомнил день, проведенный тогда же у Сергея Федоровича Бондарчука. За все время нашей затянувшейся беседы в квартире не раздалось ни одного телефонного звонка. Может, и он отключал телефон по той же причине? Великий режиссер и актер стал затворником. Мучился. Страдал. Из-за этого ушел раньше времени. Да разве один он?

Действительно, сколько убийственных несправедливостей обрушилось со всех сторон на величайших творцов советской культуры! С телеэкрана и газетных страниц, по радио и в наспех состряпанных книжонках… Песни Пахмутовой почти напрочь исчезли тогда из эфира. О, конечно, там безраздельно правила бал бесовщина, крутившаяся вокруг «единственной и неповторимой», как утверждалось, «примадонны». Она же, что декларировалось вовсю, Пахмутову терпеть не может.

Гадость могли швырнуть в лицо даже совсем неожиданно. Придет, например, Александра Николаевна в Пенсионный фонд с

удостоверениями народной артистки СССР и Героя Социалистического Труда, а ей с ядовитой усмешкой скажут: «Да выбросьте вы эти бумажки…»

Все это надо было перенести. И они с Николаем Николаевичем переносили стойко. Хотя рецепт «самопомощи» знали все: выступить с публичными антисоветскими заявлениями, да чтобы покруче, похлеще. К этому, увы, многие прибегли. Но не они.

Они, как ни тяжко было, продолжали работать. Песни другого времени получались, конечно, другие: «Горькая моя Родина», «Госпожа нищета», «Остаюсь с обманутым народом»… Душой старались они не кривить. А негасимая любовь народная была (и остается!) им в этом поддержкой.

И вот в конце концов, мне думается, мы можем сказать: в нелегком поединке с обстоятельствами, судьбой, властью победу одержала она, Александра Николаевна Пахмутова. Ее неодолимое, великое искусство.

Именно так, по-моему. Ведь, когда в один из очередных ее юбилеев президент страны приехал с поздравлениями к ней домой, это стало своего рода знаком. Есть фигуры, приезд к которым первого лица государства или прочие проявления властного внимания никого не удивляют. А тут повод для удивления был. После всего-то, о чем говорилось выше и что в нынешнем нашем существовании далеко не изжито! Значит, кто-то о чем-то там, «наверху», все-таки задумался?..

И последующие появления Пахмутовой и Добронравова на телеэкране, концерты с их участием, все более заметные и значимые, подтверждали: теперь уже и официально они не в положении изгоев.

Конечно, радует, что советской песне дозволено наконец столь широко звучать, только при всем при том мы знаем: тревога за будущее родной культуры не убывает. Отдельными прекрасными концертами или выставками, удачным фильмом или берущей за душу книгой дела в культуре не поправишь. Александра Николаевна верно сказала: «Спасти нас может только нормальная нравственная и художественная среда, подобная советской». Но разве можно создать ее в нынешних реалиях!

Согласитесь, изумительные советские песни рождены не только блистательным талантом авторов, но и временем, которое нас вдохновляло, той жизнью, в которой неизмеримо больше было справедливости, честности, любви. Стало быть, чтобы к лучшему изменились песни, которые в большинстве нормальным людям нынче просто петь невозможно, надо изменить жизнь.

Мы еще вернемся к советским идеалам

Давнее мое желание встретиться и побеседовать с одним из лучших русских писателей «поколения сорокалетних» наконец-то осуществилось. Чем он интересен, автор широко известных романов «Санька», «Обитель» и других, а также ряда повестей, рассказов и эссе, ставший в 2016 году, согласно социологическим исследованиям, самым упоминаемым в СМИ отечественным писателем?

Прежде всего, разумеется, его выделяет незаурядный литературный талант, который заявил о себе уже в самых первых публикациях, относящихся к началу 2000-х годов. Но не менее ярко сразу же проявилась и активная общественно-политическая позиция начинающего писателя, до этого прошедшего трудную школу боевых действий в Чечне. Суть этой позиции, если сказать предельно коротко, — в абсолютном неприятии почти всего, что учинено с нашей Родиной в августе 1991-го и в последовавшие затем годы.

Протестный настрой определил характер и большинства художественных произведений Захара Прилепина, и его публицистику. Достаточно назвать хотя бы «Письмо товарищу Сталину», вызвавшее настоящую бурю в Интернете. С июля 2012 года он вместе со своим другом — писателем Сергеем Шаргуновым (ныне депутат Госдумы от КПРФ) — возглавил редакцию сайта «Свободная пресса»: Шаргунов стал его главным редактором, а Прилепин — шеф-редактором.

В конце лета 2014 года у Захара установились тесные связи с самопровозглашенными Донецкой и Луганской народными республиками. Сначала он был военкором в зоне вооруженного конфликта, затем стал энергичным организатором гуманитарной помощи. С декабря 2015 года — советник главы Донецкой народной республики Александра Захарченко, а потом и заместитель командира батальона в Донбассе.

Первой темой для нашей беседы я предложил приближающееся 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции. По моему ощущению, Захар Прилепин это предложение принял не просто удовлетворенно, а даже с радостью.

— Итак, впереди вековой юбилей Октябрьской революции 1917 года. Кто-то скажет — Великого Октября, кто-то — большевистского переворота. Но дата, согласитесь, по-своему выдающаяся для тех и других. Мне хотелось бы, чтобы вы рассказали о вашем отношении к этому историческому событию — человека, родившегося в 1975 году и ставшего писателем, известным далеко за пределами нашей страны.

— Тут есть два ракурса. Во-первых, это моя личная история, из детства, которая была и остается со мной. А во-вторых, как из дня сегодняшнего я вижу и воспринимаю то, что произошло сто лет назад.

Мое личное становление напрямую связано с советской литературой. Даже больше, чем с русской классической. Я родился в рязанской деревне…

— Мы земляки. Вы из Скопинского района, а я из Сапожка, Можар, Шацка.

— Важно еще отметить, что родители мои были интеллигенцией в первом поколении, а все предки до того — крестьяне.

— Опять у нас совпадение.

— Ну вот, мой отец стал учителем истории, преподавал в деревнях и другие предметы, был директором школы. Книги в доме рано начали притягивать меня, и скажу так: через поэзию происходило познавание мира.

Поскольку это Рязанская область, первым по воздействию был Сергей Есенин. А он, безусловно, красный поэт, советский поэт, и, как бы ни пытались сегодня новейшие исследователи «разженить» его, рассорить с советской властью, по большому счету все это неправда. У Есенина было время полной очарованности революцией в 1917–1918 годах, затем, с 1919 по 1921-й, некоторое охлаждение, но после поездки в США он абсолютно убедился в правоте красного дела. Его поэзия — главное тому подтверждение.

— Вы хорошо сказали про попытки «разженить» Есенина с советской властью. К сожалению, подобные операции предприняты за последние три десятка лет и по отношению ко многим другим советским творцам…

— Это так. Однако тексты говорят сами за себя. И я проникался красной идеей через поэзию Маяковского, Багрицкого, Луговского, Ярослава Смелякова, через детские книжки, которых у меня было множество. Тут и рассказы про детство и юность Ильича, про Великую Отечественную войну и пионеров-героев, тут и «Книга будущих командиров» замечательного Митяева, где большая часть была посвящена советским воинам…

Все это создавало пространство не просто интереса, а традиции. Для меня советское, красное — это моя личная традиция. Я не помню дореволюционной России, и дедушка мой покойный родился в 1914 году, а все остальные дедушки и бабушки — уже при советской власти.

Да, была та Россия, я ее тоже очень люблю, но она все-таки отдаленно от меня существует. А для понимания того, что являли собой Маяковский, Блок, Есенин, Луговской или Юрий Бондарев, каких-то особых усилий не требуется. Они рядом. И даже если ушли от нас, до них всего одно рукопожатие. Скажем, Леонид Максимович Леонов, советский классик, — гипотетически я мог с ним встречаться…

— А я встречался.

— То есть хочу подчеркнуть, что все это очень близкое и родное для меня. Но тут вдруг началось низвержение советских устоев. В 1991 году я окончил школу, и вот в этом горьком времени есть тоже своего рода личная рифма для меня.

— В чем же?

— А в том, что, по логике, я должен был стать одним из последних комсомольцев в Советском Союзе, потому что после 1991-го уже не принимали в комсомол. Но — парадокс! Меня, единственного в классе, тогда в комсомол не приняли.

— Почему?

— Был самый радикальный, самый взрывной, самый наглый в своих заявлениях. Так вот — за дурное поведение. А ведь я, по-моему, как никто в нашем классе, верил в комсомол!

Интересно, что фактически то же произошло с моей будущей женой. Она была такой же страстно верящей в социалистические идеалы, и ее тоже отказались принять в комсомол. Вижу в этом серьезную загвоздку и даже в чем-то объяснение крушения Советского Союза. Мы-то верили, а у наших пастырей, присматривавших за страной, судя по всему, веры уже не оставалось.

— И как вы восприняли 1990-е годы?

— Все происходившее стало пространством моей личной боли, личной муки и личного бешенства. Для родившихся позднее внове слышать сегодня, например, гнусность Бильжо о Зое Космодемьянской или прорывающиеся время от времени требования вынести Ленина из Мавзолея. Но я-то переживаю это с того же 1991 года или даже раньше. Коллективный Николай Карлович Сванидзе как вещал, так и продолжает вещать в лице Гозмана, и несть им числа.

— А каким ощущается вами отношение народа к этому?

— Оно разное, конечно. Все-таки в головы людей засунули огромную метлу и основательно пошуровали ею. Однако я чувствую, что красная, левая идея стала для большинства моих соотечественников традицией. С одной стороны, как говорил Горький, это для нашей страны был рывок вперед и вверх. А с другой — это, безусловно, стало традицией, отказываться от которой многие не хотят и не спешат.

— Причина?

— Советское, как говорится, вошло в плоть и кровь. Смотрите: 38 процентов поддержали бы Ленина, если бы он сегодня стал организовывать революцию в России. Из 86 процентов, которые в рейтинге Путина, 60 скорее положительно относятся к Ленину. Я уже не говорю про Сталина, за которого от 50 до 70 процентов, а бывает и больше.

То есть совершенно очевидно, что страна воспринимает свое левое, красное прошлое как традицию, на которой она стоит и с которой не желает расставаться. В том числе с вождем Октябрьской революции Лениным, и это очень серьезный момент.

— Ну да, ведь Сталина теперь зачастую стараются не только отделить от Ленина, но и противопоставить ему. Потому что Сталин, дескать, «державник», а Ленин — революционер.

— Не надо отделять и противопоставлять! Иначе мы пойдем вслед украинцам. Недопустимо ничего отдавать из нашей истории, на которой мы стоим. А Октябрь 1917-го — это, конечно, величайшее событие во вселенской, мировой истории, которое повернуло сознание всего человечества. Сейчас многие у нас не отдают себе отчета в этом, потому что за последние три десятилетия в результате колоссальной антисоветской работы огромность события раздробили и чудовищно извратили.

— Да уж, постарались основательно. Так что многих удалось ослепить и оглушить.

— Но тем не менее по той социологии, о которой я говорю, наш народ, оказывается, в большинстве умнее этих своих квазилиберальных пастырей и вообще своей интеллигенции. Ведь какие вроде бы авторитеты вещали и вещают против революции, какие фигуры оттоптались по советскому времени вовсю: Эльдар Рязанов, Говорухин, Никита Сергеевич Михалков… Оттоптались кто с консервативных позиций, кто с либеральных, но суть одна. А вот реакция-то на это разная. И для многих итог такой: да, мы вас за ваше искусство в прошлом уважаем, но Ленина и Сталина вам не отдадим.

Прямо скажу, меня это наполняет гордостью за мой народ, которому жить сегодня, увы, приходится очень нелегко.

— Собственно, Октябрь 1917-го тоже стал реакцией на нелегкую жизнь трудового народа.

— Не только нашей стране, а всему так называемому третьему миру, составляющему девять десятых всего человечества, русская революция дала надежду на свободу. Вот продолжают твердить, что Советский Союз — это якобы синоним несвободы. Смотря для кого! Есть непримиримая разница между свободой угнетателя и угнетенного. Так что советский проект для Индии, для Китая, для Африки и Латинской Америки — в общем, для всего внеевропейского и неанглосаксонского мира стал даже не путеводной звездой, а реально действующей программой по изменению своего колониального статуса.

— Вы сейчас касаетесь всемирного значения Октября.

— А разве это не должно быть выдающимся поводом для нашей национальной гордости? У меня в связи с данной темой был в Индии лет десять назад убедительный момент истины. Я приехал туда с одним замечательным писателем. Но он правый консерватор, поклонник дореволюционной России, не любящий Советский Союз. И вот выступает перед индийской публикой. Сидят они в своих разнообразных чалмах, полные внимания и почтения, а он начинает им говорить, какой проклятый, омерзительный был Советский Союз. И они по одному стали вставать и выходить из зала. Пока не остались мы там вдвоем с переводчиком…

— Ничего себе картинка!

— Да, вот представьте себе. Он на трибуне увлекся в своем красноречии и этого даже не заметил. А я побежал к ушедшим и вижу: стоят эти индусы со своими сливовыми глазами, в которых слезы блестят. «Что же это такое?! — слышу со всех сторон. — Советский Союз! Мы учились там, советские построили нам современное производство, помогли поднять наши науку и культуру. Как он может — приехать к нам в страну и оскорблять то, что нам дорого!»

— В самом деле, очень показательный эпизод.

— Можно сказать, метафора Советского Союза в индийском восприятии.

— Стыд перед ними возникает за расправу с великой и уникальной страной?

— Есть оттенок стыда, никуда не денешься.

— Но что все-таки произошло, на ваш взгляд, со значительной или даже большей частью нашей творческой интеллигенции, которая в полном смысле слова взращена была советским строем, советскими идеалами, советской культурой? Почему вдруг такое массовое предательство и неблагодарность, про которую с особой болью и негодованием говорил мне в 90-е годы патриарх советской литературы Виктор Сергеевич Розов?

— Коротко на это не ответишь, потому что у разных персонажей или групп творческой интеллигенции происходило не совсем одинаково, а иногда и очень по-разному.

— Однако не чувствуете ли вы себя белой вороной в этой среде?

— Если говорить о себе, то я изначально ориентировался на несколько личностей, которые в тот переломный момент с красными идеалами не расстались, а наоборот — особенно четко и во весь голос начали их отстаивать. Это Александр Проханов, это Эдуард Лимонов, Сергей Кара-Мурза, конечно же — Юрий Бондарев. А несколько позже я узнал еще и Александра Панарина.

У меня в моей литературной работе сразу же ориентация была на эти имена. Хотя, замечу, ни на день не расставался я с глубочайшим уважением к так называемым почвенникам: Валентину Распутину, Василию Шукшину (не дожившему до этих времен), Василию Белову… Правда, крайне болезненное отношение сложилось к Виктору Астафьеву, но это уж особая статья…

— Да, более чем! И не у вас одного сложилось тогда к нему крайне болезненное, как вы сказали, отношение. А у Распутина? То же самое, о чем он не раз говорил мне. Хотя они ведь много лет с Астафьевым дружили и творчески были близки, но тут Валентин Григорьевич сдержаться не мог — высказал ему все публично и весьма нелицеприятно.

— Вот эти разные литературные сегменты следует по-разному объяснять. Я думаю, например, что на Проханова и Лимонова серьезно повлиял опыт достаточно широкого перемещения по зарубежным странам. Лимонов вообще там долго жил, а Проханов многое объездил в своих командировках. И знание западной цивилизации давало им возможность понять: те представления, которые стали нам усиленно навязывать (что там, дескать, рай земной, а у нас ад кромешный), не соответствуют действительности. Даже в США и во Франции, находившихся на вершине своего благоденствия, тот же Лимонов, проживший там двадцать лет, прекрасно знал изнутри огромное количество проблем, которые в сумме создавали картину далеко не идиллическую.

— А меня поразила ностальгическая нота в его повести-воспоминании «У нас была великая эпоха», которую журнал «Знамя» опубликовал во время «перестройки».

— Это художественная проза. Но у него была еще и сильная публицистика: «Исчезновение варваров», «Дисциплинарный санаторий», «Убийство часового». Очень точные работы, очень прозорливые, в которых еще тогда, в конце 1980-х, высказывалось немало такого, о чем мы продолжаем спорить и сегодня.

С другой стороны, мне, как родившемуся и выросшему в деревне, была близка мука Василия Белова и Валентина Распутина, пропущенная ими через свое сердце. Был уже все-таки какой-то переизнос человеческого материала в крестьянской среде. Был и отъезд людей из деревень, и то, над чем горевал и усмехался Шукшин, — горожане в первом поколении…

— Как вы все это воспринимали?

— С пониманием и сочувствием, безусловно. Однако виделась грань в отношении к советской действительности, советской истории, переступив которую, легко было свалиться в пространство злобной клеветы. Что, собственно, и произошло с тем же Виктором Астафьевым. Впав буквально в беснование относительно всего советского, он уже перешел в другой, враждебный

лагерь. Возникает даже мысль, что стал он нездоров психически…

Но какое-то время в определенном раздоре с советской властью оказался и круг городской неоконсервативной интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала «Наш современник»: сам главный его редактор Станислав Куняев, Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов и другие. Потом, конечно, многое у них стало существенно меняться.

— Очень многое! И я наглядно мог наблюдать это в беседах с Вадимом Валериановичем Кожиновым, которые были у меня в течение длительного периода. Важен и такой факт: Кожинов ведь стал доверенным лицом Зюганова на президентских выборах 1996 года.

— Я вот почему из сегодняшнего дня вспоминаю позицию того патриотического литературного круга, какой она определилась к началу «перестройки». Должен быть извлечен серьезный урок, диктуемый ныне самой жизнью.

На Украине валят памятники Ленину — и мы видим, что вместе с ними рушится русский мир. А тогда русское начали противопоставлять советскому, утверждалось представление, будто от советской истории во имя «русской идеи» кого-то и что-то, как неприемлемое, надо отделить. Дескать, Ленин плохой, Сталин хороший, Советский Союз в целом мы принимаем, но…

И так далее. То есть они действительно начали делить, резать по живому, чего делать ни в коем случае нельзя. Потому что это большое метафизическое советское тело, из которого недопустимо что-либо выпиливать! Не получится: есть так — и никак иначе.

— Ох, не все этот урок извлекли…

— Согласен, и горько сталкиваться с тем же сегодня… А самая потрясающая для меня часть нашей творческой интеллигенции — это, условно говоря, шестидесятники, или иначе — диссида, переливающаяся друг в друга. Жутко аномальное, как оказалось, явление! Они ведь имели сверхдоходы, пользовались сверхпопулярностью и обласканы были той властью до степеней занебесных. Но они же первые ее и предали!

Вот Евтушенко. По количеству изданий и переводов его книг это был, наверное, рекордсмен за всю историю человечества. И поездки по миру: хоть к Фиделю Кастро, хоть к Кеннеди.

О чем думали они, руша советский строй и советскую культуру? Им же завидовали поэты на Западе: «Вы издаетесь тиражами 50 и 100 тысяч экземпляров, а мы в своих университетах едва по 100–200 штук…» Видимо, надеялись, что вырежут из советской жизни угодное им макраме, но тиражи при этом останутся прежними.

— Нет, не получилось.

— Да надо же было понимать: если у тебя такие тиражи, то это следствие всей советской истории. И того, что была Магнитка, и был ГУЛАГ, и Великая Отечественная война… Еще раз повторю: это не делится.

— Вы смотрели сериал «Таинственная страсть» на Первом канале, где попытались создать ореол тем самым шестидесятникам?

— Нет. Но посмотрю, надеюсь, хотя в целом эта генерация для меня глубоко неприятная. В частности, ведь это от них пошло обвинение в нашу сторону, то есть всех уважающих советскую власть, что мы, дескать, страдаем «стокгольмским синдромом»: возлюбили якобы своих палачей.

Между тем не уйти от того, что именно у многих из них — у Василия Аксенова, Булата Окуджавы, Юрия Трифонова и так далее — отцы были видными советскими или партийными деятелями, находились на высоких постах в НКВД. Я уж не говорю о наиболее ярых нынешних антисоветчиках: в НКВД служили дедушки чуть ли не каждого из них.

У меня, скажем, не служили. А если бы это и было, не переживал бы я: что ж, работа такая. Значит, свой синдром не у нас, а у них. Они отказались от собственных отцов и дедов, вытаптывая с каким-то сладострастием все, над чем в поте лица трудились предыдущие поколения. Так что здесь психологам есть повод поразмышлять…

— Вернусь к состоянию массового сознания сегодня относительно Октябрьской революции. Как вы считаете, негатив все-таки перевешивает?

— Не думаю. Сознание это, конечно, эклектичное, рассыпанное, мозаичное.

— Каша у многих в головах.

— Это верно. Та самая метла, которую туда еще тридцать лет назад засунули, не зря столько времени прокручивалась. Однако и преувеличивать успех манипуляторов, по-моему, не стоит.

Знаете, если сесть рядом с так называемыми простыми людьми и начать задавать им последовательные вопросы, выяснится, что они за большую и справедливо устроенную Россию, что советская индустриализация им понятна, Победу в Великой Отечественной войне они уважают, полет Гагарина — тоже. Вопрос формулировки и подхода важен, а зачастую и разъяснение требуется.

— Вы говорите это, исходя из собственного опыта?

— Разумеется. К людям нужен подход, с ними нужна доверительная работа. Но разве не аргумент в нашу пользу «Бессмертный полк»? Сколько там — миллионов двадцать, огромная часть страны — целыми семьями выходят! А это же Советская Победа: не просто русского оружия, а советской системы, утвердившейся в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

— Абсолютная правда, конечно. Вы очень верно где-то написали: «Ленин — это не только Октябрь 1917-го, но и Май 1945-го». Только ведь далеко не все это понимают, в чем и состоит, на мой взгляд, большая беда нынешнего нашего общества.

— Если людям объяснять, они поймут.

— Приведу один вопиющий факт. Едет человек в Центральный музей Великой Отечественной войны, на Поклонную гору. Выходит из метро — и что же его там встречает? Полотнище трехцветного флага! Именно оно, а не Красное Знамя Победы, которое, казалось бы, здесь куда уместнее. Но нет, поставили на открытие маршрута памятник в честь участников Первой мировой войны и к нему приспособили (вполне умышленно!) этот в цвете выполненный размашистый триколор. А вот советского Знамени Победы, пройдя по всей обширной территории, прилегающей к музею, вы так и не увидите. Впрочем, как и вообще красного цвета, которого, совершенно очевидно, организаторы старались всячески избегать. Но это ведь главный музей не Первой мировой, а Великой Отечественной войны 1941–1945 годов!

— Да чему удивляться? У власти те же люди, которые совершили буржуазную контрреволюцию в 1991-м, и их последователи. Генерация, по сути, не сменилась, строй прежний, потому и линия идеологическая в основе прежняя. Обратите внимание, даже люди, делающие фильмы о советских героях — «Сталинград» или «28 панфиловцев», в главном этой линии придерживаются. Там ведь тоже не очень чувствуется советский дух: воюют герои достаточно абстрактные.

— Во всяком случае, зрители не вынесут отсюда мысль о том, что побеждала и в конце концов победила советская идея, социалистическая общественная система…

— Это верно. Однако, согласитесь, еще сравнительно недавно о появлении на экране новых фильмов даже в таком виде мы и мечтать не могли. А теперь они становятся лидерами проката. Хорошо! Значит, люди уже готовы к восприятию этого. И следующим шагом мы им внесем Красное знамя, вернем слово «советские», имя Сталина… Это пошаговая работа!

Нам надо заново отвоевывать наше пространство. Движение в целом идет сейчас, по-моему, все же в таком направлении. Мы отступали, отступали, а теперь понемногу или даже помногу начали наступать. И меня очень радует, например, возвращение моды на советские фильмы, на советскую музыку и песни…

— Ну это больше, чем мода! Я бы даже сказал: совсем иное. Считаю, что тут проявление глубинной, чуть ли не генетической потребности у людей.

— Согласен: это — органическая востребованность. Потому что имеется в виду пространство удивительной чистоты, истинного вдохновения, идеальных отношений и настоящих нравственных ценностей. Ведь это кино и эти песни утверждают добро, милосердие, а не хищный капиталистический постулат, что человек человеку — волк.

В 1990-е годы под воздействием всей тогдашней атмосферы люди массово рванули в циничное и меркантильное буржуазное свинство. Но шло время, и они воочию убедились, чем все это оборачивается. У них родились дети, а воспитывать детей на свинстве, как многие уже понимают, нельзя. Совсем другое — «Летят журавли» или хотя бы та же «Ирония судьбы»…

— Если с детства начинать, то хороши советские мультфильмы, в которых тоже необыкновенный заряд добра. Что и говорить, о достойном воспитании человека при социализме постоянно и основательно думали…

— А для нынешней власти красная идея в искусстве опасна. На мой взгляд, едва ли не главная легитимизация советской власти состоялась в том, что была создана великая советская литература и, шире говоря, советская культура. Но случайно ли власть сегодня не допускает в школьные программы Аркадия Гайдара?

— Или «Как закалялась сталь», «Молодую гвардию»…

— Да-да! Опасность для властвующих очевидна. Однако жизнь требует возвращения непреходящих советских ценностей, и мы обязаны добиваться этого.

Я вот связан с Донбассом, а там особенно чувствуется необходимость создания песен, созвучных, скажем, «По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год» или знаменитейшей фронтовой «Темной ночи». В советское время все было организовано так, что талантливый отклик искусства на вызовы жизни, будь то война или восстановление хозяйства после нее, следовал немедленно. Сегодня — сложнее, и тем не менее люди жаждут новых смыслов в искусстве, которые соответствовали бы их внутреннему настрою.

Власть, боясь роста народного самосознания, многое старается заглушать и купировать. Понятная тревога: что, дескать, будем делать с этим воспрянувшим народом? Но мы должны быть духовно сильнее власти, мы призваны срывать эти путы, настаивать на своей правоте и рождать новых Маяковских, Островских, Космодемьянских…

А победа, несмотря ни на что, будет за нами!